

Сергей Олегович Кузнецов

Строгоновы. 500 лет рода. Выше только цари

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4559351

*Строгоновы. 500 лет рода. Выше только цари: Центрполиграф; М.; 2012
ISBN 978-5-227-03730-5*

Аннотация

Род Строгоновых сыграл огромную роль в развитии страны. Их владения к началу XX века по обширности уступали только владениям царя... В книге представлены самые яркие страницы истории рода, завоевавшего для России Сибирь. Разбогатевшие простолюдины из глухой провинции в XVIII веке стали баронами и графами и стремительно вошли в круг столичной аристократии. Заказчики Ф. Растрелли и А. Воронихина всячески стремились приобщиться к европейской культуре, становясь страстными почитателями искусств.

Автор рассказывает обо всех значимых резиденциях Строгоновых в России и за ее рубежами, построенных на протяжении пяти веков, минувших с момента основания Аникой Федоровичем торгового дома. Читатель узнает немало любопытного об интерьерах дворцов и художественных раритетах, принадлежавших роду. Будут раскрыты семейные тайны, которые тщетно пытались разгадать не одно поколение исследователей. Не забыта и алхимическая деятельность графа Александра Сергеевича...

Все, интересующиеся историей русских усадеб, с удовольствием прочитают главы про имение Марьино, которое впервые представлено столь обстоятельно как родовое гнездо Строгоновых-Голицыных, как архитектурный шедевр и как колыбель русского лесоводства. Книга превосходно иллюстрирована. Особенно ценными являются исторические фотографии, в том числе из собраний русской эмиграции, часть которых является уникальными и никогда прежде не публиковалась. Хотя издание адресовано широкому кругу читателей, интересующихся повседневной жизнью аристократии, искушенные знатоки русской истории тоже найдут в ней немало новых фактов.

Содержание

Предисловие	4
Часть I	10
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	34
Глава 6	41
Глава 7	47
Глава 8	53
Глава 9	60
Глава 10	65
Глава 11	71
Глава 12	77
Глава 13	81
Глава 14	86
Глава 15	93
Глава 16	98
Глава 17	102
Глава 18	107
Глава 19	112
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Сергей Олегович Кузнецов Строгоновы. 500 лет рода. Выше только цари

Сейчас уже исчезли с лица земли Строгоновская улица, Строгоновский мост и Строгоновская набережная, но по-прежнему стоит на Невском проспекте Строгоновский дворец – дом и крепость рода Строгоновых, одно из интереснейших зданий Петербурга.

Ему, а также двум десяткам домов и усадеб, принадлежавших роду, посвящена эта книга

Предисловие

Аника Строгонов, который жил в глуши северных лесов, вынужден был построить укрепленный дом, что-то наподобие замка, призванного уберечь имущество и хозяина – основателя династии, которой в 2015 году исполняется 500 лет. В дальнейшем Строгоновы построили множество новых жилищ, соперничавших с царскими. Зачастую их также именовали замками.

Любой настоящий дом, стены которого помогают, то есть дают силы, в сущности представляет собой замок, что выражено в английском афоризме «my home is my castle». Это прекрасно чувствовал император Павел I, который, только взойдя на престол, переимено-

вал все прежние дворцы династии в замки. Он же построил Михайловский – главный замок России. Традиционно приведенное выше выражение переводится на русский язык словами «мой дом – моя крепость», хотя слово «castle» означает замок, а для обозначения крепости есть другое – «fortress». Замок, конечно, – маленькая крепость, легко превращаемая в цитадель полноценного оборонительного сооружения со стенами и башнями. Широко известное и за пределами Британии выражение «my home is my castle» в краткой форме отражает вожделенную мечту человека о неподверженной чужому вторжению частной территории.

Неприступность жилища является для владельца главным, поскольку дом представляет собой, прежде всего, убежище от реальных и мнимых угроз. Конечно, стены строения, создающие укрытие от внешних опасностей, иногда весьма эфемерная преграда, существующая только в воображении владельца. Тем не менее они часто все же исполняют свою спасительную роль в тот момент, когда владельцу удается скрыться в пределах собственных апартаментов, заперев дверь на все запоры. Покинув дом и положив ключи от него в карман, человек хочет быть уверен, что его вещи (вплоть до сокровенных тайн дневника) пребывают в сохранности. Но любое удаление от родных пенат причиняет беспокойство, ибо даже мнимая возможность прикосновения к личным предметам кого угодно, даже верных слуг, вызывает иногда сердечную боль.

Замок, вероятно, идеальная форма не только для феодала эпохи Средних веков, но и состоятельных людей в последующие времена, когда обороняться при помощи оружия приходилось не каждый день. Именно замок мог наилучшим образом показать необъятное богатство хозяина, его тонкий художественный вкус, силу воображения и мастерство избранного архитектора; внешний вид маленькой крепости должен был поражать друзей или завистников, отпугивать мнимых или реальных врагов. Наконец, облик фасада давал возможность признаться в верности памяти предков и уважении семейных традиций.

Замок Нойшвайнтайн, построенный баварским королем Людвигом II в Альпах в середине XIX в., идеальный пример владения феодала

Замок с непременно башней, с окнами-бойницами, с высокими трубами каминов – весьма живописное зрелище, особенно если такое жилище стояло на возвышенности, нависая над территорией владения. Да, замок наилучшим образом показывает положение в обществе. Именно в этом, судя по всему, секрет такой популярности неоготики в европейской архитектуре XVIII–XIX веков. В Англии готическая (замковая) традиция, кажется, вообще не прерывалась. Другое дело, что расположение в удаленной местности, на горе или, в крайнем случае, на холме, серьезным образом влияет на расходы владельца, и это обстоятельство привело к значительному уменьшению числа замков в Новое время. Любой другой дом – не на горе, без пушек, рва и толстых стен – представляется вынужденной заменой и все равно может рассматриваться как точный портрет (автопортрет) личности владельца. Его характеристика владельца отражается и в интерьерах дома. Зал придает жизни необходимую тор-

жественность, кабинет – поле для созерцательности, столовая – ритуализирует прием пищи, спальня представляет собой храм сна и наслаждения и т. д.

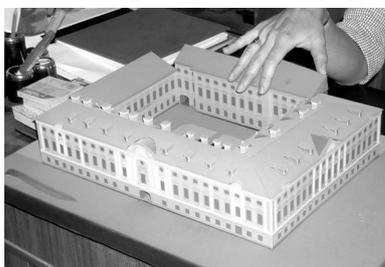
В создании дома реализуется мечта каждого человека о собственном мире ценностей. Непрестанные переделки планов и внутреннего убранства строений свидетельствуют о развитии личности, требующей постоянного выражения. Один стремится к необыкновенному уюту, который является пределом его желаний; другой жаждет поместить в свое жилище как можно больше произведений искусства и именно они связывают его с жизнью; третий отдает предпочтение величине конюшни или гаража, ибо топот лошадей или звук мотора дарят ему высшее наслаждение; четвертого заботит исключительно вид из окон, поскольку он – созерцатель. В общем, то, где и как построен и отделан дом – более чем достаточная характеристика владельца.

Средневековый характер Михайловского замка российского императора Павла I наилучшим образом читается с высоты птичьего полета

Истинный монарх должен жить в замке. Это показали нам «романтики власти» Людвиг II и Павел I. Второй из них, будучи великим князем, в разговоре с венесуэльцем Франсиско Мирандой, рассуждая о том, что люди в России слишком торопятся со строительством домов, и оттого те получают непрочными, заметил: «Причина состоит в том, что в этой стране нет ничего надежного, а потому все хотят наслаждаться, ибо что будет завтра, неизвестно, и нужно успеть воспользоваться моментом»¹.

На мой взгляд, «русский Гамлет» имел в виду, что серьезное дело строительства, требующее внимания и спокойствия и не допускающее спешки, в России исполняется не должным образом. Здесь следует заметить, что с точки зрения ценности художественного замысла облика строения очень важно как можно скорее его воплотить в жизнь, ибо чаще всего он меняется раньше, чем фиксируется в камне. Особенно это касается больших городских соборов: они строились десятилетиями и даже столетиями, за время их возведения успевали смениться несколько эпох в развитии искусства.

При рассмотрении макета видна общая архитектурная композиция Строгоновского дворца: здания по сторонам двора в форме неправильного четырехугольника

---

¹ Де Миранда Ф. Путешествие по Российской империи / Пер. с испан. М., 2001. С. 229.

Высказываясь подобным образом, великий князь Павел Петрович, желавший иметь дом в его истинном, староанглийском, понимании, опирался, прежде всего, на опыт предшествующих десятилетий XVIII столетия. И, по иронии судьбы, сам оставил истории пример скоростного и заброшенного «проекта». Его резиденция на слиянии Мойки и Фонтанки в Санкт-Петербурге – недостроенный и долго разоряемый дом, кстати, названный, задуманный и строившийся как замок, стал зримым воплощением правления и жизни Павла I: он распорядился о возведении его стен в первый день своего царствования и был убит в нем. Замок представлял собой метафорический образ государства Российской империи.

Определение «замок», разумеется, в самом широком толковании слова, можно отнести едва ли не ко всем строгоновским домам, не исключая растреллиевский шедевр на Невском проспекте. Его следует признать замком, во-первых, благодаря отчасти таинственному двору, ворота которого по-прежнему закрываются на ночь, как и в XVIII веке, и, во-вторых, многочисленным загадкам его истории. При всей кажущейся открытости и своей внешней привлекательности, здание представляет собой сложный ребус. Еще сто лет назад тонкий знаток и любитель искусств А.Н. Бенуа, долгое время желавший посетить здание, назвал его зачарованным местом. Мы многое узнали с тех пор, но принципиально мало что изменилось. Семья Строгоновых весьма успешно препятствовала проникновению за стены своего жилища.

Картинная галерея дома Строгоновых на Невском проспекте в тот момент, когда первоначальный порядок сменился «хаосом коллекционера». Фото 1865 г.

Дом Строгоновых на Невском проспекте принадлежит к числу интереснейших зданий Санкт-Петербурга. «Всякий, кто был в Петербурге и прошелся хотя бы один раз по Невскому проспекту, не мог не остановить свои взоры на старинном доме, находящемся близ Полицейского моста, на углу Невского проспекта и набережной реки Мойки», – так начал Н.М. Колмаков свой большой, достойный ранга краткой монографии, очерк «Дом и фамилия Строгоновых. 1752–1887»². В нем автор связал в единое целое здание и судьбы его владельцев, и он так и остался единственным трудом, апробированным Строгоновыми. Весьма возможно, они не давали санкции на более существенное исследование. И это одна из причин, по которой теперь мы очень мало знаем о Строгоновых. Будучи подчеркнуто честным, мне следовало бы едва ли не на каждой странице писать «не установлено», «неизвестен» и т. п. Но, боюсь, подобный текст имел бы слишком пессимистический настрой и не приветствовался бы издателем.

Кстати, мы даже не знаем происхождения фамилии Строгоновых и потому не существует единства в ее написании, кто-то пишет Строгановы. Н.М. Колмаков ставил три буквы «о», что, видимо, ему казалось правильным и что, судя по всему, было внушено графом Сер-

² Колмаков Н.М. Дом и фамилия Строгоновых. 1752–1887 // Русская старина. 1887. Т. 54. Март. С. 575.

гием Григорьевичем – так именовал себя один из последних представителей семьи, который интересовался происхождением своего рода и его историей. К сожалению, он весьма последовательно превращал свой дом в замок в смысле неприкосновенности частной жизни. Можно даже подозревать его в уничтожении, по примеру старшего брата Александра, архива семьи, в частности, без сомнения, богатейшего эпистолярного наследия графа Александра Сергеевича. Будем считать, что мы знаем достаточно или ровно столько, сколько мы должны знать о династии по мнению ее представителей.

Обратите внимание на то, что первый описатель здания – Николай Маркович Колмаков, называл его домом. Именование дворцом вопреки сложившейся семейной традиции и иерархии зданий XVIII века закрепилось за зданием после написания А.Н. Бенуа очерка для журнала «Художественные сокровища России» (1901 г.). Именно тогда впервые было опубликовано описание родового гнезда, и там здание называлось дворцом. Этот дом Строгоновых всегда привлекал внимание горожан причудливым старинным фасадом, а после публикации очерка А.Н. Бенуа стали известны кое-какие подробности его художественного оформления.

Н.М. Колмаков – юрист и гувернер детей княгини А.П. Голицыной, урожденной графини Строгоновой, является первым из двух мемуаристов, поставивших основные сведения о династии. Не следует упускать из внимания то обстоятельство, что второй – Ф.И. Буслаев, также долгое время был гувернером, воспитывая детей графини Н.П. Строгоновой, преподавая им, а затем и ее внукам, русский язык. В силу своей профессии лучшие гувернеры оказываются не только людьми, которые с неизменным успехом замещают родителей в сердцах своих воспитанников, но и становятся свидетелями самых сокровенных секретов дома, с которыми они рано или поздно расстаются, особенно если их обижали работодатели. В таком случае они выворачивают оставленный дом наизнанку, рассказывая о всех секретах и психологии обывателей дома. Буслаев вначале опубликовал «Воспоминания». Затем, дождавшись ухода из жизни действующих лиц, составил «Дополнения», стараясь донести до читателя важные семейные тайны. Некоторые другие из них поведал нам Колмаков.

Строгоновы, которые в лучший для семейства период на рубеже XVII–XVIII веков владели вотчиной примерно в 10 миллионов десятин (гектаров), производили помимо всего другого столь дорогой и важный продукт, как соль, они способствовали освоению Сибири (а также дали повод для изобретения бефстроганов), – теперь мало известны. Музей, который рассказывал о семействе сквозь призму художественной коллекции, просуществовал в доме на Невском всего десять лет (1919–1929). Многие из петербуржцев после посещения этого музея долго помнили фамилию прежних владельцев. Но с течением времени знание о меценатах и их благотворительности утратилось вслед за исчезновением с карты города Строгоновской улицы, Строгоновского моста и Строгоновской набережной, а также с закрытием или ликвидацией других их владений в России и за ее пределами. Итак, у них был один, так сказать почетный, дворец, которому уделено наибольшее внимание в этой книге, где в той или иной степени затрагивается история двух десятков городских или усадебных домов рода. Некоторые из них принадлежали семейству на протяжении многих десятилетий и неоднократно перестраивались в соответствии с меняющимися вкусами.

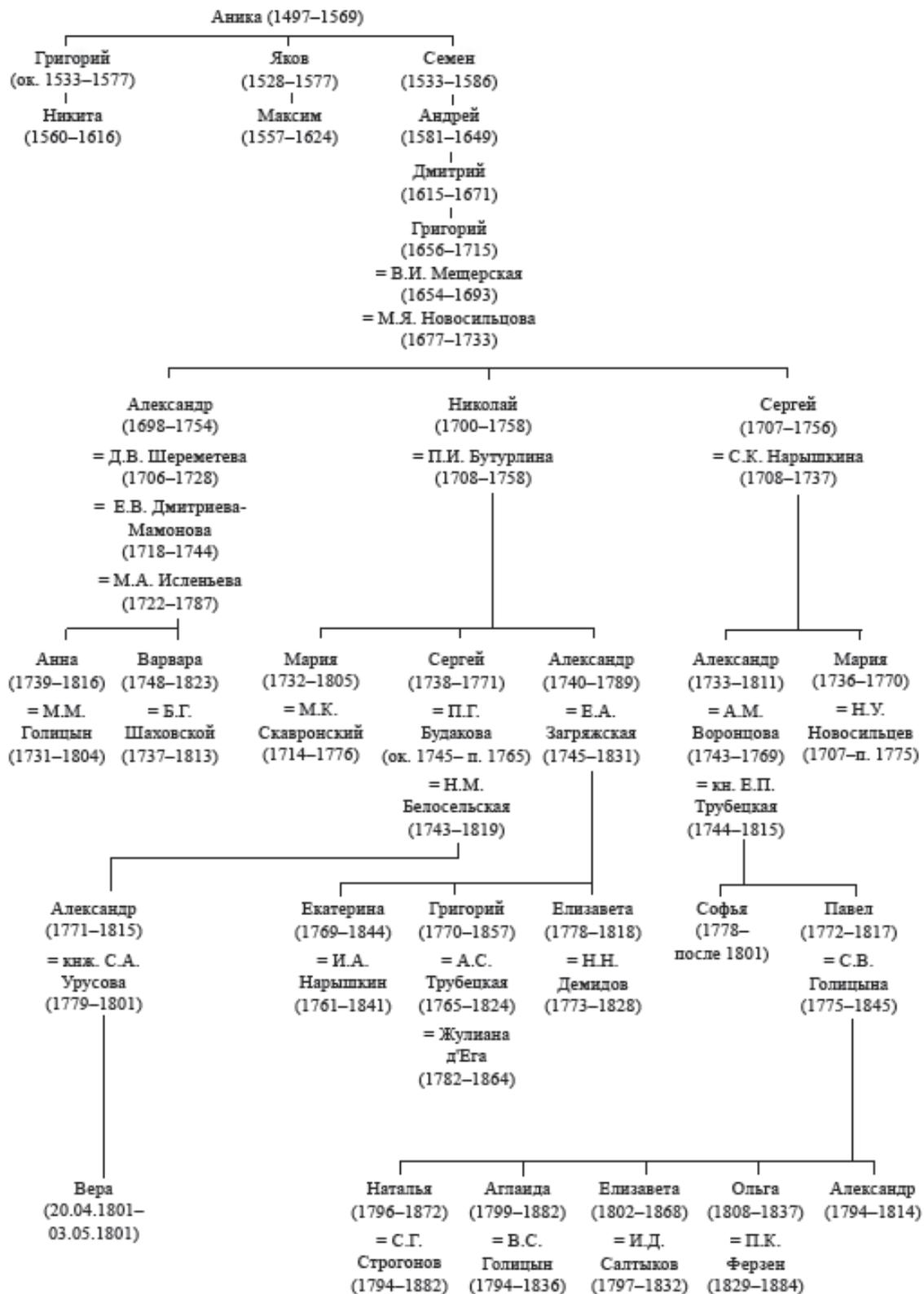

В 1692 году именитый человек Г. Д. Строгонов получил от царей Петра и Ивана V грамоту на свои земельные владения.

Вид документа, написанного на шелке, соответствовал его значимости. Его длина достигает 3,5 м. Фрагмент грамоты

И последнее замечание. Строгоновский дом – это не только жилище, в городе или живописной сельской местности, но и храм, а также школа или другое учебное заведение, яхта и боевой корабль. Строгоновский дом – это также и гроб, именовавшийся в старину домовиной. Не ждите, правда, рассказа о строгоновских гробах. Таким материалом, который, наверное, мог бы показаться кому-то интересным, едва ли кто обладает. В этой части мне представляется целесообразным описать насколько возможно обстоятельства смерти того или иного представителя семьи, слухи и оценки события, сами похороны и монументы на кладбищах, если они были воздвигнуты. Строгоновский дом, наконец, это иногда особая психологическая атмосфера в семье, не всегда положительная, что отражалось на поведении и судьбе барышень Строгоновых при попадании в другие семьи.

Часть I КРЕДО ГРАФОВ СТРОГОНОВЫХ

Глава 1

Замок на Вычегде

Замок – принадлежность аристократа. Строгоновы стали ими в совершенно определенный исторический момент, в 1722 году, вместе с получением баронского титула, благодаря своим огромным средствам (это невозможно скрыть), но надо думать, и в результате значительной многолетней работы членов семьи, позволившей им быть действительно достойными того высокого положения, которым они обязаны, прежде всего, Петру Великому. Точное происхождение рода Строгоновых остается неизвестным, оно своими корнями уходит в глубокую древность. Аника, основатель торгово-промышленного дома солеваров, жил в первой половине XVI века.

Довольно редкое имя, означающее «непобедимый», было без сомнения заимствовано отцом, Федором Лукичем, из духовного стиха «Об Анике-воине». В сочинении рассказывается о деяниях лихого и удачливого воина, чьи поступки, правда, не всегда отличались благородством. В своей жизни он разрушил много городов и церквей. На пути в Иерусалим Аника встретил Смерть и предложил ей бой. Непобедимый доселе воин его проиграл и должен был спокойно уйти в мир иной. Но он попросил у Смерти двадцать лет с тем, чтобы раздать казну по церквям-монастырям и «своей душе пользы получить на Страшном суде». Смерть не согласилась. Она также отвергла просьбы побежденного о хотя бы десяти годах жизни, в течение которых Аника обещал раздать казну, и даже отказала в трех годах, за которые он брался построить соборную церковь. Не получил он ни часа, ни минуты. Расплата наступила. Таким образом, герой духовного стиха предстает перед нами грешником, опоздавшим покаяться перед Богом.

Неизвестно, торговался ли Аника Федорович Строгонов со смертью или нет, но прожил он долго и последние десять лет своей жизни посвятил Богу. В 1558–1560-х годах он основал на реке Каме Преображенский Пыскорский монастырь, в котором в 1567 или 1568 году, в любом случае незадолго до кончины, удачливый предприниматель и основатель вотчины постригся в монахи под именем Иосафа. Ранее, в 1560 году, он начал строительство каменного храма в Сольвычегодске – городе, где ему сопутствовала коммерческая удача. Именно там началось четырехвековое солеварение Строгоновых, позволившее им стать вотчинниками и строителями.

Возведенный в Сольвычегодске Благовещенский собор, в подклетьях которого находились кладовые и архив семьи, отсылает нас к одному из соборов Московского Кремля, первенствующему на российской земле. Мы видим одно из доказательств непомерных амбиций Строгоновых, желавших, если и не посылать вызов царям, то подражать им. Благовещенский собор Кремля, перестроенный по повелению Ивана Грозного в 1563–1569 годах, соединился переходами с палатами монарха. Собор Аники также был частью ансамбля резиденции, в нее помимо храма входил совершенно необыкновенный деревянный дом, конгениальный, если можно так выразиться, личности его владельца.

Старинная гравюра с изображением Аники-воина, торгующегося со Смертью

Северный «замок» на Вычегде, построенный в 1565 году, то есть столетием ранее возведения дворца царя Алексея Михайловича в Коломенском – единственного сравнимого с ним памятника древнерусской культуры, имел прорезанный небольшими окнами фасад протяженностью 34 сажени, скрывавший за собой амбары, мыльни, кузницы, конюшня и поварни. Три многоярусные башни придавали зданию устрашающий вид. Самая высокая из них, увенчанная навершием – подобием короны, достигала высоты в 21 сажень.

Аника Федорович, обладавший к концу жизни примерно шестью сотнями дворовых людей и имевший в десять раз большее число работников, прекрасно понимал, что достоинство фамилии должно поддерживаться обширным и внушительным строением. Он обладал широким государственным кругозором, природа которого тем более удивительна, что он сформировался без всяких путешествий только на основе своего ментального развития и деловых контактов с иностранцами. Любопытное совпадение: фасад петербургского дома, обращенный на Невский проспект, построенный двумя столетиями позже, имел протяженность также 34 сажени. Между обоими зданиями, разделенными по времени создания двумя столетиями, ощутимое сходство – в поиске места и формы здания, способных продемонстрировать исключительность династии.

«Сольвычегодский замок» по С.Я. Бондюгину

В 1602 году, в период Великого голода, Строгоновы, справедливо опасаясь набегов, построили для себя крепость. Этот «частный Кремль» имел четыре проезжих и четырнадцать глухих башен, а также полтора километра деревянных стен на валу, окруженном рвом. В 1613 году, когда литовцы (или разбойники под их видом) добрались до Сольвычегодска, крепость отчаянно оборонялась, но не устояла. Дом Строгоновых просуществовал до 1798 года. Гравюра И. Чесского начала 1840-х годов демонстрирует его, вписанным в фантастический пейзаж. Она была сделана, вероятно, по собственному подготовительному рисунку на основании дошедшей до наших дней акварели Е.И. Есакова. По имеющимся данным, этот художник, возможно, не бывавший в Сольвычегодске, прекратил работать для Строгоновых в 1824 году. Следовательно, изображение сделано не позднее этой даты.

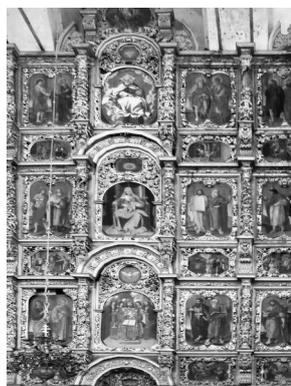
Введенский собор, построенный в Сольвычегодске именитым человеком Г.Д. Строгоновым, один из важнейших элементов «храмовой программы» богатейшего человека страны

В 1833 году акварель Е.И. Есакова, весьма вероятно, копировал воспитанник строгоновской школы земледелия и горного дела С.Я. Бондюгин, в пространной сопроводительной надписи к рисунку он не преминул заметить, что дом целых 233 года «стоял в совершенном порядке, то есть ни в которую сторону не покривился». Картинка Есакова позволяет заметить, что «замок» перестраивался в «классические времена», подарившие ему треугольный фронтон с веерным окном. Замок его «сделал» Бондюгин, поместивший на рисунке жилище патронов в «романтическое» скалистое окружение, которого нет в окрестностях Сольвычегодска и нет у Есакова. Также горы, но меньшего размера, посчитал нужным поместить и Чесский. Подобные (итальянские?) настроения вызывал у художников необыкновенный дом.

Аника умер в 1569 году. Он практически успел закончить Благовещенский собор, но отделка храма и работы по внутреннему убранству затянулись почти до 1584 года. Завершением этих работ руководили его внуки – Никита Григорьевич и Максим Яковлевич, пригласившие на Север московских иконописных мастеров. Те, хотя и придерживались столичных иконографических правил, желая потрофить амбициям заказчиков, со временем создали особую строгоновскую школу, «из которой в продолжение одного века вышло огромное количество икон, замечательных по своей отделке и составляющих... главную ценность в иконном собрании каждого любителя», – писал в 1903 году Д.А. Ровинский в книге «Обозрение иконописания в России до конца XVII века» (СПб., 1903. С. 26–27).

С Сольвычегодском, далеким северным городом, связано рождение многих важных традиций династии. К примеру, при Благовещенском соборе находилось книжное собрание Аники, тот обладал значительным для своего времени числом печатных изданий и рукописей. Жены купцов Строгоновых традиционно возглавляли мастерские шитья золотыми и серебряными нитями: вышивальщицы работали, прежде всего, для украшения фамильных храмов, а также изготавливали фамильные вклады в другие храмы и монастыри. К числу таких предметов относится самая старая из сохранившихся пелен «Положение во гроб», датированная 1592 годом.

Самобытная школа пения, также возникшая в Сольвычегодске, окончательно закрепила за этим городом в русской культуре особое место как места рождения центра промышленности и благотворительности, имевшей практически непрерывное развитие в продолжение 10 поколений.

Семярусный иконостас Введенского собора – блестящий пример оформления храмового пространства памятников строгоновской архитектурной школы

Из Сольвычегодска логика соляного дела привела Строгоновых на правый берег Камы в местность, расположенную в относительной близости (по российским меркам) от устья Чусовой. Неподалеку от основанного Аникой Пыскорского монастыря им принадлежал Орел-городок и несчетное число построек, включая монастырь, в Новом Усолье, которое стало их «столицей» в XVII–XVIII веках. О нем еще будет сказано далее в связи с палатами, располагавшимися на берегу реки.

Молясь о даровании наследника, праправнук Аники именитый человек Григорий Дмитриевич (1655–1715, девятое поколение Строгоновых и четвертое от Аники) начал свою строительную деятельность по возведению храмов еще до второго, счастливого, брака. Долгое время его постоянная резиденция находилась в Орле-городке. Относительно облика его дома свидетельств нет. Сохранившийся каменный храм относится к 1726 году. Оттуда, из Орла-городка, Строгонов постоянно ездил по своим делам в Пермскую вотчину и Соль Вычегодскую. Там в 1689–1693 годах он построил великолепный Введенский собор, который, по оценке исследователей, подвел итог не только работе мастеров века, но и даже всему древнему этапу русской архитектуры. В значительном по величине соборе сочетаются положительные стороны двух характерных для XVII века типов храма: единое, не расчлененное столбами внутреннее пространство кубического храма с сомкнутым сводом и освещением интерьера верхним и боковым светом пятиглавого.

Храм Рождества Богородицы в Нижнем Новгороде, давно уже именуемый в городе Строгоновской церковью

Храм Смоленской Богородицы – уцелевший фрагмент строгоновских построек в селе Гордеевка близ Нижнего Новгорода в месте слияния Оки и Волги

Другим объектом внимания Григория Дмитриевича был Нижний Новгород, куда для дальнейшего развоза по центральным городам страны доставляли всю вываренную на строгоновских варницах соль. В конце 1680-х годов за городом в расположенном вблизи места впадения Оки в Волгу в собственном селе Гордеевке он построил не дошедший до нас каменный дом и рядом с ним храм в честь Пресвятой Богородицы Смоленской Одигитрии, он сохранился до наших дней. Легенды связывают строительство храмов строгоновской школы с голландцами – архитекторами и мастерами.

Весной 1693 года скончалась Василиса Яковлевна Строгонова, урожденная княжна Мещерская, первая супруга Григория Дмитриевича. Через год вдовец женился на Марии Яковлевне Новосильцевой. Еще четыре года спустя господь услышал его молитвы и в 1698 году в Нижнем родился первенец, нареченный Александром. В 1700 году в Воронеже, где Строгонов посещал верфи, на свет появился Николай (кстати, его восприемником был сам Петр Великий). Третий сын Сергей (1707) по месту рождения москвич, поскольку его отец к тому времени перебрался в древнюю русскую столицу. По слухам, отцом всех троих был царь Петр I. Если это и не так, то в духовные отцы он явно годится, ибо Строгоновы принадлежали к числу россиян, искренне проникшихся идеями реформатора, удостоившего их титулом баронов Российской империи. Тем завершился период «сольвычегодского замка», хотя, как уже было сказано, он и простоял до конца XVIII столетия. Начиналась эпоха дома на Невском проспекте, победившего своих соперников в острой борьбе за лидерство.

Путь к голубой крови через финансовое благополучие достаточно обыкновенен для мировой истории. Строгоновы представляют нам пример простого купеческого рода, сумевшего благодаря деньгам и искусству, материальные примеры которого в виде храмов особой школы сохранились, приблизиться к трону накануне рождения Российской империи.

Глава 2

Уметь жить в Москве

Значимость присутствия Строгоновых в Петербурге во многом подтвердилась положением их дома (дворца) на Невском проспекте, расположенном в непосредственной близости от зимней императорской резиденции и представляющего ее парафраз на протяжении полутора столетий. Другой дом купцов стоял на Стрелке Васильевского острова, которая уже в первой четверти XVIII века претендовала на роль «петербургского Акрополя», дарованную ей столетием позже Биржей Тома де Томона. Именно здесь Петр Великий хотел сосредоточить главные государственные здания и поселить наиболее состоятельных граждан. Столь же «честолюбивым» было размещение домов Строгоновых в Москве.

Одна большая усадьба, окончательно уничтоженная всего полвека назад, имелась у них поблизости от Кремля и резиденции градоначальника на Тверской улице в Москве (№ 9 по современному исчислению). Альбом партикулярных строений М.Ф. Казакова показывает, что дома Строгоновых (вероятно, потомков барона Николая Григорьевича, скончавшегося в 1758 г.) стояли по периметру неправильного параллелограмма между Газетным (Строгоновским) и Брюсовым переулками. Относительно небольшое жилище выходило на переулок. Отделенный от него воротами, на главной улице города стоял большой трехэтажный дом. Его центральную часть украшал небольшой портик. Всего можно заметить 15 осей. Ближе к пятиглавому храму видны фрагменты старинной части. Дом был перестроен приблизительно в 1760–1770-х годах одновременно с возведением дома генерал-губернатора Чернышева и установлением тем самым местопребывания городской власти.

Ранее еще одно трехэтажное жилище Строгоновых в Москве долгое время стояло близ Котельнической слободы на Швивой горке, – одном из семи холмов великого города (высота примерно 145 м), близ впадения Яузы в Москву-реку, возвышаясь над обывательской застройкой. Название Швивая возникло в середине XIX века вместо неблагозвучного «Вшивая». Связано оно с существовавшими здесь в старину многочисленными цирюльнями вокруг бань на Яузе или от живших здесь швей и портных. Надо отметить, что на Строгоновых действительно работало много золотошвей. По другой версии, название происходит от древнерусского наименования покрывавшего холм терния – «ушь».

Итак, довольно долго строгоновский дом был первым, по крайней мере, по своему положению. Огромное строение, очень условно изображенное на гравюрной панораме П. Пикарта 1707 года, задавало тон. Именно здесь прошло несколько петровских ассамблей.

Исполненная в начале XVIII в. гравюра голландского художника П. Пикарта показывает, что первый дом Строгоновых в Москве доминировал над окружающей местностью, хотя она и не принадлежала его обитателям

Портрет именитого человека Т.Д. Строгонова, выполненный Р. Никитиным. На кафтане миниатюрный портрет Петра Великого – драгоценная награда

28 ноября 1718 года царь подписал указ о проведении особых собраний благородных особ – ассамблей. Первая ассамблея, несколько напоминавшая по своим целям современные «презентации», состоялась 4 декабря того же года. Праздники в доме Строгоновых, прошедшие 6 марта и 7 апреля 1722 года и совпадавшие с датой получения титула барона, посетил герцог Голштинский Карл Фридрих. Благодаря записям его придворного Фридриха фон Берхгольца, выступавшего в качестве западного «эксперта», мы имеем возможность кое-что узнать об обстановке дома. Хозяином его, на взгляд иностранца, был Александр Григорьевич.

Не скрывая своего восхищения, Берхголец писал: «Здесь все было чрезвычайно мило и хорошо, потому что Строгонов очень богат и умеет жить... Он живет здесь в большом каменном дворце, стоящем на горе, и отсюда такой чудный вид, какого не имеет ни один дом в Москве. В комнате, где танцевали, был устроен буфет, наполненный прекрасным хрусталем и дорогою серебряною посудой, и стоял большой стол, уставленный по здешнему обычаю холодными кушаньями. Но в другой комнате находился еще стол, убранный истинно по-царски и с таким вкусом, какого я здесь и не воображал; все жило и улыбалось на нем своею красотою, необыкновенным порядком и великолепием. По середине его стоял огромный серебряный и великолепной работы поднос (plat de menage) с разного рода сладостями. Холодные кушанья, приготовленные, как говорили, живущим в доме немецким поваром, были очень аппетитны, но особенно жаркое, не имевшее той деревянности, которою оно отличается здесь везде, где его только подают. Одним словом, я не мог наглядеться на все это. Весь стол был уставлен фарфоровыми тарелками, лучше которых мне никогда и нигде не случалось видеть»³. Надо думать, что в доме Строгоновых было большое собрание серебра, начало его формированию положил Григорий Дмитриевич. Некоторые из принадлежавших ему предметов, изготовленные в Голландии, хранятся ныне в Оружейной палате Кремля.

---

³ Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 год. / Пер. с нем. И. Аммон // Изд. 2-е. Ч. 2. 1722-й год. М., 1860. С. 136.

Портрет Марии Яковлевны, супруги именитого человека Григория Дмитриевича, исполнен при жизни мужа и царя Петра. Наградной миниатюрный портрет Петра I приколот к платью Строгоновой

Упомянутый выше герцог Голштинский привез с собой в Россию двенадцать хорошо обученных немецких музыкантов, игравших на клавесине, скрипках, виолончели, контрабасе, гобое, флейтах, валторнах, барабанах и литаврах. Оркестр, которым руководил Иоганн Пауль Гюбнер (1696–1759), выступал при дворе один раз в неделю в период Северной войны. В 1721 году во время празднования Ништадского мира перед апартаментами герцога построили арку, на ее галерее оркестр музицировал для всего города в течение трех дней. С тех пор многие стали учиться играть на новых инструментах. В частности, барон Александр Григорьевич проявил способности к виолончели. Кроме того, он завел у себя собственную труппу музыкантов, состоящую из восьми человек⁴. Наконец, на одной из своих вечеринок он «угощал гостей пением и игрой девиц на 20 арфах»⁵. Все это позволило Я. Штелину написать: «Дом Строгоновых звучал музыкой». Теперь спустя два с половиной века мы можем констатировать, что музыка звучала во всех их жилищах.

Кроме того, в доме Александра Григорьевича по традиции, заложенной Аникой Федоровичем, находилась прекрасная библиотека.

Неподалеку от дома на Швивой горке стоит сохранившийся до наших дней храм Св. Николая Чудотворца в Котельниках. Первая деревянная церковь появилась на этом месте еще в 1625 году, каменная – в 1657 году, затем она многократно перестраивалась. Примерно полвека, начиная с 1715 года, времени кончины именитого человека Григория Дмитриевича, при ней находилась усыпальница Строгоновых. Здесь в 1733 году похоронили баронессу Марию Яковлевну.

Ставшая первой статс-дамой российского императорского двора, на мой взгляд, именно она долгое время обладала решающим голосом в семье, которая до ее смерти являла собой единое юридическое лицо (первый «строгоновский матриархат»). Согласно петровскому указу о майорате, в случае деления все доставалось старшему сыну, в данном случае Александру. Надо думать, не только по праву первородства, но и по интеллектуальному развитию он являлся лидером среди братьев, но это лидерство имело неформальный характер.

Кончина баронессы Строгоновой в 1733 году сняла препятствие для раздела семейного имущества. Еще ранее, в 1731 году, дворянству удалось добиться отмены указа о майорате. В 1740 году братья Строгоновы поделили наследство в равных частях.

Александру достался дом на Швивой горке, а также село со странным двойным названием Мельница (Влахернское).

Первая мельница (Кузьминская), принадлежавшая подмосковному Николо-Угрешскому монастырю, предположительно, была поставлена на реке Голедянке еще на рубеже XVI и XVII веков. В Смутное время ее сожгли, впоследствии восстановили. После передачи ее и соседних пустошей Г.Д. Строгонову в 1702 году за образовавшимся имением закрепилось название «Мельница» по почти единственному находившемуся на его территории сооружению. Другим его названием стало собственное наименование мельницы – Кузьминка (Кузьминская), со временем трансформировавшееся в форму «Кузьминки». Между 1716 и 1720 годами во владении возвели деревянную церковь, освященную в честь Влахернской иконы Божией Матери.

---

⁴ Там же. С. 175.

⁵ Невский проспект [1703–1903]. Культурно-исторический очерк двухвековой жизни С.-Петербурга / Сост. И. Божерянов // Т. I. Вып. 1. СПб., 1901. С. 35.

Несколько загадочный портрет барона А.Г. Строгонова. В левой руке он держит циркуль – инструмент архитектора, но в строительной деятельности замечен не был

В 1653 году царю Алексею Михайловичу, из Иерусалима прислали два списка с этой иконы, считавшейся чудотворной. Один образ поместили в Успенском соборе Московского Кремля, а второй образ пожаловали за заслуги, Дмитрию Григорьевичу Строгонову, отцу первого владельца усадьбы. После строительства церкви в документах стали писать: «село Влахернское, Мельница тож». Первый деревянный храм сгорел, его восстановили, а во второй половине XVIII века заменили каменным.

Здесь на Мельнице барон А.Г. Строгонов в 1724 году дважды принимал Петра Великого.

В 1757 году имение в 518 десятин земли вошло в приданое баронессы Анны Александровны Строгоновой, вышедшей замуж за князя М.М. Голицына (1731–1804), и с тех пор стало принадлежать князьям Голицыным. В отличие от храма, господские дома Кузьминок всегда оставались деревянными. Первый из них, сооруженный именитым человеком Григорием Дмитриевичем, впоследствии из-за ветхости заменили на другой (сгорел в 1916 г.).

Барон Николай Григорьевич получил при разделе загородный дом близ Донского монастыря. Также он владел домом в Газетном (Строгоновском) переулке, упомянутом выше.

Портрет «строгоновского бунтаря» – барона С.Г. Строгонова исполнил И. Никитин в 1726 г. Других изображений этого человека нет

Современный вид палат Строгоновых на берегу Камы в Новом Усолье. Положение жилого этажа и высокое крыльцо указывают на весенние разливы реки

Наконец, барону Сергею Григорьевичу с 1740 года принадлежало загородное место близ Андроньева монастыря, а также в самом городе – Китайский дом, как Строгоновы, вероятно, называли то родовое гнездо, что располагалось поблизости от древней каменной церкви во имя Грузинской Божией Матери. Она была построена в 1628 году и находится в Грузинском переулке, который спускается по склону возвышенности от Ипатьевского переуллка к Китайской стене. Некогда по своему престолу она называлась «во имя св. Живоначальной Троицы, что в Никитниках», а еще ранее – «Никитскою», или «св. мученика Никиты на Глинищах». Холм так назывался из-за состава почвы, содержащей красную глину.

Около 1742 года, то есть двадцать лет спустя после получения титула, именно барон Сергей Строгонов, не порывая еще окончательно связей с Москвой и ее окрестностями, в частности с любимым Давыдковым, где он охотился, переехал в новую столицу Российской империи – Санкт-Петербург и, не подозревая еще о важности своего шага, открыл тем самым новую и, пожалуй, самую яркую страницу в истории рода.

Как и для самого Петра Великого, Москва оказалась для Строгоновых местом соединения старых и новых обычаев жизни. Потребности дела не толкали их особенно двигаться вслед за престолом на север – в Петербург. В обоих городах они находились далеко от усольских варниц, где создавалось их финансовое благополучие. Единственным побудительным мотивом было честолюбие барона Сергея Григорьевича.

Глава 3 Двор амбиций

Путь к дому на Невском в известном нам виде был, с одной стороны, сложным – требовались годы и усилия разных архитекторов, с другой стороны, вроде бы довольно простым: одноэтажный дом перестроили в двухэтажный, а тот уступил место трехэтажному. Еще в петровское время или, вероятно, в ближайшие годы после смерти императора на берегу реки Мойки, близ Зеленого моста и Невского проспекта, Строгоновы поставили поземные палаты – дом в девять осей и в полтора этажа с мезонином. Этот действительно неказистый домик близок по своей структуре к палатам на Каме, в Новом Усолье, сооруженным в 1726 году «тщанием» барона Сергея Григорьевича. В обоих случаях мы видим вынесенную за фасад лестницу, позволяющую попасть прямо с набережной в покои, под которыми находился цокольный этаж.

Несмотря на свою близость к Петру, Строгоновы довольно долго колебались относительно главного места своего пребывания после перевода столицы в город на Неве. Они могли жить на Васильевском острове, как светлейший князь А.Д. Меншиков, в Адмиралтейской части, куда перебрался монарх под именем корабельного мастера Петра Алексея, или остаться жить в Москве, на Тверской или на Швивой горке.

Во второй половине 1710-х годов, то есть еще до получения титула, поблизости от Стрелки Васильевского острова, примерно там, где когда-то располагалась Таможня, а ныне Институт русской литературы (Пушкинский дом) братья Строгоновы сообща построили огромный дом с тремя жилыми и подвальным этажами. Вид его фасада сохранился в коллекции, принадлежавшей Фридриху Берхгольцу. Но жить в престижном месте, лишенном коммуникаций, купцам показалось накладным и неудобным. Поэтому они долгое время сдавали свой дом внаем, прежде чем он перестал существовать. Только с приходом на трон императрицы Елизаветы все окончательно решилось. Бароны Александр и Николай решили не покидать древней столицы. Более честолюбивый, чем они, барон Сергей решил обосноваться в Петербурге и приобрел в 1742 году на нечетной стороне Невского проспекта второй дом – недостроенное строение придворного портного Иоганна Неймана. Тот также имел два жилища, причем второе располагалось по диагонали на другой стороне пересечения реки и проспекта.

Относительно дома на четной стороне проспекта Нейман имел следующее предписание: «...понеже оное место наугольное и находится к самой знатной и большой проезжей улице, того ради все то место застроить пристойно, отчего и вящая имеет быть красота...»⁶ Хотя в упомянутом документе идет речь не о будущем Строгоновском доме, а о втором здании придворного портного (перестроенном в XIX в. для купца К.Б. Котомина), очевидно, тем не менее, что приведенные слова касались обоих строений. Проекты обоих зданий для И. Неймана приписывают архитектору Михаилу Земцову, тот сам жил в подобном жилище, расположенном на Невском проспекте напротив Большого Гостиного двора, что в двух кварталах от Строгоновского дома.

---

⁶ *Денисов Ю.М.* Панорама Невского проспекта 40-х годов XVIII в. Приложение к изданию «Панорама Невского проспекта». Текст и публикация И.Л. Котельниковой. 1974. (Без пагинации.)

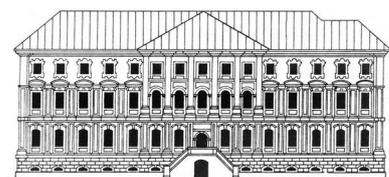
Вид на Петербург с Триумфальных ворот, стоявших на Невском проспекте. Справа за Зеленым мостом через Мойку видна часть земцовского дома Строгоновых и так называемые «поземные палаты»

Проект соединенных галерей двух типовых домов на Невском проспекте, ставших собственностью барона С.Г. Строгонова

Стоявший в непосредственной близости от «поземных палат» и затмив их, новый дом Строгонова превратился в новую, более представительную часть усадьбы, которая еще мало походила на европейские резиденции аристократии. Основное здание состояло из двух строений, соединенных длинной 18-метровой галереей. Каждое из них имело фасад по Невскому проспекту протяженностью по 12,5 сажений (25 м). Фасад одного из домов в 10 сажений выходил на реку Мойку. Такой дом, наверное, был бы хорош для ладивших между собой братьев, но родственники Сергея Григорьевича остались в Москве.

Не выезжая за границу, привыкнув к тесным и темным московским палатам, Строгонов некоторое время провел в растерянности. Не зная, как строить и что строить в новом городе он оказался в соседстве с портным и поваром, чьи дома стояли рядом. Ему, камергеру императорского двора, такое положение дел не нравилось. Сергей Григорьевич, естественно, желал показать своим домом, что он человек иного полета. Однако ему требовалось время, чтобы адаптироваться к новым условиям, понять, что ему нужно вырваться из тисков типового строительства, которое было уделом людей, стоявших ниже его по социальному положению, и наконец найти подходящего архитектора.

Великолепный дом близ Стрелки Васильевского острова в полной мере, по мнению царя Петра, соответствовал достоинству Строгоновых

Достройка «неймановского дома» продлилась примерно год. В 1743 году Сергей Григорьевич, отвечая на запрос Сената по поводу количества его петербургских домов, сообщал, что возведение его жилища на Невском проспекте закончено. Возможно, внутренняя отделка продолжалась дольше – примерно до того момента, когда здание впервые посетила императрица, а это случилось только 5 февраля 1746 года. Ныне существующий фасад неевского дома определенно отражает иерархическое положение его владельцев в начале 1750-х годов.

Подобно тому как от Ивана Никитина, писавшего портрет его отца, именитого человека Григория Дмитриевича, не ускользнула трудность надевания парика на престарелого дельца, так и в этом случае этажи Франческо Растрелли, «нахлобученные» на старую структуру, демонстрируют неловкость на паркете Сергея Григорьевича – купеческого сына, превратившегося в аристократа. «Колонны, в разрезе со всеми ордерами, вытянуты почти до безобразия, окна второго этажа слишком тесно поставлены и слишком велики по отношению к нижнему этажу, все детали имеют что-то вычурное, даже слишком вычурное.

Строгановский дом имеет свою физиономию, и эта физиономия чуть-чуть корчит гримасу», – так описал ситуацию о первоначальном облике дома А.Н. Бенуа⁷.

Известный историк искусства не подозревал о сложной истории здания, в частности, не имел сведений о навязанной Ф.Б. Растрелли перестройке старого дома, в результате чего и появились странности, называемые А.Н. Бенуа гримасой.

Большой, или главный, фасад дома на Невском проспекте. Центральная часть подчеркнута колоннами. Они поддерживают фронтон с гербом. Внизу – ворота, открываемые для желанных гостей

Фасад Строгановского дома нарисовал Франческо Растрелли в пышной архитектуре итальянской манеры, как об этой работе сказано в его реляции императрице Екатерине II. Стены безмолвствуют, но мы знаем, что господин барон Сергей Григорьевич, подражая обожаемой монархине, а также исходя из собственных представлений об экономии и традиции, желал иметь модное произведение с максимальным использованием старых стен. Подобные переделки повсеместно встречаются в разные эпохи истории архитектуры, особенно в моменты утверждения новых стилей. Растрелли следовало соединить в единое целое разновеликие постройки. Идея об этом окончательно овладела Строгоновым весной 1752 года. Осень и последующую зиму, не пригодные для строительных работ, итальянский архитектор, вероятно, посвятил обмерам и составлению проекта.

Чертежи были готовы к весне 1753 года. Угловой и неправильный по форме участок предполагал два фасада, которые прикрывали бы двор от посторонних глаз. Два фасада, большой и малый, Растрелли нарисовал, остроумно отразив в них, да и в структуре дома тоже, семейную ситуацию: ведь владельцев было двое – старый барон, Сергей Григорьевич, и молодой – Александр Сергеевич. Первый из них по статусу владел более внушительным северным корпусом, выходящим окнами на Невский проспект. Здесь на месте прежней галереи архитектор устроил потрясающий по своей пластической мощи аванкорпус (ризалит) – выдвинутую за пределы основного объема часть здания, трактованную им в данном случае как огромный и великолепный пьедестал для герба рода Строгоновых.

⁷ Бенуа А.Н. Строгановский дворец и Строгановская галерея в С.-Петербурге // Художественные сокровища России. 1901. № 9. С. 165.

Герб рода Строгоновых на фронте дома на Невском проспекте. Щит поддерживают два соболя. В его правой части медвежья голова. В левой – беличий мех. Все три элемента указывают на Сибирь. Разделяет части волнистая перевязь (река) с наконечниками стрел. Наверху баронская корона

На этом участке здание довольно нагло, нарушая, хотя и незначительно, красную линию квартала, вырывается вперед, желая продемонстрировать всем и каждому социальный успех бывших торговцев. Максимальное отступление от старого фасада составляет всего два метра. Но и этого архитектору оказалось достаточно для установки на уровне второго и третьего этажей десять колонн, подчеркивающих главный композиционный центр всего здания. Они, закрыв четыре прежних окна, были разбиты на четыре группы (по формуле 2-3-3-2), каждая из которых поддерживалась атлантами и украшалась аллегорическими скульптурами известных к тому времени частей света – Европы, Азии, Африки и Америки (в своем описании здания Растрелли назвал эти фигуры колоссальными, и они действительно были большими, достигая высоты примерно трех метров). Так Строгонов хвастливо символизировал распространение своего дела. Колонны поддерживают разорванный полукруглый фронтон, на скатах которого располагались, очевидно, морские божества.

На фронтонах обоих корпусов установлены гипсовые гербы рода, увенчанные баронской короной. Герб, разделенный на две части волнистой перевязью со стрелами, в правой верхней части имеет медвежью голову. Внизу – беличий мех. Этот элемент и стрелы, а также два соболя, поддерживающие герб, указывают на присоединение Сибири к российскому царству, ставшее возможным благодаря Строгоновым.

Замысел архитектора состоял в том, чтобы пять крайних осей с каждой стороны фасада, обращенного на Невский проспект, трактовать в качестве самостоятельных, насколько возможно независимых от основного объема здания, частей ансамбля, копирующих, хотя и в сокращенном виде, композицию аванкорпуса. Центральная часть этих флигелей выделена из массива здания благодаря незначительной прикладке к прежнему фасаду – ризалиту с балконом. Ее отмечают пилястры, которые завершаются полукруглым подъемом антаблемента. Здесь вполне могли быть помещены дополнительные входы в дом в случае необходимости, как и случилось впоследствии. Если абстрагироваться от барочной декорации и погрешностей из-за наложения ордерной декорации на старую разбивку окон, получился вполне классический, палладианский фасад.

Полицейский (Зеленый) мост через реку Мойку и «малый фасад» дома Строгоновых. Пять центральных осей второго и третьего этажей скрывают Большой зал – главное помещение здания

Попробуем теперь «прочитать» этот фасад с точки зрения сочетания внешнего и внутреннего убранств здания. По логике в центре, за аванкорпусом северного корпуса, обязан существовать Большой зал с пропорциями 18×9×9 метров и плафон с прославлением династии владельцев. «Восточный флигель», где в настоящее время находится Минеральный кабинет, безусловно, идеально подходил для устройства домового церкви. Хотя часто приходится сталкиваться с мнением, что ее размещение там предусмотрел Растрелли, этому нет абсолютно никаких доказательств. И только зал в «западном флигеле» – имеющая точно пять осей Зеркальная галерея – был сделан в точности с намеченной программой.

Круглых, «корабельных», окон на фасаде дома три и все они находятся в аванкорпусе, как будто напоминая таким своеобразным образом о приморском расположении Петербурга и о богатстве, которым он обязан водной стихии. Кстати, и львиная морда над воротами помещена в раковину, а отсюда этот забавный элемент распространился по всему фасаду, заняв, в уменьшенном виде, место в каждом сандрике окна парадного этажа. Лев в раковине есть и в полукруге антаблемента (здесь он исполнен в увеличенном, по сравнению с надвратной композицией, виде).

Западный корпус – «дом Александра». Его фасад в полтора раза короче, разумеется, скромнее и проще: под портиком в пять осей протяженный балкон, который первоначально поддерживался атлантами, исполненными, вероятно, тем же скульптором, что сделал фигуры для Большого зала. Он расположен точно за портиком и имеет параметры 13,5×9×9 метров.

Пока Растрелли обдумывал сложный заказ, Александр Строгонов в сопровождении другого барона Теодора-Анри де Чуди (персона из множества авантюристов, искавших счастья в России XVIII в.) в декабре того же 1752 года отправился в Москву. Поселился он, можно предположить, в доме на Мясницкой улице (по современной нумерации это дом № 24) близ прежнего владения А.Д. Меншикова, знаменитого существовавшим до сих пор храмом Архангела Гавриила. Занятый, согласно документам, одним из Строгоновых (Сергеем?), дом прежде принадлежал В.А. Лопухину, генерал-аншефу, погибшему в Семилетнюю войну.

Место дома было выгодным. Императрица часто ездила по этой улице в Кремль из своих подмосковных сел и могла заглянуть в гости к богатым и гостеприимным подданным. Здесь же на Мясницкой улице у Земляных ворот в 1742 году в честь коронации Елизаветы Петровны купечество возвело Триумфальные ворота. Только по сохранившемуся плану мы можем представить облик строения. По красной линии улицы стояли палаты, за ними – сад с большим прудом, на берегу которого находилась беседка. Двор окружала каменная ограда с воротами по переулкам и по улице. Внутри его располагались людские покои и службы.

Чуди – француз и масон, став по семейной традиции советником парламента в Меце, затем отправился скитаться. В 1751 году оказался в Неаполе, где председательствовал на заседаниях масонской ложи, основанной принцем ди Сан-Северо, будущим другом Александра Строгонова. В Италии француз выказал нрав вспыльчивый, но отходчивый. Поссорившись с одним из «братьев», который разбил ему нос, Чуди тем не менее отказался драться на дуэли.

В следующем 1752 году наш герой под псевдонимом «le chevalier de Lussy» (шевалье де Люсси) сочинил ответ антимасонской булле Папы, после чего оказался в тюрьме, откуда сбежал. Затем Чуди переехал в Голландию, где продолжал работать над масонскими сочине-

ниями, а затем осенью 1752 года прибыл в Россию. В октябре Александр Строгонов сделал особую французскую приписку в своем послании к отцу, в которой передал множество приветов шевалье де Люсси. Этот факт вызывает предположение о возможной их встрече где-то в Европе и о рекомендации, полученной французом, занявшим, вероятно, у С.Г. Строгонова место секретаря по иностранной переписке. По возвращении барона в столицу, Люсси, тративший на свои занятия от силы два часа в день, начал исполнять ту же работу у И.И. Шувалова – своего главного покровителя при российском дворе.

Известно, что в Москве барона С.Г. Строгонова неоднократно посещала императрица, в частности, в сентябре 1753 года в течение трех дней она праздновала в его доме именины радушного хозяина. В награду за гостеприимство Елизавета Петровна пожаловала камергеру золотую табакерку и «перстень лаловый с бриллиантами». Прагматичный хозяин оценил рубин (именно его в старину называли лалом) в 1000 рублей. Здесь, в древней столице, а не в Петербурге, как долго и ошибочно думали, в марте того же года остановился архитектор Франческо Растрелли, доставивший барону Сергею Григорьевичу чертежи его нового петербургского дома. Чертеж с видом фасада немедленно отправили сыну за границу, для «апробации». Несмотря на юный возраст, Александр был вовлечен в строительство, усиленно занимаясь в Европе его внутренним наполнением (включая даже создание придворного оркестра Строгоновых).

Уважаемый портретъ
Милостивой Грѣ
Ваше Императорское Высочество
Сергей Александровичъ Строгоновъ

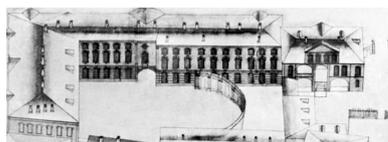
Барон Александр Сергеевич с особым пиететом подписывал письма, адресованные отцу

Время свидания заказчика и архитектора не было случайным. До начала строительного сезона, который итальянец собирался открыть в апреле, оставались считанные дни, и Растрелли торопился обсудить и согласовать последние детали. В мае-июне барон Александр неоднократно посылал приветы архитектору, тот определенно в то время уже начал свою работу. Как свидетельствует историк города А.И. Богданов, стройка началась с разбора «поземных палат». Именно этот факт позволяет предположить, что они принадлежали Строгоновым, хотя, разумеется, палаты можно было и купить для увеличения участка. Другим доказательством является странный пиетет, проявленный к «домику». Полного уничтожения первого жилища, судя по всему, не произошло, за исключением угловой части.

В существующем здании есть интерьер с лотковым сводом и особыми, меньшими по размеру окнами. Весьма возможно, что это – фрагмент самого архаичного здания на участке, принадлежавшем Строгоновым ранее 1753 года. Сохранилась также креповка на дворовом фасаде западного корпуса в месте соединения поземных палат и земцовского дома. В более значительной степени Растрелли сохранил дом, который барон С.Г. Строгонов в 1742 году приобрел у придворного портного И. Неймана. Едва ли не полностью тот оказался включенным в новое строение, причем, судя по всему, до изменения декораций интерьеров дело еще не дошло.

Сведения конторы солепромышленников, выделившей в 1753–1754 годы на строительство 19 254 рубля 36,5 копейки, и результаты подсчетов, согласно которым именно два года необходимо для выкладки 213 рядов кирпичей, заставили пренебречь всеми другими

источниками и принять (в настоящий момент) указанный промежуток в качестве периода, когда Растрелли исполнил основные работы по возведению Строгоновского дома. 16 июня 1754 года подписывается указ о строительстве императорского Зимнего дворца и отвлечением придворного зодчего был положен конец. В таком случае праздник, данный бароном Сергеем Григорьевичем 25 октября того же года (о нем еще будет сказано), является достаточно точным указанием на официальный финал перестройки, длившейся, конечно, еще довольно долго. Вообще дом в приблизительном виде пришел к тому виду, что предполагал зодчий, лишь почти столетие спустя.

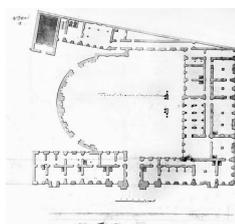

Гравюра П. де Сент-Илера дает представление об архитектурных особенностях двора дома Строгоновых в 1750-е гг., До возведения восточного и южного корпусов здесь находилась загадочная полукруглая стена. Справа – соседский двор.

Амбициозный владелец пригласил амбициозного архитектора, которым без сомнения был Ф.Б. Растрелли. Придворный зодчий императрицы Елизаветы Петровны значительно увеличил заложенные в начале XVIII века резиденции российского двора, придав им черты великолепия. То же он проделал с владением барона С.Г. Строгонова. Оно получилось своеобразным по причине особенности решения парадного двора, предназначенного для встречи гостей, – *cour de honner* (курдонера).

Двор этот сохранился. Правда, его облик претерпел серьезные изменения со времен Сергея Григорьевича. На месте нынешнего южного корпуса (его сделали почти в полном соответствии со «стилем Растрелли», хотя и на целое столетие позже) итальянский зодчий возвел одноэтажную галерею, которая вела в кухню. Расположенная подалее от парадных покоев в юго-западном углу участка она соседствовала с большим ледником, спрятанным, как и кухня, за полукруглой стеной. Это была оригинальная архитектурная кулиса с многочисленными колоннами, с семью нишами для скульптур, с балюстрадой с вазами наверху. Она имела два разрыва, позволявших, в случае надобности, проходить к весьма скромному лакейскому корпусу. В центре на небольшом возвышении хозяин дома предполагал встречать гостей.

Оформление двора, как представляется, связано с весьма древней традицией приема клиентов римскими патрициями в так называемых домах-базиликах. Опорная точка в этих рассуждениях – венский дворец семьи Траузон, имевший такой двор. Свое очарование двор невского дома сохраняет, но его значение как места почетной встречи гостей было окончательно перечеркнуто на рубеже XVIII и XIX веков, когда желание «придать дому демократические черты» привело Строгоновых к решению устроить вход в дом непосредственно с Невского проспекта.

План первого этажа (нижнего апартамента). Часть проекта невского дома, составленного Ф.Б. Растрелли к весне 1753 г. В левом верхнем углу комплекс кухни. Посередине западного корпуса – парадный вестибюль

Дом, построенный по заказу Сергея Григорьевича Строгонова на Невском проспекте в Петербурге, получился своеобразным. Несмотря на открытый с первого взгляда облик – большие окна и расположение в городской среде, – он сохранил в себе, по крайней мере, один элемент средневекового сооружения феодала (замка) – закрытый почетный двор. Избранный для фасада стиль барокко предусматривает легкость и прозрачность. Архитектор действительно устроил проход, вовлекающий, казалось бы, прохожего внутрь обустроенного двора. Но попасть в него можно было только в карете. Пропустив ее, дубовые ворота наглухо закрывались. Владелец, занимавшийся торговыми операциями, пытался скрыть свою жизнь от глаз посторонних. Лишенный внутренней свободы он был еще не готов к открытой общественной жизни.

Глава 4

Картина как программа жизни

*И мой великолепный дом
Храм будет роскоши для всех, кто мне любезен
Иль властью своей полезен.*

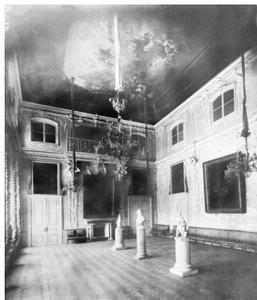
Так, вслед за купчиной Альнаскарром, героем сказки И.И. Дмитриева «Воздушные башни», мог сказать Сергей Григорьевич Строгонов. Внутренние покои его дома очень долго совершенствовались, прежде чем застыли в своем окончательном виде, отражающем историю смены поколений владельцев. Изначально они выглядели не менее амбициозно, чем фасад. Первые гости увидели залы, как уже упоминалось, 25 октября 1754 года. В тот день барон Сергей Григорьевич, желая угодить Двору, дал великолепный бал для иностранного купечества по случаю рождения наследника престола – великого князя Павла Петровича. Одновременно праздник стал представлением Петербургу и Европе нового дома. Посещавшие барона Строгонова в первый раз едва ли могли заподозрить переделку, особенно в том случае, если хозяин не открывал двери в старые, земцовские, комнаты. Благодаря сведениям «Санкт-Петербургских ведомостей», разнесенных изданиями других стран, вся Европа узнала, что новый дом в Петербурге принимал полтысячи гостей, которые «в большей зале танцевали при изрядной музыке; а в прочих покоях во всю ночь [были] подчиваны дорогими напитками, фруктами и конфетами в великом довольстве».

Хотя эпоха императрицы Елизаветы Петровны известна многолюдными собраниями, начинавшимися, как правило, поздно ночью, все же корреспондент, в угоду хозяину, явно преувеличил число иностранных купцов, что побывали в тот день в доме у Зеленого моста. Так, Большой зал, его можно видеть и сейчас, не может принять более 100 гостей. Его площадь всего 122 квадратных метра. Зеркальная галерея, второй вместительный интерьер здания в ту эпоху, имеет площадь еще меньше – 78. Другие залы были еще меньше – примерно по 30–40 квадратных метров.

Большой зал, традиция создания и оформления интерьеров которого восходит к итальянскому ренессансу, был призван придать дому барона Сергея Григорьевича характер общественного здания. Действительно, в 1760–1770-х годах это помещение иногда использовалось для проведения «государственных мероприятий» – увеселений и концертов, оставив Зеркальной галерее, видимо, функцию Столовой.

Франческо Растрелли – итальянца, через Францию оказавшегося в России, часто называют создателем Строгоновского дома. Это верно, но лишь с тремя существенными дополнениями. Во-первых, этот архитектор в значительной степени пользовался плодами трудов предшественников.

Во-вторых, свои возможности Растрелли не реализовал полностью. Желание иметь четыре здания равного размера по периметру воплощалось довольно долго, но все же осталось в качестве наследства следующим поколениям зодчих.

Большой зал невского дома. 1920-е гг. Дом-музей превратился в музей-дом. В интерьер перенесли скульптуры из Картинной галереи, на восточной стене повесили портрет графа Александра Сергеевича кисти А. Варнека. Все остальные детали оставались неизменными с начала 1790-х гг., за исключением паркета, уложенного в 1850-е гг.

Наконец, в-третьих, очевидно, что в первоначальный замысел постоянно вносились коррективы. Это могло быть результатом разногласий Строгонова и Растрелли, последнего «погубила» архитектурная мода, быстро менявшаяся в 1750-е годы, хотя он все же внес свой вклад в приближение Петербурга к Парижу, что соотносилось с всеобщим увлечением Францией в России XVIII века.

Город на Сене притягивал к себе взоры россиян еще со времен Петра Великого, но только по примеру фаворита императора И.И. Шувалова подражание лучшим парижским домам превратилось в манию, поскольку французский этикет окончательно завоевал российский двор. Следует заметить, что первоначально заказчики удовлетворялись лишь некоторыми компонентами. Именно в этот период, по словам Я. Штелина, в Петербурге «не осталось более ни одного знатного дома, не меблированного в новейшем французском вкусе».

Великолепная французская мебель появилась и в Строгоновском доме, его Ф.Б. Растрелли спроектировал как палладианский дом с барочной декорацией. Можно усмотреть лишь одну явную ссылку к Франции, точнее, к Версалю. Мастер пишет о примыкающей к Большому залу зеркальной галерее, украшенной позолоченной скульптурой, да и то пропорции зала – длина 13,6 метра и ширина 7,9 метра – не дают основания считать его галереей в точном значении слова.

Андреа Палладио, классик европейской архитектуры, писал: «Комнаты должны располагаться по обе стороны передней и зала; при этом необходимо, чтобы комнаты правой стороны соответствовали и были равны комнатам слева». По центру западного корпуса зодчий наметил парадный вход в здание, он вел в довольно обширный и украшенный статуями в нишах вестибюль (говоря по-русски – в сени).

Пронизанная светом западная стена Большого зала – триумф архитектурной мысли Растрелли. Десять окон почти не оставляют места простенкам, нижняя часть которых украшена зеркалами

Из сеней можно было попасть на мраморную Парадную лестницу, служившую границей между половинами отца и сына. Как я предполагаю, отделали только вторую из них, ту, что начиналась в двух антикамерах (верхних вестибюлях), расположенных также в центре западного корпуса, но уже на втором этаже. Из них посетители после некоторого ожидания и непреременных рассуждений по поводу богатства владельца, представление о котором у них уже, конечно, сложилось, проходили в Большой зал.

Про устройство подобных интерьеров великий итальянец сообщал: «Я обычно делаю так, чтобы длина зала равнялась не больше, чем двум квадратам, сторона которых равна его ширине». Это означало, что ширина интерьера составляла половину его длины. Сделав высоту зала равной его ширине, зодчий добивался идеальных кубических пропорций. Именно так, например, поступал его английский последователь Иниго Джонс в чрезвычайно знаменитом Уилтон-хаус, графство Уилтоншир в юго-восточной Англии. В доме, построенном в XVII веке, до настоящего времени сохранились одинаковых пропорций залы, которые созданы последователями Палладио и носят название «Doble cube room» («Зал в два куба») и «Single cube room» («Зал в один куб»). Ребро куба каждого из них имеет те же пропорции, но это интерьер в полтора куба (высота и ширина интерьера зала равна 9 метрам, длина – 15,5 метрам). Два куба могло поместиться лишь в центре северного корпуса.

Исполненный Валерианы эскиз центральной части плафона в Большом зале дома Строгоновых. Наиболее интересная деталь – круглый в плане закрытый храм с восьмиколонным портиком

Плафон Большого зала также соответствует эпохе Палладио. Архитектурная часть плафона написана, судя по всему, Антонио Перезинотти, постоянным ассистентом Джузеппе Валериани, несомненного автора центрального изображения. На плинте колонны можно найти подпись этого итальянского мастера, который прибыл в Россию в 1743 году. Валериани работал преимущественно как живописец Императорской оперы, но не отказывался и от заказов на плафоны. На картине, написанной итальянцем для барона Строгонова, находим множество аллегорических фигур римских богов: Юпитера и Юнону, под ними Эскулапа, Геркулеса и Аполлона. Слева внизу представлены добродетели – Сила, Правосудие, Храбрость, Правда, Стойкость и Верность.

Направо – Живопись, создающая картину, История, пишущая на скрижалях, поддерживаемых Сатурном, рядом Музыка играет на флейте. Посреди обширного полотна богиня мудрости Минерва. Она изгоняет с Олимпа пороки: Медузу Горгону, Сизифа, Мидаса и гиганта. Две фигуры – юноши и сопровождающего его мужа – аллегорически представляют на великолепной картине Джузеппе Валериани двух Строгоновых – Сергея и Александра, тот кажется новым Телемахом или Киrom.

Ниже Верности на холсте показан старец в латах и с книгой (на эскизе это место задумывалось несколько иным: старик толкует деве книгу). Эта часть плафона посвящалась

Асклепию, не очень внятно показанному на другом конце диагонали композиции Валериани, или Гермесу. В обоих случаях как образ комплекса жизни – смерти-возрождения.

Над юным героем в воздухе висит Меркурий, покровитель путешественников, посланник богов и мастер герметических таинств. В его руке находится кадуцей – жезл с переплетенными змеями, символ преобразований и великого процесса, осуществляемого в союзе и борьбе противоположностей. Этот фрагмент дает основание предполагать, что на картине представлен персидский царь Кир Великий или Старший (? – 530 г. до н. э.).

По мнению Ксенофонта, афинского историка и писателя, жившего в V–IV веках до н. э. (430 – после 355 до н. э.), Кир был идеальным правителем, поскольку отличался смелостью, добротой и терпимостью к покоренным народам. В частности, он освободил иудеев из вавилонского плена и восстановил Иерусалим с его храмом. Именно последний факт, как мне представляется, привлек внимание французского писателя-масона Андре-Мишеля Рамзея (1686–1743), который, подобно Фенелону, был воспитателем. Рамзей использовал для своих целей «пробел» Ксенофонта. Античный писатель ничего не говорит о том периоде, когда его герою было от 16 до 40 лет. По версии Рамзея, соединившего в своей книге «Новое Киронаставление, или Путешествия Кировы» (1727 г.), как и Фенелон, античный миф со своим текстом, Кир в это время путешествовал.

В левом верхнем углу полотна показан круглый храм, стоящий на скалистой горе и напоминающий Пантеон. Перед ним портик из двух рядов колонн. Здесь находится основной содержательный элемент картины, которую можно трактовать как проповедь созидательной добродетели. В данном случае полотно обрело статус образного «завещания», ибо отцу и сыну Строгоновым не довелось вместе рассматривать созданный шедевр. Завещания, связанные с имущественными делами, теряют всякое значение спустя какое-то время. Подобный «документ» оказался применим к другим подобным обстоятельствам в истории династии, по крайней мере, его использовал Александр Сергеевич, примерив на себя тогу отца. Кроме того, задуманное Сергеем Григорьевичем деление здания на две половины также с тех пор стало традиционным.

Переведя взгляд от плафона к стенам, понимаешь, что Большой зал можно отнести к числу курьезов в искусстве. В отличие от хрестоматийных (и современных дому Сергея Григорьевича) образцов барокко, например Большого зала Палаццо Лабиа в Венеции, расписанном Дж. Тьеполо, картина не согласована со стенами, оформленными лепным узором в стиле моднейшего рококо. Хотя следовало далее написать колонны. Приходится думать, что Растрелли на это согласился, ибо в Реялции об отделке зала он пишет следующим образом: «Ornee d'ouvrage en stuc» («Декорирована композицией в гипсе»), то есть так, как мы видим в настоящее время.

Восточная стена Большого зала – свидетельство разногласий между заказчиком и зодчим, кариатиды готовы, а балкона нет

Как будто предчувствуя что-то в своей судьбе, барон Сергей Григорьевич торопился завершить стройку. Занявшись в первую очередь апартаментами наследника, он отложил

до времени обновление своих комнат и полноценное завершение восточного и южного корпусов. В результате «смысловой» центр здания переместился в изначально второстепенный западный корпус, а плафон с храмом превратился в главный содержательный элемент. Созданные два корпуса создавали иллюзию большого дома, с которым на Невском проспекте могли соперничать только дворцы Ивана Шувалова и Алексея Разумовского – фаворитов императрицы.

Глава 5

Путешествие строгоновского Телемаха

Династия владельцев невского дома отличалась широким кругозором. Новые возможности для его формирования открылись в XVIII веке благодаря путешествиям, в деле которых Строгоновы задавали тон прочим. В мае 1752 года барон Александр Сергеевич первым отправился в европейскую поездку. Ее целью было расширение общих знаний о западном мироустройстве, овладение иностранными языками, прежде всего, французским, ознакомление с курьезами природы и произведениями художеств. Барона сопровождал крепостной живописец Матвей Печенев, тому предстояло фиксировать главные события поездки. В конце июня младший Строгонов прибыл в Данциг, входивший в прусское владение. Здесь его поразила находившаяся в Мариакком костеле знаменитая картина «Страшный суд», считавшаяся тогда работой Ван Эйка, а впоследствии признанная произведением Ханса Мемлинга.

В середине июля Александр Сергеевич оказался в Берлине, где нанес визит фельд-маршалу Джеймсу Кейту (1696–1758) – шотландцу и активному участнику масонского движения, в 1720–1748 годах находившемуся на службе в России, где он успел стать первым подполковником лейб-гвардии Измайловского полка, первым военным инспектором русской армии и гетманом Малороссии. Не исключено, что Строгоновы водили знакомство с Кейтом через испанского посла Лирия, тот определенно бывал в доме у барона Сергея Григорьевича.

Следует привести пример отчетов, присылаемых юным бароном отцу, чтобы увидеть, какая необыкновенная вереница резиденций предстала перед ним воочию, а не из увражей, пролистываемых отцом. Так Александр Сергеевич писал о Касселе: «Оный город, хотя мал, однако наполнен курьезностями... в сад Ланграфский ездил, называемый Вейсенстеен, в котором каскад очень за первый в Европе почитается вышиною и множеством вод. Вверху башня наподобие старинного идолского капища, а на оном статуя Геркулесова в 60 футов вышиною»⁸.

Незаконченный дворец Геркулеса строился на Karlsberg (горе Карла) итальянским архитектором Дж. Ф. Гуерниеро по инициативе ландграфа Карла Гессен-Кассельского. Это был результат итальянского путешествия ландграфа 1699–1700 годов, во время которого на него, в частности, большое впечатление произвела вилла Алдобрадини во Фраскати. Наверху обелиска, расположенного в центре дворца, до настоящего времени стоит реплика Геркулеса Фарнезского высотой 9,2 метра. Длина каскада составляет 250 метров. Дворец в долине был построен в конце XVIII века при ландграфе Вильгельме, когда и весь парк получил современное название *Wilhelmshöhe* (высота Вильгельма). Строгонов планировал оказаться в самой Италии, но прежде он должен был подготовиться к знакомству, в частности, овладеть языком этой страны. Кроме того, ему не хватало общих фундаментальных знаний, их предполагалось получить в тихой протестантской Швейцарии.

---

⁸ Кузнецов С.О. Пусть Франция поучит нас «танцовать». СПб., 2003. С. 376.

«Страшный суд» Г. Мемлинга – первое, или, по крайней мере, самое сильное из первых художественных впечатлений барона А.С. Строгонова

Портрет Д. Кейта работы А. Пэна

Проехав через Ганновер, Франкфурт-на-Майне, Страсбург и Базель в октябре 1752 года, Строгонов прибыл в Женеву. В этом городе он провел два года, занимаясь в университете. Уроки там начинались с раннего утра. Например, в первый год пребывания: с 8.00 до 9.00 часов изучал историю и географию, с 10.00 до 11.00 – уроки математики, а с 12.00 до 13.00 штудировал логику. Александру прочили военную карьеру, но его увлекало искусство и странствия в качестве способа с ним знакомиться. Вероятно, поэтому во время учебы Строгонов написал по-французски два эссе о Путешествии: они показывают нам его как истинного последователя Петра Великого и как нового Анархарсиса, желающего просветить соотечественников.

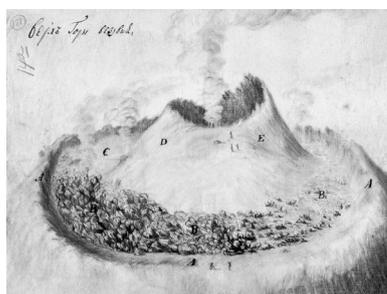
Анархарсис (ок. 605–545 гг.) – знатный скиф, один из семи мудрецов, автор множества известных изречений и изобретений, в частности якоря. Побывал в Афинах, где встречался с самим Солоном, путешествовал по другим греческим городам, переняв многие обычаи. В конце XVII века в храме московского Новоспасского монастыря мастер Федор Зубов создал по сторонам лестницы, ведущей ко входу, роспись, на которой вместе с Платоном, Аристотелем, Плутархом, Солоном, Клавдием, Птоломеем, Иродионом, Гомером и мифическим Орфеем был изображен Анархарсис. Замысел художника состоял в том, чтобы представить античных философов и поэтов предшественниками христианства.

В двух эссе юный россиянин рассуждал о важности образовательных поездок по примеру Петра Великого, о необходимости тщательной подготовки и важности умения сосредоточиваться на главном. Он сравнивал вояжера с пчелой, приносящей нектар в свое жилище. Это сочинение не получило широкого распространения, но стало кодексом поведения для

самого Александра Сергеевича и его потомков. Путешествия выдвинули эту ветвь династии вперед и поставили в особое положение среди аристократии.

Вид кассельского дворца на старинной гравюре

«Верх горы Везувия». Рисунок М. Печенева

Осенью 1754 года Строгонов отправился наконец в Италию. В северных городах Александр Сергеевич посетил множество кабинетов знаменитых ученых, которые, без сомнения, предлагали ему образцы экспонатов для будущего собственного хранилища редкостей. Сам он также занялся созданием художественной коллекции и впервые самостоятельно купил в Венеции картину (она принадлежала кисти Корреджо). С этого момента и до самой смерти Строгонов продолжал пополнять свое собрание, приобретая репутацию страстного и серьезного коллекционера. Первое место он отдавал картинам академического времени, то есть написанным после Рафаэля. Капитал, созданный дедом Григорием Дмитриевичем, позволял удовлетворять едва ли не все прихоти по этой части.

На юге Италии барон совершил восхождение на Везувий, осмотрел археологические раскопки Геркуланума. Вероятно, несколько изображений сделал сопровождавший барона Матвей Печенев. Два рисунка, исполненные сангиной, сохранились, и они, пожалуй, не оставляют сомнения в том, что сопровождавший Строгонова художник Матвей Печенев и некоторое время преподававший в Академии художеств Матвей Пучинов одно и то же лицо. Неизвестные нам жизненные коллизии повлияли на написании фамилии скромного живописца, которого после возвращения в Россию ждала трудная судьба.

Один рисунок, исполненный после путешествия патрона на вулкан в ночь с 27 на 28 апреля 1754 года, Строгонов назвал «Верх горы Везувия» и следующим образом объяснил в письме отцу: «Представьте себе А как вал, сочиненный из красноватого камня, В так, как ров, наполненный выкиданными из горы камнями и из многих мест. Из-под одного камня идет прегустой селитерный дым и оные камения от одного дыма пожелтели, на левой стороне, которая подписана литерой С, покрыто лавою так гладко, как застылым салом. В середине всего одного возвышается с той стороны, где литера Д, сажень на 8, а где литера Е, сажень на 10 селитерный пригорок. На оный мало смеют всходить, но, по моему счастью, там был, хотя

трудно дышать от селитерного дыма. Который из большой преужасной пропасти выходит, в которую мы смотрели. Каменья туда бросали. Стук отлетающего вниз камня долго слышать можно».

В Италии Александр также подбирал музыкантов для оркестра дома на Невском проспекте. Наибольшую активность в этом деле он проявил в Неаполе. Славный Джузеппе Тартини (1692–1770), композитор и крупнейший скрипач-исполнитель своего времени ему отказал, сославшись на старость, а вот другой скрипач, Борбекла, согласился поехать в далекую Россию. Там же, в Неаполе, Строгонов подружился с одним оригинальным человеком, который столь важен для характеристики самого Александра Сергеевича, что ему следует уделить некоторое внимание.

Барон Сергей Григорьевич в июне 1755 года получил от сына следующее послание: «Я имел счастье в Неаполе сдружиться со славным принцем S. Severe. Онны мне все свои сочинения подарил и сверх того делает теперь мне картину особливим манером своей инвенции. Более 4 или 5 картин такой работы в свете нету»⁹. Речь идет о том самом Раймондо ди Сан Северо (di San Severo, 1710–1771) – писателе, поэте, ученом, основателе той самой масонской ложи, где председателем в 1751 году был упоминавшийся выше барон де Чуди. Явно существовал «алхимический треугольник» Строгоновы – Чуди – Сан Северо. Итальянец учился в римской семинарии, где вскоре показал склонность к механике и другим прикладным искусствам. Еще будучи семинаристом, он создал план театра, якобы подсказанный ему во сне самим Архимедом.

Хотя Сан Северо собрал на свои деньги полк, изобрел некоторые виды оружия – легкую пушку и особенный тип ружья, но его самого военная жизнь не привлекала. В своем дворце чудак открыл типографию, где опробовал новую технику цветной печати, а также научно-экспериментальную лабораторию, где использовал «вечную лампу». Еще ученый открыл «целлоидрическую живопись», привлекая внимание Строгонова, придумал четырехколесную телегу, способную плавать.

Однажды со своей террасы король с удивлением увидел, что его придворный плавает в телеге. Швед Г.Г. Брьонсталь, бывший свидетелем события, рассказал о нем в своих знаменитых письмах королевскому библиотекарю К.К. Гюрвеллу (кстати, одно из этих посланий посвящено «гробнице Гомера», приобретенной графом Александром Сергеевичем). Будучи членом академий, Сан Северо знал греческий, арабский, арамейский и сирийский языки. Перевел и опубликовал «Новое Кирионаставление, или Путешествия Кировы» Андре-Мишеля Рамзея, мотивы этой книги использовались, как я предполагаю, при сочинении плафона в Большом зале неевского дома. Таков был человек, с которым подружился А.С. Строгонов, и, разумеется, это характеризует его самого.

Раймондо ди Сан Северо

⁹ Там же. С. 441.

Осмотрев на рубеже марта и апреля 1755 года Рим только мельком в течение двух недель, Александр Сергеевич вернулся туда в конце мая и провел в вечном городе еще более двух месяцев. Это время позволило освоиться Печеневу в мастерской П. Баттони, куда его приняли в обучение за плату в несколько шуб. Его патрон стал членом Общества аркадских пастухов, причем Строгонову было дано имя «Аристагора Пелопонесского».

После Италии Строгонов отправился во Францию, следующий по счету, но не по значению пункт своего путешествия.

В Париже Строгонов познакомился с Дезальи д'Аржинвиллем, автором «Письма об устройстве кабинета» (1727 г.) и «Краткого жизнеописания известнейших живописцев» (1745 г.). Эта встреча имела решающее значение для формирования личности А.С. Строгонова как коллекционера. В течение нескольких месяцев он пополнял не только собрание живописи, но и курьезностей.

По дороге во Францию, благодаря причудливости маршрута, у барона Александра Сергеевича появилась возможность вновь посетить Женеву – город, где он провел два года, и Строгонов, отложив свои серьезность, экономность и рационализм, воспользовался этим шансом. В письме к отцу он объяснил неординарный поступок довольно просто: «Будучи столь близко от Женевы захотелось мне еще раз видеть и проститься (может быть, последний раз) со всеми теми друзьями, которых здесь имею». Однако сентиментальный визит, который не должен был оставить большого следа, подарил барону встречу с Вольтером – философом, чьи труды самым серьезным образом влияли на умы по всей Европе.

В частности, в России за деятельностью и даже перемещениями знаменитой персоны пристально следили. В 1745 году, когда он впервые предложил российскому престолу написать историю Петра Великого (М.П. Бестужев-Рюмин счел заказ французу непатриотичным), Вольтер поселился при дворе Людовика XV. В 1751 году, когда Кирилл Разумовский отклонил его идею совершить поездку в Россию, философ жил при дворе Фридриха II. Он оставался там до 1753 года и затем решил переселиться в Женеву, что было немедленно замечено в России. 28 января 1755 года «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали: «Сказывают, что господин Волтер намерен в городе Женеве поселиться; и для того на реке Роне в расстоянии пушечного выстрела от Женевы купил себе изрядной хутор за 87 500 ливров».

На картине, сделанной 25 апреля 1755 г., М. Печенев показал старинное кладбище в «Елисейских полях», как было принято называть царство мертвых. «Елисейские поля» – прекрасные поля блаженных в загробном мире на берегу реки Океан, куда по окончании бренной жизни попадают любимые богами герои

Это место называлось Сатрапе St. Jeane, а философ прозвал его «Delices» («Наслаждение»). Именно там, судя по всему, произошло первое знакомство Александра Сергеевича, мнившего себя «любителем мудрости», с подлинным философом. Знаменательное событие Строгонов описал своим обычным «телеграфным» стилем, впрочем, простительным для его

юного возраста: «В бытность мою в здешнем городе имел удовольствие спознаться со славным Волтером. При сем прилагаю копию одного письма, которое вышеозначенный господин де Волтер получил из Парижа. Из оногo изволите усмотреть несчастливый случай, который почти в ничто превратил великий славный и богатый город Лиссабон»¹⁰.

Речь идет об огромном землетрясении 1 ноября 1755 года, когда в День Всех Святых столица Португалии потеряла примерно 10 000 человек. Это был исключительный, хотя и не первый случай сейсмической активности в Западной Европе. В 1753 году толчки ощущались даже в Женеве. Александр Сергеевич написал оттуда отцу 13 марта: «На прошедшей неделе в пятницу по полудни в третьем часу было здесь трясение земли, которое на нашей стороне не столь чувствительно было, но на другой стороне Роны оно велико было. В церквах колокола сами собой звонили»¹¹. Таким образом, Строгонов почувствовал свою сопричастность к событию, кое, кстати, имело и художественное значение с точки зрения распространения моды на эффектные развалины. В парках Европы стали строить «поврежденные временем» павильоны, которые «рассказывали истории».

«Les Delices» («Наслаждение») – поместье, купленное в 1755 г. Вольтером близ Женевы и несколько месяцев спустя ставшее местом его встречи со Строгоновым

Как известно, в 1756 году Вольтер написал поэму «Лиссабонское землетрясение, или Проверка аксиомы „Все благо“», в ней он впервые поставил под сомнение благость Бога.

Эти мысли он, очевидно, и развивал перед своим российским собеседником в конце 1755 года, когда оба философа, один умудренный жизненным опытом и другой начинающий, одновременно, но каждый по-своему переживали переломный момент в мировоззрении. Вольтер тогда написал следующие строки:

Смерть каждому страшна, жизнь каждому постыла,
Средь наших дней пусть слезы нам порой
Веселье осушит беспечною рукой,
Веселье улетит, оно как тень, мгновенно;
Печаль, утрата, скорбь пребудут неизменно.
Мы в прошлом свято чтим лишь память наших бед;
Все в настоящем – скорбь, коль будущего нет,
Коль мыслящую плоть разрушит умиранье.
Все может стать благим – вот наше упованье;
Все благо и теперь – вот вымысел людской¹².

---

¹⁰ Там же. С. 447–48.

¹¹ Там же. С. 391.

¹² Вольтер. Избранные сочинения. Пер. А. Кочеткова. М., 1997. С. 275–276.

«Лиссабонское землетрясение»

В сущности, встреча А.С. Строгонова с Вольтером была неизбежна, едва ли мог он миновать всеобщей болезни «вольтеризма»: с французским мыслителем переписывался его женеvский наставник Якоб Верне и веронский знакомый Сципионе Мафеи, послания ему адресовал друг отца Антиох Кантемир и «петербургский милостивец» Иван Шувалов. Можно считать несомненным, что это свидание не могло иметь иного следствия, кроме ускоренного заражения «вольтерянством», которое уже поразило многих его современников в разных концах Европы. Строгонов был не первым, но и не последним, кто искал личной встречи с затворником. Что подвигло Вольтера встретиться с молодым россиянином? Только ли шальные соляные деньги решили дело? Личная встреча Александра Сергеевича с властителем умов быстро сделала возможным тот результат, который долгое чтение сочинений могло достигнуть многими годами или вообще не достигнуть.

«Отец мой, испорченный сочинениями Вольтера, не верил в божественность Иисуса Христа; а моя мать, вышедшая замуж очень молодою и не видевшая в религии ничего кроме утомительных и часто суеверных обрядов, с жаром приняла мнения моего отца. Оба они были деистами¹³, и говорили о Господе нашем Иисусе Христе не иначе как о мудром законодателе, о христианской религии, как о прекрасном курсе нравственности, составленном для обуздания пороков народа и о святом Евангелии как о книге, наполненной чрезвычайными странностями»¹⁴. Эти слова, написанные дочерью графа А.П. Шувалова, вполне могли бы принадлежать кому-либо из детей Александра Сергеевича.

Путешествие россиянина на Запад всегда означает пересмотр представлений о жизни, в том числе и о собственном доме. У Строгонова появилась возможность осмотреть большое число домов, как в Италии, так и во Франции, ознакомившись с новейшими веяниями европейской архитектурной и интерьерной мод. Из этих экскурсов он сделал вывод о необходимости существования Кабинета (музея) как важнейшей составной части облика своего жилища.

---

¹³ Согласно воззрению деистов, Бог, сотворив мир, не принимает в нем какого-либо участия и не вмешивается в закономерное течение его событий.

¹⁴ Цит. по: *Кобеко Д.* Ученик Вольтера Андрей Петрович Шувалов // *Русский архив.* 1881. Кн. третья. С. 287–288.

Глава 6

Полюбить Минерву

Богиня Минерва, богиня мудрости и покровительница искусств, стала знаком российского просвещения, связанного, прежде всего, с именем Екатерины II. В современной литературе императрицу довольно часто называли Северной Минервой.

Сюжет плафона, заказанный бароном Сергеем Григорьевичем для Большого зала апартаментов сына, оказался чрезвычайно прозорливым, ибо именно этой богине на нем принадлежит центральная роль. С.Г. Строгонов очень надеялся, что после триумфального возвращения домой Александр немедленно станет знаменитым покровителем искусств и проявит мудрость, став живым воплощением и других добродетелей, представленных на плафоне. Однако «сценарий» его жизни оказался иным и более сложным.

Барону Александру Строгонову не удалось пробыть во французской столице долее, чем те полгода, что планировалось. Приехав туда в конце марта 1756 года, он должен был покинуть Париж 23 сентября (4 октября по григорианскому стилю, которого еще придерживалась Россия) по приказанию отца, закончившего к тому времени возведение дома, нашедшего «выгодную невесту», украсившую бы новое жилище, и, наконец, встревоженного слухами о «предосудительном поведении» сына. Как будто по заданию Чуди путешественник прибыл в Гаагу, ожидая дальнейших приказаний от отца. Но посланий из Петербурга он не получал, а позднее, устных внушений «российскому Телемаху» услышать уже не довелось.

30 сентября 1756 года барон Сергей Григорьевич Строгонов скончался, прожив всего 49 лет.

Его сын вернулся в Петербург только в июле 1757 года. Именно тогда путешественник увидел наконец адресованную ему плафонную картину и, кроме того, получил написанное переводчиком Академии наук Кириаком Кондратовичем другое, открытое для образованной публики, завещание отца, которое так и называлось: «Завещание родительское господину барону Александру Сергеевичу Строгонову через питомца Кириака Кондратовича объявленное».

Приведем несколько строк из него.

Смотри, чтоб жребий мой душе твоей достался,
Я око был слепым, нога хромым, всем друг.
Для пользы же чужой отверг свой недосуг...
Старайся обращать как сыны все благие
Учения плоды на пользу всей России,
Священным музам друг во всем ты верен будь.

И благотворительность, и верность священным музам закрепились в сознании способного, но еще не возмужавшего Александра отнюдь не сразу. Первым делом, выполняя волю отца, Строгонов в феврале 1758 года женился на графине Анне – дочери вице-канцлера Михаила Ларионовича Воронцова. Этот брак совершился не по любви, а по расчету: он дал барону возможность породниться со старинным родом, приближенному ко двору императрицы Елизаветы Петровны. Более того, в мае 1761 года Александр Сергеевич сам получил титул графа священной Римской империи, став по статусу равным своей жене, урожденной графине А.М. Воронцовой.

Портрет графа Александра Сергеевича, написанный вскоре после возвращения в Россию

Портрет графини Анны Михайловны работы Луи Токе 1758 г. В ее руках – одна стрела, за спиной – целый колчан. Неизвестно, была ли она охотницей на зверей, но несколько мужских сердец разбила определенно

Многое успел совершить Александр благодаря отцу, но его семейная жизнь не сложилась. Произошло это потому, что его брак был политическим. И заключенный при одной императрице, он не «работал» при другой. В правление Екатерины II, вступившей на престол в июне 1762 года, Воронцовы, слишком долго сохраняя верность Петру III, утратили былое положение при дворе. Строгонов же заранее показал себя сторонником «Северной Минервы», хотя из-за молодости и неопытности не слишком преуспел в получении наград за переворот. Какая-то тень недоверия пробежала между ним и монаршей особой, удостоившей своего почитателя прозвищем «Магоб». Кажется, она что-то знала о его увлечениях масонством.

Разочарованный прохладным отношением государыни Александр Сергеевич уже засобирались было в Москву, а М.Л. Воронцов, прежде чем там же провести остаток дней, уехал вместе с дочерью в Италию. П.В. Бакунин меньшей, служивший, как и Строгонов, в Коллегии иностранных дел и к тому же родственник Воронцовых¹⁵, был глазами и ушами графини Анны в Петербурге. 10 января 1764 года он писал ей: «Господин граф Строгонов предполагает уехать в Москву в феврале, и, накануне его отъезда туда, была отправлена большая часть его вещей, в частности библиотека и редкости»¹⁶, но затем незадачливый царедворец передумал и остался в Петербурге.

Ровно месяц спустя, 10 февраля, Бакунин, сообщая своей корреспондентке о том, что ее муж добивается поста главного церемониймейстера двора в ранге тайного советника, также уведомил ее о перемене супруга относительно Москвы. «Господин граф» остался в столице и теперь: «Хочет предоставить свой дом господину маркизу де Боссе и в настоящее

---

¹⁵ Муж А.С. Татищевой, племянницы М.Л. Воронцова.

¹⁶ Письма Петра Васильевича Бакунина из Петербурга в чужие края к графине Анне Михайловне Строгановой // Архив князей Воронцовых. Книга тридцать четвертая. СПб. 1879. С. 320.

время ищет другой дом для себя <...> поскольку меньший дом не требует столь значительных трат»¹⁷.

Из других писем Бакунина следует, что Александр Сергеевич действительно сдал дом французской миссии, возглавляемой Боссе.

Самый важный лист грамоты о графском достоинстве А.С. Строгонова. На щите графская корона. Выше ее турнирные шлемы: центральный увенчан черным орлом, левый – головой черной лисицы, правый – серебристого медведя

В январе 1767 года в Большом зале Строгоновского дома проходили выборы депутата Комиссии по составлению Нового уложения. Одним этим фактором он оправдал свое предназначение способствовать развитию общественной жизни в российской столице, заложенное Расстрелли. Заседания комиссии стали «русской диковинкой», которой потчевали иностранцев, в частности, посещение заседания обещали швейцарцам Жан-Анри Пикте и Жак-Андре Малле.

Наслышанные о Строгонове от своих соотечественников, они прибыли в Россию, конечно, не ради законодательной деятельности императрицы. Их привлекла возможность наблюдать второе в XVIII веке затмение Солнца Венерой, которое наилучшим образом можно было увидеть 23 мая 1769 года в районе Кольского полуострова. Хотя граф Александр Сергеевич живо интересовался астрономией, руководство Российской академической экспедицией возлагалось не на него, а на С.Я. Румовского (1734–1812).

Посланцы столь любимой Александром Сергеевичем страны вскоре после приезда летом 1768 года отправились осматривать его дом, в частности кабинет, создание которого было следствием первого заграничного вояжа. Однако подобную экскурсию не удалось организовать быстро. Утром 20 июня швейцарцы прибыли на Невский проспект, но смогли лишь вручить рекомендательные, вероятно, граф был занят работой в Комиссии. 24 июня путешественникам повезло больше. Они увидели гостиные, то есть, вероятно, северную часть дворца. Им показали мебель – одну из самых прекрасных в Петербурге, по мнению Пикте. Малле запомнилось прекрасное бюро, а также фарфоровые фигурки из Парижа, бюст Вольтера, несколько бронзовых антиков. Кабинет (музей) натуральной истории оказался в этот раз недоступным.

---

¹⁷ Там же. С. 323–24.

Таким представил Вольтера его соотечественник Гудон. Одно из повторений скульптурного бюста Строгонов впоследствии приобрел в свою коллекцию

Некоторой компенсацией за неполный осмотр дома оказался обед у Александра Сергеевича, состоявшийся 29 июня. Швейцарцы отправились на него в сопровождении придворного ювелира Луи Дюваля, приятеля Франсуа Пикте, и еще одного женева, а потому, видимо, завсегда дома у Полицейского моста. Встреченные негром Строгонова, они отправились знакомиться с гостями. Среди самых важных посетителей Пикте в своем «Дневнике путешествия», изданном на французском языке, назвал сенатора графа Романа Ларионовича Воронцова и президента коммерц-коллегии графа Э. Миниха, к фамилиям которых было добавлено «cordon blue» («голубая лента», то есть кавалер ордена Св. Андрея Первозванного).

Малле из приглашенных запомнил венгерского графа Андре Тотта (1730 – после 1802). На личности этого посетителя, которого причисляют к сонму авантюристов, следует остановиться.

Масон и приятель Казановы приехал в Петербург в 1764 году из Парижа, где ему предстояло драться на дуэли. Он отправился на далекий север в карете супруги русского посла графини М.П. Салтыковой, урожденной Балк-Полевой, сестрой жены С.К. Нарышкина. Именно она, предоставив венгру апартаменты, ввела его в петербургское общество. Андре Тотт следующим образом был охарактеризован Жан-Батистом Россиньоль д'Анневилем, французским дипломатом в Петербурге: «Человек обходительный и одаренный, умный, острый, но с тех пор как попал в Россию, ищет одних удовольствий; он принят в лучших домах, молод, и у него нет других средств, кроме тех, что приносит жизнь в обществе, а потому он залез в долги и уехать не может, не расплатившись. На жизнь он зарабатывает игрой, к которой русские питают непреодолимую страсть»¹⁸. Не исключено, что граф Александр Сергеевич принадлежал к этой категории людей. В конце 1768 года после начала Русско-турецкой войны Тотт получил предписание покинуть пределы Российской империи, ибо его брат служил у противника Екатерины II. Заплатил долги графа упомянутый выше Россиньоль.

Вслед за Чуди это был уже второй авантюрист, замеченный в доме Строгоновых, что характеризует, пожалуй, особым образом хозяина жилища, его репутация начинает обретать образ чудака.

После Тотта среди гостей Строгонова на обеде 29 июня 1768 года Малле упомянул мсье Шапантье (Charpentier), француза, бывшего аббата, а теперь преподавателя и автора русской грамматики, комедианта Сенепара, а также управляющего графа – своего соотечественника Риттера (Ritter). Подобное пестрое смешение публики вызвало удивление у швейцарцев, но это обычное дело в доме А.С. Строгонова, поражавшем иностранцев смешением азиатской

---

¹⁸ Цит. по: Строев А. Авантюристы Просвещения. М., 1998. С. 339.

роскоши и утонченной западной культуры (после обеда карлики подносили гостям курительные трубки).

Только 6 июля 1768 года Пикте и Малле удалось, после очередного обеда, осмотреть Кабинет Строгонова. Пикте в своих записях был краток. Он занес в дневник слово «музей», названный им прекрасным и совершенным. Малле остановился на визите более подробно. Он указал, что за столом была произнесена похвала Швейцарии и отдельно «дорогой Женеве». Действительно, не было в Петербурге другого дома, где столь часто появлялись гости из этого города. Граф сам показал сокровища.

В первой комнате были представлены минералы, кристаллы необработанные и полированные, а также драгоценные камни, среди них оникс в форме блюда показался автору наиболее прекрасным. Он также отметил окаменевший кусок дерева, найденный в медных копях, шкаф, полный других окаменелостей – фрагментов животных и растительных. Во второй комнате – морские продукты и раковины. Третья зала представляла руды, четвертая – физические приборы: насос, электрическую машину, микроскоп. Специальная комната отводилась эстампам. Еще одна – скелетам животных – коллекции, приобретенной недавно, в 1763 году, у Карла-Фридриха Крузе, а ранее принадлежавшей его тестю, покойному голландскому лейб-медику императрицы Елизаветы Петровны Герману Бургаве (Boerhave, 1705–1753). Таким образом, собранию были отведены шесть залов Кабинета. Именно столько упоминает Георги в 1789 году в своем описании Санкт-Петербурга, сообщая, что интерьеры соединялись между собой арками.

Особая комната в доме Строгонова предназначалась библиотеке и медалям (одна из них была чеканена в Англии во времена Кромвеля).

Вернувшись к комнате животных, Малле описал поразившего его крокодила, вылупляющегося из яйца величиной с большое яблоко. Довольно странно, что гости вовсе не указали картин, которые уже имелись во множестве у графа Александра Сергеевича (по свидетельству других источников). Судя по всему, живопись их не интересовала. Следует сделать еще одно замечание: никаких указаний на собор в подборе вещей нет, что, вероятно, означает – идея его строительства еще не овладела графом. Два последующих описания Кабинета, по письменным и изобразительным источникам, показывают нам особым образом подобранные и интерпретированные предметы. Основная их часть приобреталась во время второго путешествия за границу в 1770-е годы. Именно тогда, выражаясь витиевато, путь к Минерве был проторен.

Располагался Кабинет, судя по всему, в северном корпусе, занимая пространство бывших покоев барона Сергея Григорьевича, то есть на месте современных залов Гюбера Робера, Арабесковой гостиной и Минерального кабинета.

Фрагмент лепного убранства Большого зала

Спустя две недели швейцарцы предприняли попытку ознакомиться с законодательной деятельностью «Северной Минервы». Накануне визита в Комиссию они обедали у Строгонова, договариваясь, видимо, о деталях. На этот раз граф удивил их игрой на маленьком

стеклянном клавесине, привезенном неким англичанином из Парижа. Наконец, 21 июля в сопровождении Жана Антуана, библиотекаря (секретаря) графа Строгонова, путешественники отправились на заседание Комиссии, но их не допустили в зал по соображениям безопасности – в зале на этот раз присутствовала сама императрица.

Путешествие Александра Сергеевича в Европу сторицей оправдало затраченные средства. Кабинет (музей) в Строгоновском доме был создан, по крайней мере, к концу 1760-х годов. Он характеризует своего единственного владельца на тот момент любителем курьезов, и эта репутация как будто подтверждается унаследованным Александром от отца интересом к авантюристам. Но два путешествия лучше одного, и лишь следующая поездка повлияла на создание интерьеров того дома, который мы знаем. (Добавлю к теории путешествий: следует посещать страну дважды, чтобы во второй раз увидеть пропущенное ранее.)

Глава 7

Второе паломничество в Париж

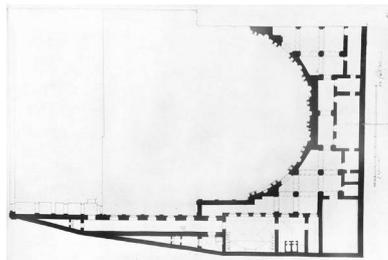
Граф Александр Сергеевич Строгонов успешно провел гранд-тур в 1750-е годы. Однако в последующие годы он остро ощутил необходимость новых путешествий для дальнейшего саморазвития. Он снова отправился за границу при первой представившейся возможности, а именно в 1771 году, хотя повод для поездки оказался не самым приятным.

Из ответных писем графини Анны Михайловны Строгоновой П.В. Бакунину меньшому мы знаем, что в 1764 году она решила расширить некий дом в Санкт-Петербурге. Едва ли при жизни отца она распоряжалась отцовским жилищем, которое, к тому же, и так было чрезмерно большим для М.Л. Воронцова – человека со средствами, но не столь значительными, как у Строгоновых. Поэтому, скорее всего, речь идет о доме графа Александра Сергеевича на Невском проспекте, его она с полным правом считала собственным.

Перед отъездом за границу с отцом графиня Анна Михайловна пригласила французского архитектора Жана-Батиста Валлен-Деламота, недавно появившегося на берегах Невы, составить некий проект. Можно предположить, что она хотела создать большой восточный корпус ансамбля, возведение которого представляется логическим шагом в развитии Строгоновского дома. Дошло ли дело до чертежей, не ясно, хотя два не реализованных плана восточного корпуса 1750-х годов нам известны. Один консервировал ситуацию, сохраняя полукруг стены во дворе, другой превращал восточный корпус в многоугольное сооружение.

Ее муж, Строгонов, как мы видели, наоборот, желал сдать в аренду дом, казавшийся ему слишком большим, и нанять для собственного проживания меньшие апартаменты. Такая полярность мнений стала новой причиной для семейных споров. Ранее смерть императрицы Елизаветы Петровны, краткое царствование Петра III и «революция», произведенная его супругой, будущей императрицей Екатериной Великой, поменяли ситуацию при российском дворе. Граф А.С. Строгонов, поссорившись с Воронцовыми в результате принятия в «романовском конфликте» женской стороны, в середине 1760-х годов затеял длительный бракоразводный процесс с Анной Михайловной и у него уже тем более отпала потребность в новых залах. Не поехав в Москву, он занялся устройством загородных усадеб близ Петербурга.

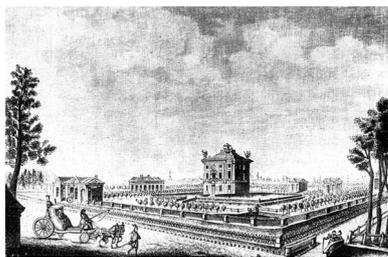
Дом Строгонова на Петергофской дороге был построен в 1765 году. Он находился неподалеку от первых Нарвских ворот, перенесенных в последующие годы на свое нынешнее место, то есть южнее. Небольшое восьмиугольное в плане здание имело бельведер, позволявший наблюдать близлежащий Финский залив Балтийского моря. Территорию регулярного французского парка окружал ров и двойная изгородь, а вход в него с запада и востока «охраняли» кордегардии в виде пропилей. С юга и севера симметрично им стояли одноэтажные павильоны. Главное здание усадьбы словно парило над парком, ибо возвышалось на особом плато, поддерживаемом каменной стенкой. Попасть на парадный двор можно было только по центральной аллее, поскольку там боскеты, вторившие квадрату внутреннего пространства, словно расступались, пропуская гостей. Автором оригинальной постройки раннего классицизма мог быть французский архитектор Валлен-Деламот, которому, как уже упоминалось, возможно, предлагались работы в качестве архитектора городского дома владельца.

Один из планов первого этажа предполагал консервацию того плана строгоновского дворца, который отсылал к венскому шедевру Фишера фон Эрлаха

Цокольный этаж здания был обработан рустом, второй и третий оформляли пилястры, неглубокие филенки и цветочные гирлянды – такие, как на Эрмитаже императрицы, возведенном французом в те же годы. Над скругленными углами квадратной в плане постройки стояли декоративные композиции, а на совершенно необычном ступенчатом аттике сидел мандарин под зонтиком, как на китайском павильоне в Люневилле (Франция) или на Чайном доме в Сан-Суси. Следует заметить, что хотя «китайщина» в творениях Деламота – не столь частый «гость», как у Антонио Ринальди, она все же присутствовала в его творчестве. В середине 1760-х Деламот создал два Китайских кабинета в Большом Петергофском дворце.

Интерьеры дома, который неоднократно перестраивался, не сохранились. В одном из строгоновских альбомов я обнаружил лист с надписью на обороте «Альковъ ординарной е[го] с[иятельства г[рафа] а с[трогонова]». Чертеж показывает очень небольшое помещение (пять аршин длина, столько же высота, а ширина – четыре; аршин, напомним, равен 71 сантиметру) с отделкой в духе Людовика XVI, чертеж можно связать с именем Деламота. К сожалению, трудно сделать окончательный вывод, ибо памятники того стиля почти не дошли до нас. Кроме того, российские собрания не располагают достаточно большим числом чертежей 1750–1760-х годов. Не исключено, что перед нами проект для Строгоновского дома на Невском проспекте, но все же скорее лист показывает интерьер загородного особняка Александра Сергеевича.

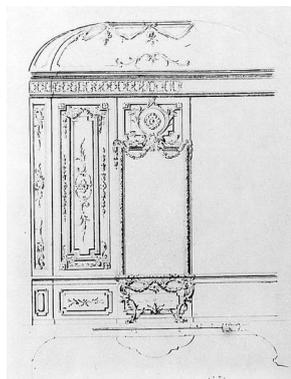

Вид Приморской дачи графа А.С. Строгонова. Гравюра П. Штелина

История Строгоновского сада на Большой Невке, то есть в противоположной, северной, стороне Петербурга, в известной степени напоминает биографию дома у Полицейского моста. Первый участок у впадения Черной речки в Большую Невку Сергей Григорьевич приобрел в 1743 году. В 1771 году был приобретен последний участок. То была мыза Мандурова, получившая свое название от финской деревни Мантарова. Трудное для русского уха название трансформировалось и распространилось на весь парк. Не позднее 1754 года барон Сергей Григорьевич обладал домом о «двух этажах с людскими покоями, анбарами, конюшнею, со всем деревянным строением и огородом с разными фруктами». Этот (или другой)

дом, возведенный на месте прежнего (или на новом месте), изобразил в 1790 году Жан Балтазар де Траверсе. Оригинальное здание напоминает своим обликом Каталную горку в Ораниенбауме, возведенную Антонио Ринальди в 1762–1774 годах, что, наряду с имеющимся планом, зная о приверженности зодчих одним и тем же стилистическим приемам, позволяет датировать постройку Строгоновых примерно серединой 1760-х годов.

Дом имел нижний каменный этаж, там архитектор разместил парадные комнаты. Их расположение показывает, что гости ожидались главным образом со стороны реки. Через три двери попадали в обширную Приемную, миновав которую и повернув налево можно было оказаться сразу в Столовой. В той же части дома располагались Круглый зал и Гостиная, где в алькове помещался диван, а в правой части находились Биллиардная с овальным потолком, напоминавшим Штукатурный покой в Китайском дворце, и Буфет. Между ними располагался вестибюль с лестницей, ведущей на второй, деревянный этаж.

Небольшие размеры проектируемого помещения позволяют предполагать, что здесь представлен вид зала в доме Александра Сергеевича на Петергофской дороге. Возможно, Ж.-Б. Деламот был автором этого листа

Завершалась постройка восьмиугольным бельведером, откуда, как и из здания на Петергофской дороге, был виден залив. Таким образом, в 1760-е годы граф А.С. Строгонов обзавелся двумя модными дачами. Если мои предположения верны, то для их создания он пригласил француза Жан-Батиста Валлен-Деламота и итальянца Антонио Ринальди. Каждый из них мог поучаствовать и в реконструкции главного неевского дома, но это предположение исходит только из логики превращения этих зодчих в придворных мастеров Строгонова, связанных более или прочно с семьей на протяжении известного времени. Но таких сведений нет, да и сам факт строительства ими дач окончательно не доказан.

Развода с А.М. Воронцовой Строгонов не дождался – она внезапно умерла в 1769 году. Этому событию предшествовала трагическая коллизия. В графиню Строгонову влюбился граф Н.И. Панин, забросивший службу в Коллегии иностранных дел. Узнав об этом, Александр Сергеевич, который увлекся княжной Екатериной Петровной Трубецкой, надеялся, что это ускорит решение его дела. Однако Панин, устав ждать развода Строгоновых, стал вздыхать о графин А.П. Шереметевой, которую из мести отравила тетка Анна Михайловна, но и сама не избежала той же участи. Во втором преступлении молва устами французского посла Корберона обвинила князя Петра Трубецкого. Женившись на его дочери Екатерине в том же 1769 году граф Строгонов вскоре вновь поехал в Париж, где провел 1771–1779 годы.

Это путешествие – затянувшийся на целых восемь лет медовый месяц – серьезным образом продвинуло дело создания Кабинета, как именовали тогда частный музей владельца.

Именно из Франции прибыло множество вещей, ставших неременным атрибутом неевского дома. Над ним как будто довлело некое проклятие: почти непрерывно целое столетие после его создания владелец, будь то мужчина или женщина, не имел спутника жизни.

Вид выборгской дачи графа А.С. Строгонова до перестройки ее А.Н. Ворониным. Лист из альбома «Voyage pittoresque» (Путешествующий по России живописец), исполненного Жаном Балтазаром де ла Траверсе для графа П.А. Строгонова, насчитывавшего около 400 листов и разрозненного впоследствии

Графиня Екатерина Петровна была «характера высокого и отменно любезная. Беседа ее имела что-то особо заманчивое, она была одарена многими прелестями природы, умна, мила, приятна. Любила театр, искусство, поэзию, художество»¹⁹. Таким образом разделяла (или делала вид) интересы мужа. Тем не менее после возвращения из Франции союз распался, причем второго развода Строгонов не затевал. Первый был слишком тягостным. Не исключено, что потеря Анны Михайловны, официального разрыва с которой граф долгое время желал, оставила настолько глубокий след в его душе, что он дал обет построить храм, возведение которого символически, посредством изображения храма на потолочном плафоне в доме-дворце, когда-то завещал ему отец. Так можно интерпретировать последующие события его жизни.

Итак, Париж 1770-х – временное пристанище российского коллекционера, который поселился на rue Richelie близ Национальной библиотеки. Минуло двадцать лет с момента первого приезда Александра Сергеевича во французскую столицу, но там по-прежнему «день мешался с ночью». Это выражение принадлежит писателю, автору «Недоросля», Д.И. Фонвизину, который в ужасе писал родственникам: «День делают ночью, а ночь днем. Игра и прекрасный пол занимают каждую минуту. Кто не подвергается всякую минуту опасности потерять свое имение и здоровье, тот называется здесь философом»²⁰.

Философом называли, вероятно, и графа Строгонова, который успевал участвовать в делах общества «вольных каменщиков» и добился там такого авторитета, что в 1773 году участвовал в реформировании французского масонства, а позже даже принял в одну из лож, под названием «Девять муз» Вольтера. Членами той ложи состояли многие выдающиеся художники, музыканты и литераторы – Парни, Делиль, Грез, Верне, Гудон. Там же во Франции Александр Сергеевич купил два десятка картин, преимущественно голландской и фламандской школ, «Амура-Гарпократа» Фальконе, «гробницу Гомера» (заочно) и попросил скульптора Ж.-П.-А. Тассара придать черты императрицы Екатерины II статуе Минервы, той, что граф нашел в его мастерской и немедленно купил.

¹⁹ Капище моего сердца, или словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течении моей жизни. Сочинение князя Ивана Михайловича Долгорукова. М., 1874. С. 18.

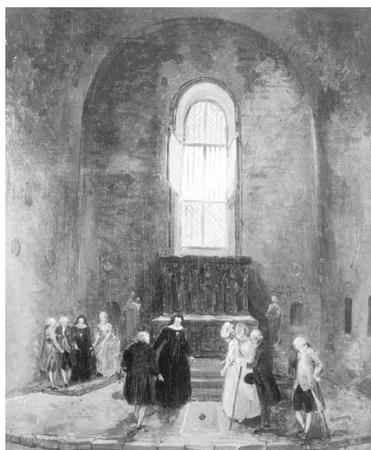
²⁰ Письмо к родным. Апрель 1778 г. // Д.И. Фонвизин. Собрание сочинений в двух томах. Том второй. М.-Л., 1959. С. 445.

Мраморная Минерва Тассара сохранилась

И холсты, и все прочие художественные покупки сыграли большую роль в формировании внутреннего мира графа Александра Сергеевича. Они были связаны с конкретными замыслами, воплощение которых не заставило себя долго ждать. Пожалуй, особенно интересной была скульптура Амура. Она представляет крылатого мальчика, пытающегося левой рукой достать стрелу из колчана. Приложив палец правой руки к губам, он как будто бы наблюдает за тем, чтобы шум не мешал его «охоте». Тем менее, чего или кого именно он опасается, остается загадочным. Возможны несколько интерпретаций жеста Амура.

В древнем Египте бог Хор изображался как ребенок сходным образом, он просто сосал свой палец. Его греческий «эквивалент» Гарпократ, изображаемый в той же позе, превратился в божество молчания и тайны. В начале XVII века жест получил новую трактовку. Скрытый мальчик стал богом любви, апеллирующим к благоразумию в вопросе выбора сердечной привязанности. Любая из этих интерпретаций в сущности применима к Купидону Фальконе. Но юный бог любви может рассматриваться и ищущим жертву среди своих зрителей. В этом смысле предостережение может трактоваться как призыв к созерцанию вероятнее, нежели к молчанию. Далее мы увидим какой интерпретации придерживался Строгонов.

Г. Робер запечатлел факт совместного со Строгоновым паломничества на могилу Абеяра и Элоизы в Параклете

Именно в парижский период Александр Сергеевич познакомился с «живописцем руин» Гюбером Робером, тот на одной из картин изобразил А.С. Строгонова и себя при осмотре могилы Абельяра и Элоизы. Эту картину ждала необыкновенная, драматическая история в России (о ней будет рассказано в IV части книги). В тот момент она стала собственностью графа, как и те шесть, что были заказаны в 1773 году для особого зала петербургского дома. На одном из холстов представлен собор Св. Петра в Риме, который «возбудил ревность» Строгонова, пожелавшего построить нечто подобное в Петербурге. Сорок лет спустя близ его дома появится храм, который отдалено напоминает римский образец.

Жизнь Александра Сергеевича сложилась таким образом, что накануне своего 40-летия он испытал потребность в храме, идея возвести который заключалась в плафоне-завещании Большого зала его апартаментов. В этот решающий момент мирского бытия он оказался, наконец, под покровительством Минервы, количество ее изображений в доме на Невском проспекте увеличилось. Назову наиболее важные. К богине, написанной кистью Валериани, прибавилась Минерва Тассара, а также Минерва на картине Солимены «Аллегория правления». Две последние он привез после второго большого путешествия в Европу, о котором мы очень мало знаем. Однако без сомнения именно оно привело к окончательному комплектованию Кабинета (музея) и становлению феномена Строгоновского дома.

Глава 8 Любитель искусств

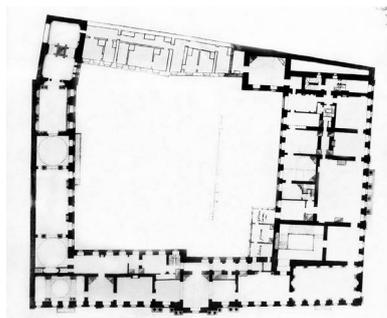
Со временем известие о Строгонове и его доме распространилось по Европе и по Петербургу. Граф Александр Сергеевич даже стал прославляться как покровитель искусств. Пожалуй, своего апогея его слава достигла к 1791 году, когда Гавриил Державин написал знаменитую кантату «Песнь дому, любящему науки, или любителю художеств», положенную на ноты Дмитрием Бортнянским. Рефреном там звучали такие слова:

Науки смертных просвещают,
Питают, облегчают труд,
Художества их украшают
И к вечной славе их ведут.
Блажен тот муж, блажен стократно,
Кто покровительствует им.
Вознаградят его обратно
Они бессмертием своим.

«Бессмертие» Строгонова обеспечивалось Кабинетом (музеем), в 1791–1796 годах перестроенным Андреем Воронихиным. С другой стороны, очевидно, что сочинение Державина инспирировал сам А.С. Строгонов к возвращению из заграничного вояжа Павла, ему, судя по всему, Александр Сергеевич и хотел показать себя во славе прежде всего. Церемония торжественной встречи отца с сыном, не состоявшаяся в 1756 году, имела место тридцатью пятью годами позже, под сохранившимся плафоном Дж. К. Валериани. С того времени дом вновь делился на две части, а идея строительства собора вновь стала актуальной.

Этапы совершенствования дома графа Александра Сергеевича, в котором Кабинет (музей) занимал самое важное место, мы узнаем прежде всего из уст иностранных гостей. Заметки французского графа Фортиа де Пиля в начале 1790-х, голландца И. Меермана и польского короля Станислава Августа Понятовского в конце того же десятилетия, а также Генриха Реймерса в 1805 году и 1809 годах позволяют, хоть и весьма схематично, воссоздать облик дома.

Де Пиль посетил дом Строгоновых на Невском летом 1791 года. Этот визит особенно драгоценен для нас, ибо вояжер оставил подробные указания о том, что и в какой последовательности показывалось любопытствующим в уже новом, устроенном Андреем Воронихиным Кабинете графа. Поднявшись по Парадной лестнице на второй этаж, гости попадали в Биллиардную. Чаше употребляемое в настоящее время название «Старая передняя» указывает на другую (и может быть более раннюю) функцию этого зала.

Единственный обмерный план второго, парадного этажа невского дома, был сделан в мастерской А.Н. Воронихина между 1796 и 1811 гг. Показывает момент после завершения создания Кабинета (музея) и самое начало длительного периода формирования южного корпуса

Название это пустил в оборот Александр Бенуа, вероятно, со слов дворецкого, сопровождавшего по дому знаменитого художника, критика и знатока искусств в самом начале XX столетия. Здесь до настоящего времени находятся барельефы с играющими путти – фрагменты переделанного впоследствии интерьера времен Воронихина.

В следующем зале гостям первыми показывали те самые картины Гюбера Робера, что были одним из самых важных парижских приобретений их владельца. Собор Св. Петра, изображенный на одном из холстов, отсылал к Большому залу, соединяя тематически оба зала в единое целое.

Рядом с картинами стояли четыре, по числу главных полотен Робера, скульптурных бюста. Они были исполнены из мрамора Гудоном и представляли славных деятелей Просвещения – Вольтера, Дидро, Д'Аламбера и Эйлера. По крайней мере, с первыми двумя из знаменитостей Строгонов познакомился в Париже.

Далее Пиль называет Минеральный кабинет, и потому я вынужден миновать два загадочных зала (на месте нынешней Арабесковой галереи), сведений о ранней отделке которых не приводит ни один из посетителей. Лишь И. Меерман, получивший разрешение графа увидеть его сокровища в декабре 1797 года, говорит о небольшой ротонде с колоннами, выполненными из белого топаза. Впоследствии это произведение возможно стояло на столе в Картинной галерее.

В северо-восточном углу здания располагался Минеральный кабинет. Для его создания Воронихин, возможно зная о старых планах Растрелли, соединил между собой не только два скромных зала 1740-х годов, но и добавил к ним прежние спальни третьего этажа. Четыре оси вместо пяти – единственная погрешность против задуманного предшественником «флигеля». Полученное пространство стало вполне пригодным для двухъярусного храма с хорами, но оно отошло минералам. Собственно, можно было бы поступить проще и сделать интерьер в одном уровне, как и предлагал Строгонову Ф.И. Демерцов. Воронихин, используя свой парижский опыт, выбрал сложный, более вместительный вариант.

Фактов о жизни А.Н. Воронихина (1760–1814) сохранилось крайне мало. Допустимо предположить, что он состоял при юном графе П.А. Строгонове в качестве «придворного живописца и летописца», подобно М.И. Печеневу, мастеру «малого двора А.С. Строгонова». В отличие от своего предшественника Воронихин проявил архитектурские способности, которые были развиты Ж. Роммом и каким-то малоизвестным парижским зодчим в период 1786–1790-х годов, когда бывший крепостной стал уже свободным. Последующие четверть века он беззаветно работал для своих покровителей, оставив свой след и как мастер императора Александра I (Горный институт и другие постройки), и как архитектор вдовствующей императрицы Марии Федоровны (г. Павловск).

Эта картина Робера, возможно, имела исключительное значение в мыслительном процессе графа Строгонова

В уютном и одновременно грандиозном интерьере использована архитектурно-декоративная система, применяемая, как правило, при сооружении зданий, посвященных Богу. Действительно, в первый момент можно подумать, что попадаешь в церковь – все на месте: двенадцать, по числу апостолов, колонн, паруса, хоры, свод. Но всмотревшись внимательно, замечаешь иные детали и смысл интерьера. На парусах помещены не евангелисты, а эмблемы искусств и наук, в люнетах – не ожидаемые сцены из Библии, а аллегории четырех стихий. Отражением влияний Нового времени можно считать Минеральный кабинет, устроенный в годы Великой Французской революции. Одновременно с храмами Разума (масонскими) на берегах Сены Александр Строгонов на невских берегах создал оду веку Просвещения.

Яшмовый кабинет Агатовых комнат в Царском Селе послужил прототипом при проектировании Минерального кабинета. Рисунок шелка, использованного для обивки стульев, был применен и в Картинной галерее (указано А. Деревенсковым)

Де Пиль рекомендовал посмотреть «коллекцию табакерок, украшенных разными драгоценными камнями, экспонаты по естественной истории, руды: золотую, серебрянную, оловянную, свинцовую, железную, камни, окаменевшие куски дерева, раковины и т. д., прекрасный кусок сибирского малахита... камень с венериными волосами... вид гиацинта из Бразилии»²¹. Коллекция минералов, привезенных не только из самых отдаленных уголков

---

²¹ [Fortia de Piles]. Voyage de deux français dans le Nord de l'Europe. 1790–1792. Volume IV. Paris, 1796. PP. 41–44.

России, но и из Англии, Германии, Исландии, Италии и других стран разных континентов, предопределила выбор Пантеона, знаменитейшего римского храма всех богов в качестве главного прототипа для оформления Минерального кабинета. Но только ли камням был посвящен зал?

В люнетах находим скульптурные композиции, трактуемые обычно как аллегии четырех стихий. Думается, что замысел был более сложным. Каждая из них представлена в виде сидящих женских фигур. Обращает на себя внимание барельеф, расположенный в южном люнете над скрытым от взора несведущих проходом в Картинную галерею. Женщина в античном одеянии держит в руках чашу с огнем, в которой видна саламандра. Слева один путти держит в руке факел, показывая взглядом на некий камень, в то время как его товарищ гасит другой факел в сосуде с водой. Справа группа путти греется у поддерживаемого огня.

Фрагмент южного люнета Минерального кабинета

Согласно средневековым поверьям, саламандра обладала холодным телом, позволяющим ей находиться в огне, не сгорая, а также тушить любое пламя. В алхимии она, представляя собой дух огня как первоэлемента (так называемый «элементаль» огня), является одним из воплощений философского камня. Элементали находятся в равновесии посредством противоположностей: вода гасит огонь, огонь кипятит воду, земля сдерживает воздух, воздух раздувает землю. В таком случае рассмотренную композицию следует трактовать не столько как аллегию огня, сколько шире – как представление алхимического процесса.

«Аллегория воздуха» в северном люнете представлена в виде опирающейся на лук спящей охотницы, один юный помощник пробуждает ее к действию, показывая подсадную птицу, другой путти придерживает собаку.

«Аллегория воды» в западном люнете держит в правой руке рыбу, которую ей, видимо, предоставил либо тот мальчик, что справа от нее держит удочку, либо веселая компания слева – та, что вытаскивает сеть из воды.

И, наконец, «аллегория земли» изображена в образе опирающейся на льва Кибелы – богини плодородия, покровительницы городов и замков. На голове у нее так называемая градская корона, в руке ключ. Путти не только слева и справа от фигуры демонстрируют фрукты, но и в малых люнетах под арками. Дополнительное размещение атрибутов музыки на парусах, да и сами минералы могут трактоваться как элементы культа Кибелы, позволяет сказать, что этот зал, посвященный Воронихиным Натуре (в противоположность последующему залу Искусств), можно называть храмом Кибелы.

Итак, в южном люнете Минерального кабинета над преградой на пути к Картинной галерее помещена «аллегория огня». В чаше можно заметить саламандру.

Минеральный кабинет после реставрации. Верхняя галерея предназначена для второстепенных образцов. В верхней части дальней стены, над шкапами, «аллегория Земли» с Кибелой в центре

Поскольку три прочие композиции не содержат алхимических элементарий (гномов, ундин и сильфов), то элементарь огня на южном люнете следует трактовать как стремление выделить именно его и указать на путь к алхимической лаборатории.

Принцип оформления Картинной галереи идентичен Минеральному кабинету и, вероятно, тот же скульптор сделал два барельефа и в ней. В центре барельефа, дальнего от вошедшего в зал, показана женская фигура – «аллегория живописи». Она держит в левой руке палитру, пальцем правой указывая на картину (зеркало), которое ей подносит путти. Справа – натурный класс: лишь один из мальчиков растирает краски, трое других рисуют скульптурный бюст. На полу атрибуты класса: слепки, палитры и кисти. Слева от Живописи творческий класс: сидя перед мольбертом один путти уже пишет, двое других изучают альбомы в поисках вдохновения.

Обернувшись назад, в сторону Минерального кабинета, зритель мог видеть другую композицию – «аллегория скульптуры». С молотком в правой руке женская фигура опирается на бюст и делит композицию на две части. Справа двое мальчиков высекают из мрамора торс. Слева – в то время как одни формируют профиль, другие заняты работой над капителью колонны. И здесь получилась «мастерская Академии художеств».

Нельзя сказать, что в Картинной галерее графа Александра Сергеевича в равной степени были представлены живопись и скульптура. Скорее это был храм только живописи, в котором имелись лишь три важных произведения резца. Удлиненный в плане зал, состоящий из трех частей: центрального, перекрытого цилиндрическим сводом, со скульптурными аллегориями живописи и ваяния в люнетах и двух купольных помещений по бокам. Первоначально архитектор намеревался устроить большое окно на восточной стене. Однако свыше шести десятков картин самых выдающихся живописцев столетия, для размещения которых главным образом и построен третий корпус домового ансамбля, заняли всю плоскость. Довольно значительному числу полотен места все же не хватило.

«Аллегория скульптуры» показывала, что Картинная галерея задумывалась как класс Академии художеств

Следует знать, что по традиции эпохи для подобного зала важно было не только качество отдельного холста, но и полнота охвата всех школ, а также красивое расположение полотен на стене. Кстати, граф обладал несколькими шедеврами, среди них следует назвать портрет Николаса Рококса ван Дейка и «Отдых на пути в Египет» Пуссена.

Замечу, что не экспансия картин, а логика развития замысла Казанского собора стала главной причиной отмены окна, точнее – перенесения его в Физический кабинет, устроенный пятью годами позднее. Дело в том, что храм оказался дальше от красной линии (тропуара), чем предшествующая ему церковь Рождества Богородицы.

Именно в Картинной галерее происходит действие пьесы-поговорки «Утро любителя драгоценностей», написанной графом для Эрмитажного театра. В небольшом произведении автор дает отповедь профанам, досаждающим ему издевательствами над делом его жизни. «Театр представляет комнату картинную. Живописный станок стоит подле дверей, в которые входят; другой наперед театру, и на всяком из них по картине. На столе вдали лежат книги, развернутые эстампы, некоторые редкости из натуральной истории и пр.». Такова экспозиция.

Достойный тщательного рассмотрения шедевр А. Воронихина, в данном случае демонстрирующего свой талант миниатюриста

Пьеса начинается ворчанием слуги, вытирающего пыль с любимой картины хозяина «Избиение младенцев», на которое граф отвечает: «Я почитаю вещью необходимой в составлении счастью, особливо для человека чувствительного, некоторое почтение к глупостям подобных себе». Далее, по ходу действия он разъясняет свое кредо: «Я люблю хорошие и редкие вещи во всех родах. Особливо чувствую всякий раз новое удовольствие читать в неизмеримой книге природы, которая при всяком шаге представляет мне зрелище, достойное занимать мое любопытство». В пьесах, как это часто случается и в жизни, слабостью графа стремятся воспользоваться некие проходимцы, желающие продать ему чучела птиц, но в финале пьесы мошенники с позором выдворяются.

Картина Солимены «Избиение младенцев», несмотря на свой ужасный сюжет, вероятно, входила в число любимых полотен Александра Сергеевича, ибо, как свидетельствует акварель Андрея Воронихина 1793 года, она висела над его креслом.

За скульптурой Амура Фальконе и за зеркальной дверью в 1791 году были отделаны близкие к кухне помещения Столовой и Буфетной, оставленные де Пилем и другими мемуаристами без внимания. Итак, внутри Строгоновского дома главной составляющей Кабинета графа Александра Сергеевича являлись «храм Натуры» и «храм Искусства». В масштабе

города дом уравнивался садом, про который будет рассказано в следующей главе. Рассказ о Кабинете будет продолжен далее.

Можно упрекать главного коллекционера из семейства Строгоновых в безрассудной трате средств, и, разумеется, его «инвестиции» в искусство не могут быть сопоставимы с предпринимательской деятельностью деда Григория Дмитриевича и других работников семьи петровского времени. Тем не менее, принимая своих кредиторов в Картинной галерее, этот (как и ему подобные) меценат доказывал свою платежеспособность, правда, это более потребует его потомкам.

Глава 9

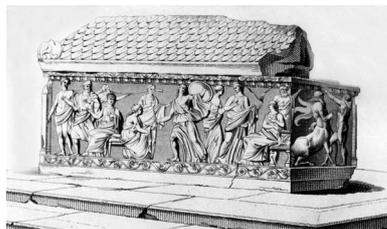
Игра со временем

«Живя летом при дворе, то в Царском, то в Петербурге, граф по часту приезжал и на дачу Здесь на площадке противу дома раскинуты были палатки, где каждое воскресенье играла музыка. Сам граф, одетый в куртку из зеленой материи, вмешивался в ряды гуляющих, вступал с ними в разговоры и казался простым хозяином-гражданином. Но балы, даваемые им всему двору, в честь императрицы, были великолепны и не только не уступали своею роскошью, изяществом и вообще обстановкой балам, дававшимся другими лицами, но превосходили их. Одним словом, граф Александр Сергеевич, вместе с другими вельможами, умел показать все величие русского двора», – несколько наивно писал Н.М. Колмаков²² о мызе Мандуровой, которую вскоре все знали как Строгоновскую дачу.

Располагаясь на Выборгской стороне за Каменным островом и соединяясь с ним наплавным мостом, она относилась к типу общественного сада Века Просвещения. Неоднократно принимая своих друзей и гостей российского государства, граф желал показать и высоким, и простым жителям города постройки и монументы разных народов. Несмотря на открытый характер дома графа на Невском проспекте, коллекции оставались известными лишь небольшому кругу людей. Здесь же на значительной территории уникальные памятники истории смогли увидеть те, кто никогда бы не попал в палаты на Невском проспекте. Среди них важнейшее место отводилось загадочной гробнице.

Осведомленный И.Г. Георги отметил в своем описании Петербурга важнейшую достопримечательность сада: «Привезенный сюда в прежнюю с турками войну... под предлогом, будто бы был гроб Омира».

В действительности, графа Александра Сергеевича обманул голландский авантюрист Паш фон Кринен, автор удачной публичной кампании. «Сосватанный» им Строгонову саркофаг датируется III веком н. э. и потому, конечно, не имеет никакого отношения к легендарному поэту. Возможно, граф подозревал голландца в подлоге, но не слишком огорчился, согласившись на иную версию: он считал свое сокровище гробницей Ахиллеса. И правда, на нем изображен во дворце царя Скиросского этот античный герой, переодетый в женское платье, но разоблаченный благодаря хитрости Одиссея.

Мраморный саркофаг – самый устойчивый «бренд» Строгоновского сада

Сохранившиеся изображения Строгоновской дачи в первый момент создают впечатление свободного расположения сооружений, но затем становится очевидным замысел композиции, спланированной заново или, возможно, усовершенствованной А.Н. Ворониным. Архитектор предусмотрел зрительскую центральную ось обзора: она начиналась от дома, шла с севера на юг, пересекала луг и пруд, достигала статуи Нептуна на гиппокамах (мор-

²² Колмаков Н.М. Указ. соч. С. 72–73.

ских конях) и заканчивалась искусственным островом на расширенной в этом месте Черной речке. Именно так, кстати, при создании своих садов поступал Гюбер Робер. Да и Чарлз Камерон что-то подобное устроил в Павловске на реке Славянка.

На острове находился сложенный из диких камней грот, его создание связано, вероятно, с воспоминаниями о путешествиях в молодости графа Александра Сергеевича. На гроте стояла мраморная (по всей видимости) реплика Точильщика из флорентийского музея Уффици. В настоящее время его атрибутируют как римскую копию с эллинистического образца неизвестного эллинистического мастера и связывают с группой произведений на тему Одиссеи из городка Сперлонги, расположенного в 116 километрах на юг от итальянской столицы на берегу Адриатического моря. Там находилась вилла императора Тиберия, частью ее был сохранившийся до наших дней грот на берегу Адриатического моря, он и дал название городку. Другой грот, Сибиллин, Строгонов видел в 1755 году во время поездки из Рима в Неаполь.

Центральная часть парка А.С. Строгонова. За скульптурой Нептуна на гиппокамах (морских конях) виден остров с гротом и хижинкой. Слева – «древний», справа – «современный» мосты

В Строгоновском саду были сделаны декорации для «иллюстрированного» античного сочинения. В результате бури, учиненной богом морей Нептуном, Одиссей оказывается на острове, где его и встретила нимфа. В разных местах парка размещались образцы мусульманской, китайской и египетской архитектуры, как указания на места странствий героя. На остров перекинули два моста, казавшиеся произведениями разных эпох. Первый отличался конструктивной ясностью и был выполнен из дерева. Второй построен из кирпича и облицован камнем для имитации древнего облика. Руина, чаще всего рукотворная, – неременный и важнейший элемент английского парка, который представлял собой Строгоновский сад в тот момент. Вероятно, в этом месте рассказа следует процитировать французского садовника и поэта Жака Делиля:

Но свежесть, роскошь, блеск строений современных
Сравнится ль прелестью с таящейся в стенах
Старинных крепостей суровой красоты?
Как привлекателен шершавый и простой
Их камень, мхом, травой и плесенью покрытый,
Хранящий дух легенд, дождем веков омытый!

Для созерцания всех упомянутых сооружений предназначался знаменитый воронихинский павильон, за ним, так же как и за садом, закрепилось название «Строгоновская дача» – прекрасный маленький дворец, или вилла. В качестве «оппозиции» ей построили «хижину» на острове, она представляла собой двухэтажное, квадратное в плане здание, увенчанное

голубым куполом. Нижний рустованный этаж прорезали огромные венецианские окна с цветными стеклами. Наверху был единственный зал, окруженный широкой коллонадой.

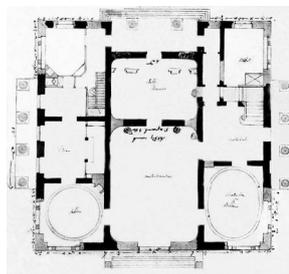

Вид на дачу графа Александра Сергеевича из грота, истинные размеры которого были много меньше, чем представляется на этой акварели С.Ф. Галактионова

Вскоре после завершения перестроек на даче состоялся праздник. Французская портретистка Элизабет Виже-Лебрен описала следующим образом: «Со всех сторон к нам подплывали лодки... В три часа мы поднялись на крытую террасу, обрамленную колоннами, куда ото всюду проникал дневной свет. С одной ее стороны можно было наслаждаться видами парка, с другой – зрелищем Невы, покрытой тысячами лодок, более или менее украшенных... На этой же террасе нам подали превосходнейший обед... Во время нашей трапезы раздавались сладостные звуки духового оркестра, великолепно исполнившего увертюру к „Ифигении“... После обеда мы совершили прелестную прогулку по парку, а к вечеру снова поднялись на террасу, откуда при спустившихся сумерках наслаждались зрелищем нарочито устроенного для нас фейерверка, каковой, отражаясь в водах Невы, производил магическое впечатление»²³.

Эти развлечения были частью «греческого вечера», устроенного Строгоновым в честь французской эмигрантки и ставшего своего рода презентацией его сада. Рассказ о празднике помещен в самом начале российского эпизода мемуаров. Поэтому может сложиться впечатление, что он состоялся в июле 1795 года, сразу после приезда художницы.

Однако следует иметь в виду, что источник представляет собой не подобие дневника, а довольно свободный текст. Воспоминания эмоциональной дамы впоследствии смешались, и она расположила их в свободном порядке. «Греческий вечер» не мог проходить ранее 1796 года, когда дача Александра Сергеевича приобрела классический вид.

Чудом уцелевший уникальный лист. План первого этажа Строгоновской дачи, выполненный А. Ринальди, был превращен в рабочий А. Воронихиным, тот в целях экономии вре-

---

²³ Воспоминания г-жи Виже-Лебрен о ее пребывании в Санкт-Петербурге и Москве. 1795–1801 / Пер., сост. и коммент. Д.В. Соловьева. СПб., 2004. С. 16–18.

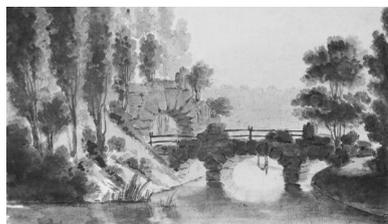
мени и средств непосредственно на листе предшественника показал графу свои предложения

В настоящее время достаточно хорошо известно, как создавался этот воронихинский шедевр. За образец переустройства зодчий взял галерею в Царском Селе, едва законченную тогда Чарлзом Камероном и позднее получившую его имя. На первом этапе работ архитектор Федор Демерцов (он на короткое время привлекался к проектированию) сочинил проект, в котором точно воспроизвел фасад шотландца, но для меньшего по объему сооружения. При сохранении фронтона здание оказалось бы тяжеловесным. Строгонов это понимал и отстранил Демерцова от дальнейшей работы. Воронихин – мастер более свободный в полете своей творческой мысли – отказался от давления прототипа и добился легкости здания, увенчав его куполом и устранив фронтон. Разобрав верхние деревянные конструкции, архитектор максимально сохранил кирпичные стены внизу. Заменяя окна, он обогатил боковые фасады рельефами и колоннадами.

Как и другие русские богачи, Александр Сергеевич стремился добиваться первенства во всем, и надо отметить намерения исполнялись. И.М. Долгорукий, описывая празднования воскресений на Строгоновской даче, стоившие каждый раз хозяину 500 рублей (огромную сумму), свидетельствует об участии в гуляниях всех сословий; горожане в конечном итоге предпочли веселиться здесь, а не на даче Л.А. Нарышкина «Ба-Ба», располагавшейся на Петергофской дороге. Прежде именно там предпочитали бывать петербуржцы, что вызвало ревность Александра Сергеевича.

Панорама набережной Большой Невки в период расцвета Строгоновской дачи. Слева направо видны жилые постройки 1790-х гг.: дом Александра Сергеевича, флигель барона Александра Николаевича и дом Павла Александровича. Рисунок, положенный в основу гравюры, был исполнен с Каменного острова, откуда можно было переправиться к Строгоновым по плашкоутному (наплавному) мосту

Руинный мост на Строгоновской даче

Парки, насыщенные в большей или меньшей степени «рассказывающими» павильонами, часто создавались в Европе по заказам просвещенных вельмож и просвещенных монархов. Как правило, он окружал летний дворец своего создателя. В России наилучший

пример – Царское Село императрицы Екатерины II. Строгоновский случай характерен тем, что его сад находился на значительном удалении от городского дома, а владелец ограничился относительно небольшим жилищем. Другой особенностью была установка здесь (довольно случайная) гробницы, связанной благодаря предприимчивости авантюриста с легендарным поэтом.

Глава 10

Физический кабинет

Используя особенности планировки дома патрона, А.Н. Воронихин, предполагая, вероятно, в том числе и просветительские цели, уже в середине 1790-х годов использовал египетскую декорацию для оформления алхимической лаборатории графа Александра Сергеевича. Те краткие сведения, что уже приводились и будут дополнены ниже, показывают, что появление у Строгонова «храма Амона» представляется логичным следствием его мыслительной деятельности.

В 1762–1768 годах в Москве публикуется «Сетос» – роман Ж. Террасона, переведенный Денисом Фонвизиным и названный им «Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя египетского, из таинственных свидетельств Древняго Египта взятая». В 1770 году в Берлине вышел в свет другой анонимный трактат на тему Египта с загадочным названием «Крата Репоа». Этой книге, автором которой был прусский военный советник Карл Фридрих фон Кеппен (1734–1798), предстояло не только сыграть определяющую роль в истории европейского масонства XVIII–XIX веков, но и стать «фундаментальным документом» западной эзотерики в целом.

Сочинение Кеппена в скором времени приобрело широкую известность и в последней четверти XVIII века выдержало ряд переизданий. В 1779–1784 годах в Москве и Санкт-Петербурге публикуются три русских версии «Крата Репоа». Подзаголовок трактата («Посвящение в древнее тайное общество египетских жрецов») не оставлял у образованного современника сомнений в принадлежности книги к давней традиции любомудрия (философии), достигшей в XVIII века небывалого доселе подъема. Сформировалась традиция египтософии или изучения воображаемого Египта, рассматриваемого в качестве источника всей эзотерической премудрости и вневременной идеи, слабо связанной с исторической реальностью.

Вероятно, в 1796 году, осенью при необъяснимом почти точном совпадении с началом правления Павла I, в конце восточной анфилады на месте прежних Столовой и Буфета, за зеркальной дверью была устроена новая, наиболее тайная часть Кабинета графа А.С. Строгонова. Про эту дверь сохранился анекдот, приводимый Н.М. Колмаковым: «Рассказывают, что однажды, позвав своих друзей на обед, он вдруг объявил им, что повар его неизвестно куда исчез, оставив его и гостей без обеда; последние спешили уходить, как вдруг незаметно раскрылась широкая зеркальная дверь, и изумленным гостям представился вид роскошнейшего обеденного стола»²⁴. На самом деле перед дверью уже довольно продолжительное время стояла скульптура Амура (об ее трактовках упоминалось в главе 7), самая древняя интерпретация смысла изваяния, вероятно, подразумевалась Строгоновым.

---

²⁴ Памяти Александра Сергеевича Строганова. Сост. Н. Колмаков. СПб., 1844. С. 12.

Посмертный портрет графа А.С. Строгонова работы А. Варнека. Изображен в костюме кавалера ордена Андрея Первозванного. За спиной – статуя Юпитера-Амона из Физического кабинета (надпись на ее постаменте «ARS AEGIPTIACA PETROPOLI RENATA. MDCCLXXX» – Искусство египетское в Петербурге возобновлено. 1880). На столе с ляпислазурью из Картинной галереи, рядом с кавалерской шапкой, гранитная ваза, под ним копия Укротителя коня Кусту. В окне – Казанский собор как главный результат жизненного пути

Тема любви сама по себе мало интересовала графа Александра Сергеевича. Амур, поставленный среди картин, призывал к созерцательной тишине – вокруг скульптуры располагался особый отдел аллегорий в живописи. Когда позади Амура появилась алхимическая лаборатория, придав двери функцию преграды, жест его правой руки можно рассматривать как указание на тайну. Можно предположить, что подобные опыты происходили в отдаленной части дома и ранее, прежде чем принадлежность хозяина к масонству обозначалась столь материально.

Десятилетием ранее, в 1785 году, Екатерина II издала пьесу «Обманщик», впервые представленную в Эрмитажном театре 4 января 1786 года. В ней к Самблину (Строгонову) приходит человек с фамилией Калифалкжерстон, образованной императрицей, вероятно, в результате впечатлений от фамилий двух англичан на службе Екатерины II: контр-адмирала Дж. Элфистона и Джона Роджерсона (в России его называли Иоганн Джон Самуил Рогерсон или Иван Самойлович Рогерсон, 1741–1843), шотландского доктора императрицы, а также восточного слова «калиф», которое, вероятно, должно было усилить впечатление шарлатанства. Калифалкжерстон убаюкивает бдительность Самблина демонстрацией своих необыкновенных магнетических способностей и обещает поправить его финансовое положение путем изготовления золота и алмазов.

После трех месяцев непосредственного кипения котел с золотом неожиданно лопается. Не потерявший самообладания Калифалкжерстон просит Самблина достать крупные алмазы для кипячения во втором котле. В противном случае, по его мнению, катастрофа повторится. Не без внутреннего сопротивления хозяин дома отдает злоумышленнику новые драгоценности, но и они не спасают положения. Исчезает и второй источник богатства.

В пьесе «Обольщенной», впервые поставленной на сцене Эрмитажного театра 2 февраля 1786 года, главный герой – алхимик, ему дана фамилия Радотов (от французского глагола *radoter* – болтать). Действие начинается с того, что супруга высказывает опасения относительно его вменяемости, ибо во время последнего недомогания тот: «Уверить <...

> старался, что болезнь есть благое самое состояние». Кроме того, странность Радотова состоит в уклонении «от того, что нам кажется хорошо, весело, приятно; равномерно и от людей и дел».

Отвечая на вопрос о том, как именно это происходит, госпожа Радотова говорит: «Углубясь в мыслях сидит на стуле, перед ним на столе лежит раскрытая книга, читает ли он или нет, того я не знаю; но когда я вхожу, он меня не слышит и не видит, и нахожу его обыкновенно глаза утупя, на одном месте недвижим, точно аки написан на картине». Следом за этим она объясняет, как это произошло: «С тех пор как последний раз был в отпуску привез человека, с которым, запершись, сидит долго и приводят других людей, коих имена и состояние мало кому известны. Одеты они дурно, говорят языком не вразумительным, лицом бледны...». Императрица описывает заседание масонской ложи в доме Радотова следующим образом: «Мы вошли в горницу, где посредством огня производят будто сокровища бесценные». На печи, как и в предыдущей пьесе, стояли три горшка: «Один с золотом, другой с камнями, а третий с исцелительным составом для всех вообще болезней». В последнем горшке был «философский камень».

В основе всех металлов лежат два принципа – Ртуть (философская Ртуть) и Сера (философская Сера). Ртуть является принципом металличности, Сера – принципом горючести. Следует подчеркнуть, что философская Ртуть и философская Сера не тождественны ртути и сере как конкретным веществам. Обычные ртуть и сера представляют собой своего рода свидетельства существования философских Ртути и Серы как «принципов», причем «принципов» скорее духовных, нежели материальных. «Принципы» алхимической теории предполагают, что действие высоких температур (метод огня) есть наилучший метод для упрощения состава тела.

Алхимики следовали натуре, где сухие испарения, конденсируясь в недрах Земли, дают Серу, мокрые – Ртуть. Затем под действием теплоты два «принципа» соединяются, образуя семь известных металлов – золото, серебро, ртуть, свинец, медь, олово и железо. Золото – совершенный металл – образуется, только если вполне чистые Сера и Ртуть взяты в наиболее благоприятных соотношениях. В земле образование золота и других металлов происходит постепенно и медленно. Алхимики считали, «созревание» золота можно ускорить с помощью некоего «медикамента» или «эликсира», который приводит к изменению соотношения Ртути и Серы в металлах и к превращению последних в золото и серебро.

Изображение Амона С. Суханов составил из двух частей сердобольского гранита

Так английский художник Дж. Райт представил комнату алхимика. Мрачные «готические своды». Свет чуть проникает сквозь витраж. Все внимание концентрируется на реторте

Поскольку плотность золота больше плотности ртути, считалось, что эликсир должен быть очень плотной субстанцией. Позднее в Европе эликсир получил название «философский камень». Собственно, философский камень – начало всех начал, мифическое вещество, способное дать своему обладателю бессмертие, вечную молодость и знания. Но не эти его свойства, в первую очередь, привлекали алхимиков. Главное, что делало этот камень таким желанным – это его легендарная способность превращать любой металл в золото. Желая высмеять своего оппонента, Екатерина II намеренно искажила алхимический процесс.

Хотя перед нами художественные произведения, мы, без сомнения, имеем портрет графа Александра Сергеевича. Друживший в молодости с Чуди и Сан Северо он с течением времени не остепенился, явно был алхимиком сам и, кроме того, окружил себя «подозрительными» и случайными людьми. Доступ в его дом, как в 1760-е годы, оставался чрезвычайно легким. Кабинет графа был уже сформирован, хотя еще не получил архитектурного оформления. Его часто обманывали, и он постоянно имел проблемы с кредиторами. Наконец, Строгонов находился в постоянном диалоге с Екатериной II. Та, во-первых, не верила в искренность своего поданного, а во-вторых, не признавала как благотворных намерений масонов, так и алхимии. Однако вернемся к дому А.С. Строгонова.

Вид на Библиотеку (Большую библиотеку) невского дома от Физического кабинета. Фото 1865 г., когда Спящего Геркулеса Бачо Бандинелли уже преместили в Картинную галерею

Существовали две части одного помещения. Первая часть, или преддверие, отводилось библиотеке, или Большой библиотеке, поскольку впоследствии появилась Малая – в южном корпусе. Высокие шкафы (не исключено) прислонили к зеркалам, оставленным от прежней отделки. Странные рамы, показанные на планах, судя по всему, предназначались для витра-

жей, часто «сопровождавших» книжные сокровища. Наполнение зала впервые кратко описал голландский путешественник И. Меерман, он посетил Строгонова в декабре 1797 года. Сказав о бесценных французских и английских книгах, он упомянул мраморного «Спящего Геркулеса», приписав его авторство со слов владельца – Микеланджело. В настоящее время его автором считается Бачо Бандинелли, менее знаменитый скульптор итальянского Возрождения.

Далее находился Физический кабинет с камином, первое упоминание о котором встречается также у Меермана. Он пишет, что кабинет декорирован в египетском и этрусском стиле. По другим источникам, в частности, по проекту Воронихина, мы знаем, что свод поддерживали мужские и женские фигуры египтян. Их присутствие обозначало плодородную силу огня, который выращивал из сперматозоида гомункула. Тут же находилась реторта.

При входе в зал стояли две колонны с капителями из цветов лотосов. Они символизировали Геркулесовы столбы – конец света в масштабах строгоновского владения, а также Яхина и Боаза, что описаны в Библии как принадлежность Соломонова храма и всегда изображались или ставились в масонской ложе, которая была моделью древней постройки.

Боаз и Яхин – два медных, латунных или бронзовых дверных столба, стоящие в притворе Храма Соломона – Первого Храма в Иерусалиме. Боаз, стоявший слева (северная колонна), символизировал разрушение, первоначальный Хаос. Яхин, находившийся справа (южная колонна), – знак упорядоченности. Плетенная корзина стояла на каждой капители, украшенной лилиями.

Опыт архитектурной реконструкции Физического кабинета, предпринятый совместно с художником И. Несветайло на основании проекта А. Воронихина 1796 г. и сохранившихся элементов отделки

В зале было два окна. Одно из них, восточное, было обращено на свободное место за храмом Рождества Богородицы, где уже строился Казанский собор. Просматривался он из Физического кабинета или нет – мы не знаем, но это подразумевалось. Второе окно, западное, смотрело во двор. Был или не был устроен садик, о котором писал А.Н. Воронихин 23 августа 1793 года, также не совсем ясно. Концепция алхимической анфилады как будто предусматривала вид природы как оппозицию виду собора. Замысел с пользой использовать большое пространство, невидимое из большинства парадных комнат и недоступное взору любопытных из-за внушительных ворот, появился сразу после отказа от почетного двора, и с этим решением связано, судя по всему, появление новой Парадной лестницы, входа с Невского проспекта и садика. Если сад появился в 1793 году, то, возможно, тогда же Воронихин устроил и новый вход. Когда хозяева перестали принимать гостей во дворе, у западного фасада задумали возвести деревянную пристройку, которая появилась только в 1833 году. В 1840-е годы в центре двора устроили голубятню. В год на кормление птиц выделялось 105 рублей 20 копеек.

Достоверно известно, что в 1908 году во дворе разбили садик, желая компенсировать утрату большого и знаменитого Строгоновского сада на Выборгской стороне Петербурга.

Как и в других случаях, Физический кабинет совершенствовался, причем самим Ворониным. С течением времени он поставил за камином любопытную герму, представляющую Юпитера-Амона. Это было составленное из отдельных фрагментов гранитное изваяние с надписью на пьедестале «ARS ÆGIPTIACA PETROPOLI RENATA. MDCCCX» – «Дух (искусство) Египта в Петербурге возобновлен. 1810». Таким образом датировалась работа Самсона Суханова, вероятно, поставившая точку в 15-летнем оформлении интерьера. Созданием Физического кабинета Александр Сергеевич завершил, и это было логично, формирование музея, превратив свой дом в подобие средневекового замка. Строго говоря, Кабинет начинался в храме Кибелы, но очевидно, что тема собора «звучит» уже в зале для картин Гюбера Робера. Начинаясь у живописного изображения собора св. Петра, она заканчивалась видом реального храма. Столь же логично, на мой взгляд, начать этот «алхимический» путь в Большом зале от плафона Дж. Валериани. В таком случае жизненная коллизия Строгонова выявляется в его доме весьма явственно. Это – путь к храму. Мысль Александра Сергеевича относительно статуса дома развивалась разнонаправленно. Как собиратель, он хотел видеть как можно больше зрителей своих сокровищ. Как владелец лаборатории, он хотел ограничить доступ в свой мир.

Как рассказывалось выше, первоначально владельцы Строгоновского дома предполагали отделать в стиле барокко весь дом, который мог рассматриваться в качестве совершенного при четырех зданиях вокруг двора. Однако до создания Большого зала в северном корпусе и сооружения там церкви дело так и не дошло. По этой причине Большой зал апартаментов Александра оказался главным в доме. Одна из осей здания, проходящая через него, ведет к храму в соседнем квартале, который превратился в конечном итоге в великолепный и важнейший для Санкт-Петербурга собор иконы Казанской Божией Матери.

Идея строительства храма подчинила себе замысел дома, который надо понимать как путь к храму. Как было показано в начале книги, подобное понимание жилища являлось традицией рода. Новым было лишь движение через собрания Кабинета произведений человека и природы (натуры, как говорили в XVIII веке).

Глава 11

Казанский собор

Несмотря на свое негативное отношение к быстрому строительству, в статусе наследника престола, именно великий князь Павел Петрович, став наконец императором, продемонстрировал классический пример подобной стройки при сооружении Михайловского замка. Колоссальное сооружение воздвигнули всего за четыре года. Имея исключительно прочные стены, оно не относится к числу плохо построенных зданий, но его отделку все же не завершили в соответствии с замыслом. Это общая проблема домов, особенно болезненная для общественных сооружений: их следует завершать ранее, чем поменяются вкусы заказчика.

Правда, причина спешки Павла I состояла не в желании наслаждаться собственной резиденцией, отвергнув Зимний дворец Франческо Растрелли, начатый при императрице Елизавете и завершенный при отце императоре Петре III. Дело в политике: прежние здания не отражали взглядов монарха на необходимый образ дворца императора, претендовавшего на большее значение в Европе, чем его предшественники. Рассудительный и сомневающийся русский зодчий Василий Баженов, который выстраивал образ замка в начале 1790-х годов и потому претендовал на место архитектора, был отодвинут в сторону. По наметкам самого монарха стройку завершил энергичный итальянец Винченцо Бренна, он умел работать быстро и в точности исполнять волю сиятельного заказчика, какой бы странной она не являлась.

Примерно такие же сроки – три года – монарх отводил на сооружение Казанского собора на Невском проспекте. В данном случае отвергался Исаакиевский собор, его строительство не успела завершить мать монарха – императрица Екатерина II, правившая долго – целых тридцать четыре года. Проект Антонио Ринальди (пятикупольный храм с колокольней) начали исполнять в 1768 году, на шестом году ее правления. Тогда архитектору было 60 лет или около того. К моменту смерти Северной Минервы – 1796 год – собор был доведен только до карниза. Зодчий скончался двумя годами ранее – в 1794 году. Следовало одновременно решить две большие задачи: что-то сделать с Исаакиевским собором и построить Казанский собор.

Выполняя желание монарха, Винченцо Бренна с первой частью задачи справился быстро, уменьшив размеры верхней части здания и главного купола. Поскольку мрамор, заготовленный для облицовки верхней части Исаакиевского собора, был передан на строительство резиденции Павла I – Михайловского замка, собор достраивали с использованием кирпича. От возведения четырех малых куполов отказались. Подобное странное «полурешение» лишь откладывало решение проблемы. Очень скоро Исаакиевский стали перестраивать.

Вторая задача состояла в возведении храма Казанской Божией Матери, и, надо думать, Бренна был готов заняться этим проектом.

Казанский собор. Вид с юго-запада

Казанская шапка

Однако рядом находился дом графа Александра Сергеевича, а он рассматривал строительство церкви как дело престижа семьи и имел собственные взгляды на проект. Еще в 1773 году граф Строгонов заказал Гюберу Роберу картину с видом храма Св. Петра. Судя по всему, еще тогда, после появления сына на свет, он решил быть достойным предков, соорудивших несколько великолепных храмов, в том числе храм Рождества Богородицы в Нижнем Новгороде и Благовещенский собор в Сольвычегодске. Однако потребовалось изрядное время, чтобы проект состоялся.

Модель Джакомо Кваренги, работавшего над проектом храма в середине 1780-х годов, не сохранилась, но известно его любопытное письмо от 1 марта 1785 года. В нем архитектор перечислил проекты, к которым, как он считал, «будет приступлено вскоре». Среди них – «Церковь Казанской Божией Матери, у которой будет двадцать две колонны гранитные из цельных кусков, по диаметру и высоте равные таковым в портике Ротонды (т. е. Пантеона. – С.К.)»²⁵. Никакие другие детали неизвестны, но не может быть сомнений в том, что именно Пантеон в виде православного храма должен был появиться на Невском проспекте. Нет оснований утверждать, что этот проект инспирировался Строгоновым, но не знать о нем он не мог. Однако его страстное желание строить не имело шансов на реализацию.

Интерьер собора. Центральный неф ведет к иконостасу, устроенному по проекту К. Тона

Дело, вероятно, даже не в том, что, кроме «учености» и странной семейной жизни, Александр Сергеевич имел склонность к алхимии, и этот «недостаток» имел большое значение в глазах «Семирамиды Севера». Гораздо важнее то, что Пантеон как архитектурная

---

²⁵ Земцов С.М. Письмо Д. Кваренги Луиджи Маркези // Архитектура СССР. 1934. № 3. С. 64.

идея не интересовал Екатерину II как политика, бросавшего взгляды почти исключительно на юг, а святого Петра если она и желала видеть, то в Екатеринославле.

Реализация проекта «собора Св. Петра в России» оказалась возможной только при императоре Павле. Кажется, Строгонову не требовалось играть на известных противоречиях между сыном и матерью, отодвинувшей его от престола. Вероятно, было вполне достаточно совпадения мыслей по поводу архитектурного замысла. В 1782 году, еще будучи великим князем, Павел Петрович выразил желание иметь в России нечто подобное римскому собору Св. Петра.

Во время заграничного путешествия наследник российского престола писал московскому митрополиту Платону: «Вы в письме своем много чести делаете, сравнивая мои упражнения с Кировыми. Они ни славою, ни важностию не могут с оными быть сравнены; но со стороны добрых намерений могут на Кировы походить когда-нибудь»²⁶. Имеется в виду персидский царь Кир Великий или Старший, который восстановил Иерусалимский храм. Именно этот герой, как я предположил выше, был представлен Дж. Валериани в плафоне Большого зала Строгоновского дома.

Посетив Рим в 1782 году, великий князь Павел Петрович сообщал своему корреспонденту: «И мы здесь, хотя сутки остались и спешим в Неаполь, уже остатки трудов великих людей видели с восхищением и с чувством поощрения к уподоблению себя, происходящим от заключения, что и мы такие же люди, то для чего же и другим таковым не быть? Церковь Св. Петра такова, что желательно бы было, чтоб друг мой архиепископ Московский в такой в Москве служил»²⁷.

Итак, в первый момент будущий монарх не имел конкретного места для задуманного сооружения, и потребовались усилия, в том числе и графа Александра Сергеевича, чтобы идея «нового Ватикана» окончательно сложилась. Император Павел претендовал на первенство в христианском мире, атакованном в тот момент Наполеоном. Монарх, давший укрытие Мальтийскому ордену, был готов приютить и папу римского. Для этого ему был необходим, причем быстро, собор Св. Петра или, по крайней мере, его подобие.

Не может не привлечь внимания удивительное топографическое совпадение между положением Казанского собора и Михайловского замка с одной стороны, и собора Св. Петра и Замка Св. Ангела Михаила в Риме, с другой. Итальянская резиденция была первоначально мавзолеем императоров, а затем превратилась в убежище для пап, они и дали ему название. Следует также видеть совпадение планов двух замков, особенно заметное в начальный период проектирования российского дворца. Замок Св. Ангела имеет четыре бастиона, названные в честь евангелистов. Один из планов русского замка 1780-х годов также имел башни по углам.

В дальнейшем от башен отказались, но зрительная связь с храмом осталась и она вновь отсылает к Риму, ибо от юго-западного угла римского замка улица ведет прямо ко входу в собор Св. Петра (существует и особый ход в Ватикан по стене). Таким образом, желание Павла I пригласить папу римского в город Св. Петра или самому стать главой объединенной церкви, было подкреплено строительством храма, которое 22 ноября 1800 года возглавил граф А.С. Строгонов. Он стал первоприсутствующим в Комиссии по построению храма Казанской Божией Матери. Закономерно предположить, что именно Александр Сергеевич мог инициировать комбинацию «Казанский вместо Исаакиевского», нанеся удар по имиджу монарха.

²⁶ 19 июня 1781 года – *Смирнов С.* Письма Цесаревича Павла Петровича к московскому митрополиту Платону // *Русский архив.* 1887. Книга 2. С. 22.

²⁷ Там же. С. 27. Поскольку адресат данного послания называется среди покровителей архитектора (Некрология Воронихина // *Сын Отечества.* 1814. № 12) возникает мысль о том, что именно он мог еще в 1780-е гг. внушить ему мысль о строительстве собора Святого Петра в России.

Несмотря на очевидный талант Бренна как «менеджера» и проведенный «конкурс», который выиграл Чарльз Камерон (22 октября 1800 г. ему было поручено составление проекта), при выборе архитектора все же остановились на Андрее Воронихине, хотя к тому времени он еще не успел достаточным образом проявить свои способности. Храм должен был строить россиянин. Так думал Строгонов, и ему удалось убедить в своей правоте монарха. 14 ноября проект поручается его зодчему. В тот момент сам Александр Сергеевич уже почти старик, чья карьера неожиданно пошла вверх.

Исполненный Самсоном Сухановым фрагмент убранства царского места Казанского собора

Не ограничиваясь усилиями по строительству, граф Александр Сергеевич пожелал подарить «своему храму» потир

В 1798 году, накануне распада Священной Римской империи и, возможно, по этой причине, Александр Сергеевич получил от императора Павла I титул российского графа. Тогда же, после смерти И.И. Шувалова, Строгонов стал обер-камергером императорского двора. В январе 1800 года он был назначен президентом Академии художеств, сменив на этом посту француза О. Шуазель-Гуфье.

Граф Строгонов оказался идеальным главой учреждения, располагая значительным влиянием, средствами и обеспечивая художников заказами не только частными, но и казенными. По его настоянию в Устав был включен следующий пункт: «Все государственные места, имеющие в ведении своем публичные здания, гражданские и священные, заимствуют советы Академии и препоручают строение и украшение их художникам, воспитанным в Академии, предпочтительно пред иностранцами, имеющими равное достоинство».

Это было исполнением мысли В.И. Баженова, высказанной в докладе «Примечания о Императорской Академии художеств», в котором, в частности, говорилось: «Академия могла бы приращать более сама художников и добрых сограждан в отечестве нашем, особливо если бы одобрением Монаршим вошло в обычай отдавать казенные работы российским художникам под присмотром академическим, а не иностранцам, отнимающим у Россиян не только хлеб, но и самой случай показать свое усердие и искусство»²⁸. Назначение Воронихина кажется логичным для «национальной партии». Вопросом дискуссии являются национальные черты в самом сооружении.

«Античный фрагмент» собора, одновременно триумфальная арка и звонница

Приведу любопытный фрагмент описания храма, составленный, вероятно, самим автором: «Сверх карниза прорезанной 16 круглыми окнами зубчатый аттик, также выходящий из оного овальный свод с крестом на вершине одним видом своим долженствует, елико возможно, представить образ древней великокняжеской короны российской»²⁹. Составив первоначальной проекты в виде «Св. Петра» и «Св. Павла», в конечном итоге Воронихин остановился на идее «русского купола», правда, не совсем ясно, на какой именно образец ориентировался архитектор.

На первых проектах купол имеет подобие шапки Мономаха. Впоследствии он стал более вытянутым и начал более походить на так называемую «Казанскую шапку». Даже в процессе быстрого строительства храма художественный идеал успел смениться. Актуальным стал русский стиль, в его зачаточном состоянии он представлен в проекте Храма Христа Спасителя Воронихина от 1813 года.

Строгоновский зодчий приложил немало стараний для осуществления проекта. К числу его удач принадлежит не столько коллонада, сколько устройство крытых проездов. Они имеют прямой пролет и тем самым, а также «окнами» призваны напоминать гигантский недостроенный античный дом. Есть и прямой аналог – арка Аргентариев, которая является составной частью римской церкви раннего христианства Сан-Джорджо ин Велабро.

Эта церковь, посвященная Георгию Каппадокийскому, изначально была основана в античном Риме посреди греческого квартала³⁰. При возведении проездов Воронихин выдержал противодействие И. Старова. Для этого понадобилось даже устройство особой модели и ссылка на высочайшую волю.

Подобный образ находим в доме Строгоновых на Невском проспекте.

²⁸ Сборник материалов для истории Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования: в 3 ч. / Изд. под ред. П.Н. Петрова и с его примечаниями. Ч. I. СПб., 1864. С. 406.

²⁹ «Краткое описание церкви Казанской Божией Матери в Санкт-Петербурге строящейся», опубликованное в книге А. Крутецкого и Е. Лундберга «Зодчий Андрей Никифорович Воронихин. Материалы к биографии». Свердловск, 1937. С. 127.

³⁰ *Путятин И.* Казанский собор Воронихина: диалог с раннехристианскими и римскими древностями // Искусствознание. 1–2 /11. С. 256–283.

Парадная лестница дома Строгоновых создает образ дома, построенного на руинах античного храма

Парадная лестница Воронихина появилась там на месте великолепного, украшенного лепкой и золотом творения Франческо Растрелли не позднее 1805 года, когда ее упоминает Т. Реймерс в своем сочинении об Академии художеств. Каждому любителю искусств должен запомниться один из самых необычных и смелых примеров решения лестниц в европейской архитектуре: марши поставлены на четыре дорических колонны, одна из которых ушла в землю, стены покрыты рустом. Все было просто и величественно.

К сожалению, первоначальный замысел архитектора нам неизвестен во всей полноте (интерьер был перестроен, а проект его не сохранился), но даже в современном своем состоянии строгая и монументальная лестница Строгоновского дома производит неизгладимое впечатление на посетителей. Это – «говорящая Руина», старящая здание, у которого, впрочем, к тому времени уже было достаточно «рассказов». Следует напомнить, что в Картинной галерее стояла статуя «Минервы, восстанавливающей искусства на руинах античности» (так она именовалась), и этот замысел совпадал с замыслом интерьера лестницы.

Именно в этот момент ворота «замка», построенного бароном Сергеем Григорьевичем, открылись. Подтачиваемый гостеприимством Александра Сергеевича дом давно уже изменил свои строгие порядки. Теперь, «прочитав» фасад Растрелли, Воронихин использовал правый ризалит невского фасада (под Столовой) для устройства нового входа во дворец. Приказав убрать колонну и растесать своды, он устроил новый вестибюль, декорированный элементами дорического ордера. Войти в него можно было непосредственно с Невского проспекта. Влияние Англии, пешие прогулки императора Александра I, участие молодого хозяина в деятельности Негласного комитета – все эти обстоятельства повлияли на принятие решения. Двор, правда, пострадал. Потеряв былое значение, он утратил и стилистическое единство после внедрения классицистического фасада восточного корпуса. Тем не менее был создан умозрительный ансамбль, объединяющий храм и дом в единое неразрывное целое, при том что собор одновременно подразумевался как часть ансамбля Михайловского замка. Такой сложный замысел родился в умах императора Павла I и графа А.С. Строгонова.

Глава 12

Московская квартира

Сосуществование двух столиц в истории европейских городов не является уникальным. Достаточно вспомнить Краков и Варшаву, в которую в XVIII веке переселились польские аристократы. В XVIII–XIX веках Москва находилась на положении запасной столицы России, являясь местом пребывания опальных вельмож. Наиболее значительные из них (Воронцовы, Шереметевы) считали необходимым «держаться» там дома, успешно маневрируя своей недвижимостью в целях придворного успеха.

Примерно в 1760-е годы, после смерти первых баронов, мы видим, казалось бы, признаки того, что Строгоновы решили самоустраниться из Москвы. Хотя барон Сергей Григорьевич успешно воспользовался домом в древней столице в 1752–1754 годах, а его сын почти «эмигрировал» туда в 1765 году, вроде бы укрепившись уже в Петербурге, Строгоновы склонялись, видимо, к мысли о том, что более нет нужды поддерживать старинные дома, которые поглощают значительные средства. Здание на Мясницкой улице стало владением графа П.И. Шувалова, в Китайском доме (доме в Китай-городе) разместился одноименный воспитательный дом. Княгиня Варвара Шаховская, урожденная баронесса Строгонова и наследница барона Александра Григорьевича, продала семейное владение на Швивой горке в 1769 году. Однако в скором времени Москва все же понадобилась Строгоновым, в частности графу Александру Сергеевичу после весьма скандального разрыва со второй женой Екатериной Петровной, урожденной княжной Трубецкой.

После возвращения из Парижа в 1779 году жена Александра Сергеевича увлеклась фаворитом своей августейшей тетки И.Н. Корсаковым и, после того, как эта страсть открылась, последовала за ним в Москву. Корсаков был «поставлен» Г.А. Потемкиным, сохранившим после отставки «должность главного визиря», в июне 1778 года, когда чета Строгоновых находилась в Париже. В отличие от других любовников, Корсаков не пользовался симпатией императрицы постоянно, даже на протяжении своего 16-месячного фавора. В октябре 1779 года, накануне прибытия Строгоновых в Петербург, он был отставлен окончательно, после того как открылся его подлинный (или инспирированный Потемкиным) роман с графиней П.А. Брюс. Вскоре после этого Иван Николаевич Корсаков признался в любви к другой Екатерине – графине Екатерине Петровне Строгоновой.

В. Эриксен. Портрет Корсакова в его бытность фаворитом

И.Б. Лампи-ст. Портрет Е.П. Строгоновой. Несмотря на то что в тот период она фактически стала «Корсаковой», живописец исполнил и парный портрет графа (см. с. 469). Вероятно, не слишком многие были осведомлены об истинных отношениях в семье

Следует особо подчеркнуть, что развода Строгоновых не последовало, но любовники отправились в Москву, причем с ними отбыла графиня Софья Александровна. В Париже у графа Александра Сергеевича родились сын (1772) и дочь (1778). Младенца назвали Павлом, очевидно, в честь наследника престола, дочь – Софьей, почитая, скорее всего, императрицу, которая до принятия православия именовалась Софией-Доротеей-Амалией. Софья Строгонова получила домашнее воспитание и не менее двадцати лет провела в древней столице, с матерью. Здесь ее портретировала французская художница Виж-Лебрен, таким образом оплатив свое проживание в доме графини Екатерины Петровны, не уточняя в «Записках» его местоположения. Строение никто не занимал в течение семи лет и, желая его пригодным для пребывания (дело было зимой), Виж-Лебрен приказала «пожарче топить все печи». Это закончилось печально, но не трагично: однажды ночью француженке пришлось искать себе новое пристанище, после того как огонь одной из печей повредил портрет фельдмаршала Н.И. Салтыкова, а распространившийся дым вынудил обитательницу уехать³¹.

Считается, что дом Строгоновой у Тверской заставы, неподалеку от Строгоновского переулка, был куплен графом Александром Сергеевичем у князей Друцких только в 1799 году. Соседнее строение, стоявшее на другой стороне проезда к стене Белого города, принадлежало Римскому-Корсакову, он приобрел его у Белозерских. К нынешнему Тверскому бульвару оба здания были обращены торцами с пятью осями каждый. В 1782 году стены Белого города разобрали. Еще четырнадцать лет спустя, в 1796 году разбили бульвар. Все новые дома с тех пор, естественно, возводились фасадом к бульвару, и старые на их фоне выглядели несколько несуразно.

³¹ Виж-Лебрен Э. Указ. соч. С. 104, 108–11.

План владений Корсакова и Строгоновой на Тверском бульваре

Дом Строгоновой на Тверском бульваре

По этой причине было решено облагородить объединенное владение, которое постепенно стало представлять собой ансамбль из пары двухэтажных домов, соединенных пониженным корпусом-галереей с двумя проездами. В некоторой степени схема напоминала дом Строгоновых в Петербурге до переделки его Растрелли. Вместе с корпусами северного (покои Корсакова) и южного (здесь жила Строгонова) домов, а также флигелями по Большому Гнездиновскому переулку, центральный корпус заполнил бывший проезд, образовав два внутренних двора. Еще два двора были в самих домах, и в целом сложился исключительно живописный городок, фасадом покрывавший четверть четной стороны Тверского бульвара.

Торец северного дома был акцентирован мезонином, центр которого занимала лоджия с эффектным архивольтом окна. Линия окон иногда прерывалась одиночными или спаренными пилястрами с ионическими капителями. Южный дом имел треугольный фронтон, поддерживаемый восемью пилястрами. Кроме того, центральная часть дома имел протяженный балкон, верхняя часть стены над окнами традиционно для ампира украшали лепные композиции. Считается, что работы велись под руководством Осипа Бове. Он же причастен к перестройке храма Святого Николая Чудотворца на Яузе (1-й Котельнический переулок, № 8, о нем говорится ниже).

Строгоновский храм в Котельниках после перестройки в XIX в. Вдали видна верхняя часть одной из сталинских высоток

Брак Анны, старшей дочери барона Александра Григорьевича Строгонова и князя Михаила Михайловича Голицына младшего, владельцев Кузьминок, принес десятерых детей. В 1820-х годах два сына Сергей и Михаил старший (1759–1815), а также баронесса Варвара Александровна, сестра Анны, и графиня Софья Владимировна Строгонова объединили усилия для восстановления строгоновской церкви в Котельниках, где были похоронены именитый человек Григорий Дмитриевич и его супруга Мария Яковлевна. И так обветшавшее к началу века здание храма к тому же пострадало от московского пожара 1812 года. Архитектор Осип Бове, ориентируясь на прекрасное место, спроектировал огромное здание, но

городские власти не дали разрешение на строительство, и позже здесь возвели более скромный храм.

Построенное здание развернуто вдоль переулка. Придел преподобных Зосимы и Савватия Соловецких обращен внутрь квартала. Цокольная часть под трапезной и колокольной повышена из-за перепада рельефа местности. Архитектурный облик традиционен для московского храма эпохи ампира – над четвериком основного объема ротонда с полуциркулярными окнами, разделенными пилястрами.

Интересны три скульптурных рельефа над северным портиком: «Вход в Иерусалим», «Поклонение волхвов», «Избиение младенцев». 24 августа 1824 года в торжественной обстановке храм освятил митрополит Московский Филарет (Дроздов) – человек, близкий семье Строгоновых много лет.

В то время на северо-западной окраине города, в имении Братцево, доживал свой век И.Н. Корсаков, связавший себя на 35 лет с графиней Е.П. Строгоновой.

25 октября 1778 года, заканчивая парижское турне, граф А.С. Строгонов, словно предвидя будущее своей семейной жизни, или испытывая сентиментальные чувства, или просто по случаю приобрел селение при впадении речки Братовки в реку Сходню. Возможно, он бывал здесь в детские годы. Селение находилось поблизости от так называемой «сходненской чаши» – гигантской впадины глубиной 40 метров. Братцево – как называлась деревня – впервые упоминается в анналах под 1608 годом в связи со стоянкой «тушинского вора» – Лжедмитрия II.

В 1672 году очередной владелец села Богдан Хитрово построил храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Год спустя иконы для него написали мастера Оружейной палаты. С конца XVII века Братцевым владел Кирилл Алексеевич Нарышкин, тесть барона Сергея Григорьевича Строгонова. Затем оно перешло к детям Нарышкина – Семену, Авдотье и Наталье, соответственно брату и сестрам матери Александра Сергеевича.

Благодаря восхитительному местоположению («на горе огромный луг перед домом, отлого спускающийся к реке») и названию усадьба давала повод для зависти и шуток: «Жалею, что не могу сказать: это – братцево» (Булгаков А.Я., 1825). Неизвестно какую будущность предусматривал граф Александр Сергеевич этому московскому имению, но оно оказалось весьма кстати после переезда в Москву графини Екатерины Петровны.

Богатство Строгоновых позволяло им достаточно легко решать конфликты семейной жизни, не снижая уровня комфорта и не оглашая своих тайн.

Глава 13

Свое, не братцево

В первой половине 1790-х годов на краю высокого обрыва в Братцево был поставлен дом – компактная реплика виллы Палладио, его бельведер, многочисленные окна и веранды позволяли любоваться открывающимися великолепными далями, сравнимыми только лишь с тосканскими.

Небольшой двухэтажный квадратный в плане дом завершался куполом, перекрывающим центральный круглый зал, рядом с которым есть еще несколько залов.

Западный, обращенный к парку, и восточный, в сторону города, фасады (трудно решить, какой из них главный) имеют небольшие ризалиты, завершенные фронтонами, вынос которых продолжен балкончиками, опирающимися на пары ионических колонн. Терраса западного фасада является смотровой площадкой, она манит зрителя сразу же после входа в дом. Вытянутый зал первого этажа, перекрытый коробовым сводом, расположен по оси застекленных дверей, так что через них дом «просвечивает» насквозь.

Очевидно, летом, когда двери открываются, зал нижнего этажа приобретал значение вестибюля. Таким образом, композиция дома Строгоновых в Братцево близка даче на Выборгской стороне в Петербурге.

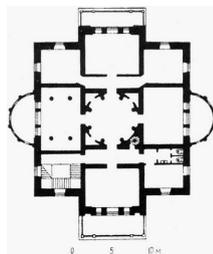
Автором дома часто называют Андрея Воронихина. Это предположение кажется мне справедливым, прежде всего, потому, что главный в интерьере круглый зал с колоннами и маленькой лестницей на хоры удивительно напоминает Минеральный кабинет в петербургском дворце Строгоновых.

Выше сохранившегося дома находился другой, по всей видимости, хозяйственного назначения (это здание и сейчас стоит в перестроенном виде на краю парка). Наконец, третья на той же оси постройка находилась на самой вершине холма. Парк своими террасами живописно спускался к долине реки, где находились мельница и прачечная. Около дороги к церкви стояла любопытная виноградная оранжерея с фигурой Вакха на коньке. Эти сооружения не дошли до наших дней, в отличие от ротонды, бывшей прежде храмом Екатерины II (как следует из надписи на рисунке Александра Кузнецова). В центре павильона стояла колоссальная, по описанию современника, мраморная статуя императрицы. Она находилась в Братцево до лета 1824 года, когда 23 июня у владельца внезапно родилась идея на следующий день заложить памятник «Северной Минерве» в своем московском саду. Новый храм был окончательно готов к Александрову дню – к 30 августа, тогда его при особой иллюминации демонстрировали гостям.

Дом Корсакова-Строгоновой в Братцево

Итак, постройки и, прежде всего, ротонда позволяют отнести время возведения сооружения к первой половине 1790-х годов. Исходя из логики художественной биографии А.Н. Воронихина и истории семьи Строгоновых, они были созданы, вероятнее всего, в 1793 году 12 июля того года архитектор писал заказчику из Москвы: «Отлас голубой я отыскал, но не отдают менее как по 1 руб. 20 коп., а ту малиновую для занавес в предспалну по 1 руб. 20 коп., о чем надеюсь получить от вас решительное приказание»³².

План второго этажа

Фрагмент отделки наиболее оригинального купольного зала – еще одна интерпретация Пантеона

Фрагмент отделки первого этажа дачи

---

³² Гримм Г.Г. А.Н. Воронихин. Л.-М., 1963. С. 148.

Графиня Е.П. Строгонова скончалась в 1815 году и ее похоронили в Спасо-Андрониковом монастыре.

Портик дачи на Яузе

Поблизости сохранился Строгоновский проезд, указывающий на то, что здесь располагалась дача площадью примерно в 6 десятин.

Дом представлял собой протяженный корпус, поставленный торцом к высокому берегу Яузы. Шестиколонный портик композитного ордера в центре, а также портики тосканского ордера на крыльях обращены в сторону монастыря. Внутри еще сохранилась парадная анфилада комнат, кое-где уцелели старые печи, лепнина и двери.

Постройку приписывают Р.Р. Казакову. Этот зодчий был связан со Строгоновыми семейно и территориально. С 1774 года он для князя М.М. Голицына, женатого на баронессе А.Г. Строгоновой, перестраивал усадебный дом и конюшни в Кузьминках, а с 1785 года Р.Р. Казаков возводил звонницу Спасо-Андроникова монастыря (закончена в 1799 г.). Рядом со звонницей, в одном с ней стиле, построен особняк со службами «именитого человека» городского головы Петра Хрящева.

В 1793–1796 годах неподалеку отсюда Казаков возвел дом Строгоновых. С востока к нему, вероятно, вела липовая аллея, от которой остались лишь отдельные деревья. Планировка старого парка была пейзажной, ныне от парка сохранилось очень мало деревьев. На плане 1817 года у северной границы участка изображено существующее поныне здание. Ближе к берегу Яузы – пруд, и у южной границы какие-то постройки, вероятно, хозяйственного назначения.

Храм Екатерины II в Братцеве

В 1828 году владельцами усадьбы стали купцы Алексеевы, они построили здесь текстильную фабрику.

Не полагая обязательно углубляться в историю Братцева, расскажу о его дальнейшей судьбе.

Корсаков был охотник устраивать праздники в Братцеве. По сообщению А.Я. Булгакова, они всегда проходили там по воскресеньям. Один такой «обыкновенный воскресный праздник» 23 августа 1825 года он описал: «Фейерверк очень хорош. Кончилось все взятием крепости турецкой, построенной на берегу пруда, со множеством полумесяцев. На пруду являлись два брандера греческих (надобно думать. – С. К), кои начали кидать бомбы и ядра прямехонько в крепость, и наконец оную зажгли и взорвали, а там и сами (для полноты зрелища. – С.К.) взлетели на воздух, обратясь в бураки. Очень было хорошо. После сели мы в вист, а прочие начали танцевать и петь. Я уехал до ужина, думал было в клуб, но вместо того повернул оглобли домой»³³.

Храм в Братцеве

После смерти И.Н. Корсакова (1831) село унаследовал его сын Василий (1784 или 1786–1847), получивший отчество Николаевич и фамилию Ладомирский. Н.М. Колмаков писал по этому поводу: «Кажется, славянский Бог любви Ладо играл не маловажную роль в присвоении ему такой фамилии. Впоследствии Ладомирский сопричислен был к дворянам и получил от Корсакова большие имения в Черниговской губернии: м. Семеновка – Новозыбковского уезда и Гремяч – Новгородсеверского... В середине 1840-х годов Ладомирский сначала был дворянином Московской губернии, а потом состоял долгое время в должности черниговского губернского предводителя дворянства, имел трех сыновей: Василия, Николая и Петра, и двух дочерей, из коих одна, Зинаида, вышла замуж за князя Д.М. Голицына, а другая, София, – за графа А.А. Апраксина». Два последних брака показывают, что Ладомирские признавались светом и оказались связаны браком с родственниками Строгоновых, которые продолжали пользоваться усадьбой. Так, в 1841 году в Братцеве жил граф С.Г. Строгонов, сломавший ногу во время скачек по холмистым окрестностям и не расстававшийся впредь с палкой (ему удалось заполучить портрет Екатерины Петровны кисти И.Б. Лампи старшего). О том же свидетельствует брак Варвары Николаевны (1785–1840), супруги И.Д. Нарышкина и матери той самой Зинаиды, которая стала Юсуповой, затем и графиней де Шово.

В 1847 году владение перешло на некоторое время к П.А. Кологривову, второму мужу княжны П.Ю. Трубецкой, в первом браке княгини Гагариной. Считается, что именно она представлена А.С. Грибоедовым в образе Татьяны Юрьевны в «Горе от ума». Почему так произошло? Дело в том, что В.Н. Ладомирский, давшей имя Софья дочери, был женат на Софье (княжне С.Ф. Гагариной (1794–1855)), которая после смерти мужа (похороненного здесь же, при храме) и передала Братцево своему отчиму Кологривову. В 1852 году оно вернулось к ней, а после смерти (1858) досталось сыну, П.В. Ладомирскому, который, в свою очередь, уступил имение сестре, к тому времени графине С.В. Апраксиной (и Софья Федоровна, и Петр Васильевич были похоронены при Покровском храме поблизости от места упокоения И.Н. Корсакова). Вероятно, благодаря Софье Федоровне в 1860 году в старинной

³³ Братья Булгаковы. Переписка // Том II. Письма 1821–1826 гг. М., 2010. С. 534.

усадьбе провел несколько дней Н.М. Колмаков, которого именно это место побудило двадцать семь лет спустя издать знаменитое сочинение «Дом и фамилия Строгоновых. 1752–1887». К тому моменту Братцево перешло к одной из многочисленных ветвей князей Щербатовых.

Колмаков назвал владелицей усадьбы в 1887 году княгиню Софью (третья дама с таким именем в этой истории!) Александровну Щербатову, урожденную графиню Апраксину. Ее мать, П.Б. Четвертинская (1825–1899), супруга князя С.А. Щербатова (1804–1872), приходилась племянницей С.Ф. Ладомирской, урожденной княжне Гагариной. Надо думать, что Софья вторая завещала Братцево после смерти (последовавшей в 1880 году) Софье третьей, дочери своей двоюродной сестры Прасковьи.

Мужем Софьи Александровны стал князь Н.С. Щербатов (1853–1929), известный музейщик и археолог. Как и С.К. Нарышкин, он занимал должность егермейстера императорского двора. Щербатов оказался среди создателей Исторического музея. В декабре 1884 года он вступил в должность товарища Председателя Строительной комиссии создаваемого собрания, а в 1887–1908 годах занимал должность чиновника особых поручений при Августейшем Председателе музея. Под его наблюдением в этот период производились работы по внутренней отделке и оформлению Владимирского, Киевского, Новгородского, Суздальского залов. 23 февраля 1909 года князь Щербатов был назначен на должность Товарища Председателя музея. Тогда же он предпринял раскопки двух славянских курганных групп XI–XIII веков на берегу реки Химки, поблизости от Братцева.

Музей – «Московский публичный и Румянцевский» – в 1910 году возглавил и князь В.Д. Голицын, внук В.Н. Ладомирского. Так дали себя знать художественные наклонности Корсакова и Строгоновой. Хотя у Щербатовых был сын Эммануил, получить исторический дом в наследство ему не пришлось. В 1918 году бывший усадебный дом Строгоновых был предоставлен для отдыха членам Реввоенсовета. Затем он служил жилым домом рабочих-строителей, пока в 1924 году не был передан Всесоюзному институту ботаники и прикладных культур. В 1925 году здесь открылась Братцевская опытная станция новых культур. В 1936 году усадебный дом был весьма тактично расширен А.В. Варшавером для Главсевморпути. Архитектор пристроил зданию флигели, пытаясь, и довольно успешно, следовать логике мастеров XVIII века, которым довольно часто приходилось переходить от компактной к расширенной форме загородного дома. Здесь стали отдыхать полярники. После войны здание передали пансионату союза театральных деятелей.

Глава 14

Дома на набережной

Пожалуй, не следовало бы вовсе останавливаться в этой книге на второй, баронской, линии Строгоновых, но катастрофа 1817 года, унесшая последнего представителя графской линии, обязывает меня подробнее рассказать о «бедных родственниках». Спасение графской линии, с точки зрения сохранения титула и остатков вотчины, представлялось возможным только в соединении с родственниками, что и состоялось в 1818 году после женитьбы барона Сергея Григорьевича Строгонова на графине Наталье Павловне Строгоновой. (Сергия – не опечатка, так звали его в семействе, но далее я буду именовать его Сергеем.) Здание на Невском проспекте также, казалось, было спасено. По условиям императорского акта о нераздельном имении 1817 года, Строгоновы не имели права его продавать.

С берегов Невы вернемся к пермским владениям Строгоновых. Поселение Купрос упоминается в письменных источниках с 1579 года, оно находится в Пермском крае при впадении реки Купроска в Иньву, правый приток реки Камы. С 1700 года погост Купрос принадлежал Строгоновым и по разделу вотчины перешел к барону Николаю Григорьевичу. С 1790 до 1860-х годов здесь находился конный завод, где выращивали лошадей персидско-обвинской породы. Кроме конюшен здесь были, естественно, жилые и хозяйственные постройки, а также храм. В 1930 году служба в храме прекратилась, и он начал постепенно разрушаться. Ныне сохранились лишь кирпичные дом управляющего и контора (также приписываются Т. Тудвасеву, крепостному архитектору Строгоновых).

Однако дом на Невском проспекте претерпел серьезные изменения, поскольку отец Сергея Григорьевича, он сам, и его потомки не испытывали трепетного отношения ни к зданию у Полицейского моста, ни к понятию родового дома в целом, поскольку таковым не обладали. Стремление графа Александра Сергеевича главенствовать в семье и изменить родственников на свой лад оказались неудачными. Вначале внезапно от последствий ранений на Русско-турецкой войне скончался барон Александр Николаевич, что заставило его сына Григория прервать поездку по Европе (1789 г.). Затем последний продал дом, «сочиненный» ему А.Н. Ворониным.

Барон Николай Григорьевич Строгонов умер в 1758 году, последним из трех сыновей именитого человека Григория Дмитриевича. Это был человек, обремененный большой семьей. Много детей имели и его внук Григорий, и правнуки. У Николая Григорьевича было три дочери и три сына, которые, получив наследство, подорвали материальную мощь этой ветви рода Строгоновых. Старшая дочь Мария вышла замуж наиболее удачно – за обер-гофмейстера графа М.К. Скавронского (к этому роду принадлежала императрица Екатерина I). Правда, именно это обстоятельство помешало графу Александру Сергеевичу при разводе.

Деревянный Свято-Николаевский храм в селе Купрос (1647 г., перестройки 1768 и 1827 гг., Трефил Тудвасев)

Барон Григорий Николаевич (1731–1777) был болезненным и почти не появлялся в обществе. Двум другим братьям, Сергею и Александру, в момент смерти родителя исполнилось, соответственно, двадцать и восемнадцать лет. В 1761–1763 годах все трое, разделив отцовское хозяйство, получили каждый по 12 варниц и примерно по восемь тысяч душ мужского пола. Кроме того, Григорию, женившемуся на княжне А.Б. Голицыной (1735-18??), достался Чермозский завод; Сергею, супругу П.Г. Будаковой, вскоре скончавшейся незаконной дочери императрицы Елизаветы Петровны и А. Разумовского, – Пожевской (Пожвинский) завод; а наиболее жизнеспособный Александр, избравший в спутницы жизни Е.А. Загряжскую (1745–1831), получил Таманский и Кыновский заводы. Граф Александр Сергеевич, их двоюродный брат, владел таким же имуществом в одиночку!

Все четверо Строгоновых – два Александра, Сергей и Николай – принадлежали к «золотой молодежи», некоторые подробности из их жизни иногда попадали на страницы «Санкт-Петербургских ведомостей». В 1765 году газета писала: «В воскресенье, 20 ноября, был маскарад в доме графа К.Г. Разумовского, где Конного полку секунд-ротмистр барон Александр Николаевич Строгонов обронил с руки перстень бриллиантовый, в середине большой, осыпанный вокруг полукаратными камнями, ценою в 2500 рублей». В том же Конном полку служил и Сергей Николаевич.

И среди этих живших на Миллионной улице повес, Александр Сергеевич Строгонов, которому самому в середине 1760-х годов едва исполнилось тридцать, встал во главе рода.

Главенствовал он вначале только по причине большого богатства и титула, приобретенного усилиями отца. Со временем, благодаря путешествиям и образованию, граф превзошел братьев широтой кругозора.

Барон А.Н. Строгонов. Портрет работы Д. Левицкого. 1780 г. В такой манере живописец представлял аристократов «второго ряда»

В 1779 году барон Александр Николаевич Строгонов приобрел двухэтажный дом на Английской набережной, построенный для графа А.И. Остермана архитектором П.Е. Еропкиным, «Модернизацию» купленного дома поручили А.Н. Воронишину. Барон избрал военную карьеру и отличился на Русско-турецкой войне 1787–1791 годов, был ранен и, судя по всему, последствия ранений стали причиной его ранней смерти. Племянник Александра Николаевича, сын М.И. Долгорукова и А.Н. Строгоновой, известный литератор XVIII века И.М. Долгоруков, сообщал о нем: «Барон Строгонов одарен был от природы наружностью самой привлекательной... он... был один из прекраснейших мужчин в столице»³⁴.

³⁴ Долгоруков И.М. Записки. Пг., 1916. С. 152.

Истинность этого высказывания подтверждает портрет работы Дмитрия Левицкого 1780-х годов. Дополнительно писатель сообщал о бароне: «Он имел сердце чувствительное, душу возвышенную и разум основательный. Будучи богат и уже с молодости в значительных чинах, он ни мало сими преимуществами не гордился, жил хорошо, без роскоши и скупого расчета. Слабое здоровье подвергало его частым болезням, а сие положение тяготило добрую его душу... Многие пенсии людям бедным свидетельствовали, сколько он охотно помогал ближним. До войны он был не охотник, но дело всякое умел и начать, и кончить. Часто бывал обижен в знаках отличия... он без ропота переносил сии унижения придворные».

Действительно, Строгонов получил столь невысоко ценимого придворными «Святого Станислава» и именно с ним был изображен Д.Г. Левицким, уже находясь в генеральском звании. Затем, после обретения «Белого Орла», художнику пришлось «исправить» портрет. Наконец, достойны воспроизведения последние строки Долгорукова, посвященные Александру Николаевичу: «По... не громким, но всегда похвальным деяниям, можно ли ему отказать в титле добродетельнейшего мужа». Следует добавить, что барон оказался едва ли не самым предприимчивым из всех внуков именитого человека Григория Дмитриевича. Имея много проблем с унаследованным Таманским заводом, он в 1783 и в 1787 годах основал на Урале в честь дочерей еще два – соответственно их именам: Елизавето-Нердвинский и Екатерино-Сюзвенский».

Фрагмент панорамы Английской набережной И.-Х. Майера показывает воронихинский фасад дома барона Г.А. Строгонова

Барон Г.А. Строгонов на портрете Э. Вижье-Лебрен

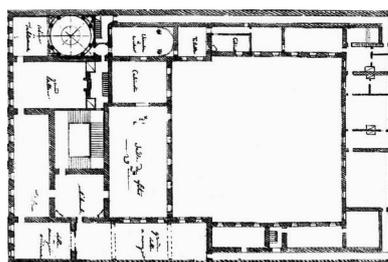
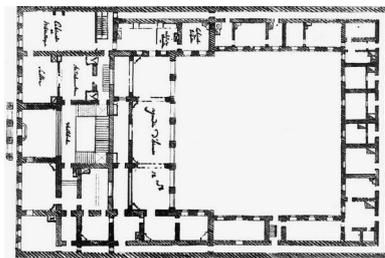
В 1789 году дом на Английской набережной достался барону Григорию Александровичу, который, как уже отмечалось, ради вступления в права наследства прервал образовательную поездку по Европе и вернулся в Россию. Созданный Воронихиным дом представлял собой трехэтажное здание, имевшее 4-колонный портик, поддерживавший балкон

и завершавшийся ступенчатым аттиком. Как уже указывалось, интерьеры не сохранились. Что можно узнать из планов?

Как и все участки на Английской набережной, владение Строгонова своей хозяйственной частью выходило на Галерную улицу. Все важнейшие помещения были сгруппированы вокруг Парадной лестницы. Некоторые из них, например зимний сад и расположенный над ним зал для танцев, выходили окнами в квадратный внутренний двор. Из танцевального зала три двери вели в большую столовую, находившуюся в правом крыле. В левом крыле находилась парадная спальня, соединявшаяся внутренней лестницей с первым этажом, где находились лакейские комнаты.

Еще несколько парадных помещений располагалось вдоль главного фасада – малая столовая, гостиные и оригинальный музейный зал, состоявший из двух разных частей. В первой, выходившей окнами на Неву, размещались картины, во второй была ротонда, предназначенная для скульптур. В ней архитектор устроил верхнюю галерею, ее поддерживали 8 колонн. Свет падал сверху, как в храме Дружбы Чарлза Камерона в Павловске. Таким образом Александр Сергеевич хотел дать возможность барону Григорию, которого он усыновил, следовать пути европейского вельможи – коллекционера и мецената.

Из затеи президента Академии художеств ничего не вышло. В 1800 году Григорий Александрович продал свой дом на Английской набережной родственнице графине Лаваль, урожденной княгине Белосельской-Белозерской. Отправляясь послом в Испанию, Строгонов в 1804 году сдал в аренду предпринимателю А.А. Кнауфу металлургические заводы, причем условия аренды напоминали те, что были приняты двоюродным братом его отца четвертью века ранее.

Планы 1-го и 2-го этажей английского дома барона Григория Александровича

В качестве арендной платы купец обязывался нести все расходы по содержанию заводов, исполнять повинности и вносить банковские платежи и страховые взносы (с общей суммы 571 229 рублей) за заложенные во Вспомогательном банке и застрахованные в Англии Елизавето-Нердвинский и Екатерино-Сюзвенский заводы.

Следовательно, вся возможная прибыль шла Кнауфу, он не делился ею с владельцем, как это обычно бывает при аренде. Но по условиям контракта после его заключения купец предоставил графу беспроцентную ссуду в 252 тысячи рублей, которую барон обязался воз-

вращать по частям с 1810 по 1816 годы, причем выплаты за последние два года (около 105 тысяч рублей) засчитывались в счет уплаты долга Вспомогательному банку. Очевидно, что нуждавшийся в деньгах барон согласился на аренду именно с целью получения этого займа: в результате у него сразу появилось четверть миллиона рублей и он освобождался от ежегодных платежей по залогам³⁵.

Только в этом случае барон Григорий Александрович поступил так же, как граф Александр Сергеевич. Он стал известным дипломатом времен Александра I, блестяще проявил себя в Мадриде и Константинополе, но пренебрегал учебой детей, домом как родовым очагом и, главное, что огорчало дядю, не интересовался искусством и литературой. Бог наградил этого Строгонова двумя дочерьми и в 1793–1801 годах пятью (!) сыновьями, два из которых – Сергей (1794) и Александр (1795) – герои этой книги. Однако Григорий Александрович не был примерным семьянином, вступив в Мадриде в период отрочества четырех старших сыновей, в связь с графиней Жулианой Марией Луизой Каролиной д'Ега, супругой португальского посланника, графиней Строгоновой с 1826 года.

Меценат Александр Сергеевич Строгонов мог быть доволен тем, что его путем, в известной мере, шел другой племянник и полный тезка. Для графини Лаваль здание на Английской набережной реконструировал архитектор Т. де Томон, одновременно в 1805 году он спроектировал дом барона Александра Сергеевича Строгонова на соседней Дворцовой набережной. Этот Александр являлся сыном барона Сергея Николаевича от второго брака с Натальей Михайловной, урожденной княжной Белосельской и, таким образом, приходился племянником барону Григорию Александровичу и внучатым племянником графу Александру Сергеевичу.

По воспоминаниям современника, полный тезка президента Академии художеств был «весьма не глуп, и добр, и мил, и умел хорошо воспользоваться данным ему аристократическим тогдашним воспитанием; вместе с тем был он весьма деликатного сложения, чрезвычайно женоподобен, и от того в обществе получил прозвание барончика»³⁶. Личную жизнь этого представителя рода омрачила трагедия. В 1800 году он женился на княжне Софье Александровне Урусовой, та скончалась от родовой горячки 26 апреля 1801 года. Несчастная новорожденная дочь Вера к ужасу Александра Сергеевича и родителей Софьи прожила всего тринадцать дней (20 апреля – 3 мая), безутешные родные заказали скульптору М.И. Козловскому монумент для кладбища Александро-Невской лавры. (Его описание см. в главе 12 третьей части.)

В доме на Дворцовой набережной Александр Сергеевич-второй основал литературный салон, претенциозно именованный «Академией». Сам хозяин сочинял на французском языке. В 1808 году в Женеве были опубликованы два тома его «Lettres a see amis» («Письма к друзьям»). Гостями салона на Дворцовой набережной бывали многие российские литераторы и французские эмигранты: А.Л. Пушкин, князь И. Долгорукий, Ю.А. Нелединский-Мелецкий и, наконец, граф Ксавье де Местр. Последний, женатый на Софье Ивановне Загряжской, сохранил отношения с родственной семьей Строгоновых³⁷ на долгие годы. Некоторое представление о салоне дает стихотворение одного из членов «Академии» княжны Зинаиды Белосельской (1789–1862), в замужестве княгини Волконской, она была дочерью князя Александра Михайловича Белосельского и, таким образом, приходилась племянницей баронессе Н.М. Строгоновой, урожденной княжне Белосельской, дочери М. Белосельского.

³⁵ Неклюдов Е.Г. Купец А.А. Кнауф и его кредиторы: первый опыт иностранного предпринимательства в горно-заводской промышленности Урала // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 31. С. 83–101.

³⁶ Записки Филиппа Филипповича Вигеля: в 5 ч. Книга III. СПб., 1891. С. 158.

³⁷ Барон Александр Николаевич Строгонов (1740–1789) был женат на Елизавете Александровне Загряжской (1745–1831).

В последующие годы княгиня Зинаида Волконская прославилась своим поощрением искусства. В молодости она составила стихотворное послание «К президенту Строгоновской Академии»:

Наш президент виной тому,
Что в Академии уму
И сердцу все даны свободы.
Благословите эти своды!
«Вот перед вами ряд картин» —
Сказал он как-то нам. «Взгляните
На этот мавзолей иль там – на вид картин...
Себе сюжет по вкусу изберите,
И каждый пусть затем, благославясь,
Расскажет повесть нам иль сказки сложит вязь,
Но только чтоб от них мы не заснули стоя!»
Так он изрек, и мы сдались ему без боя.
Один на кресло влез и смотрит на пейзаж,
Другой марину взять готов на бордаж,
Сусловьем, чтоб сосед держал его подмышку,
Напоминая нам ту самую Мартышку,
Которой в басне раз Крысенок был в заслон.
А третий сам не свой: ему весь мир не сладок,
Не по нутру ему порядок,
Когда строчить пером обязан даже он.
Лишь я, покорная, отбросила сомненья,
И, потирая лоб, обшариваю зал,
Чтоб где-нибудь мой взор избрал
Предмет, который навеял вдохновенье;
Как вдруг внимание остановил портрет, —
И вот уж я горю: сюжета лучше нет!
И опустив глаза смиренно пред народом,
Как в проповеди поп перед приходом,
Трикратно кашлянув, чтоб дело шло верней,
Отважно занялась я одою своей:
«Пою тебя, герой в кафтане голубом,
Тебя, кого Лебрён рисует п о л у б о г о м! (выделение мое. –
С.К.)
Все верно выражено: сердце и черты,
И даже милый дар сквозит в портрете строгом, —
Радушье, полное ума и теплоты,
С которыми, как Стерн, собираешь ты цветы.
И более того: мне видно даже рвенье,
С каким ты матери приносишь утешенье,
Успешней времени слезу стирая ей.
О, много есть еще в наружности твоей,
Но скромность пощадим и предпочтем молчанье;
Ни звука! Кончено сказанье!..
Сказанье? Вовсе нет! Правдивый лишь рассказ;
В нем истина царит, – в этом заверяю вас!

Сказать: вот добрый сын, вот верный друг среди света,
Вот тот, кто с ласковостью слил свободный дух, —
То значило б назвать пред вами вслух
Модель портрета»³⁸.

Я могу назвать модель. Художница Э. Виже-Лебрен изобразила барона А.С. Строгонова. Таким образом, в начале XIX века в Петербурге существовала не одна, а две строгоновских Академии: одна императорская, другая частная. К сожалению, основатель второй из них был тяжело болен и не имел детей. Никаких следов его дома не сохранилось.

Барон А.С. Строгонов, племянник графа А.С. Строгонова

Важнейшей составляющей частью строгоновского «бренда» был граф Александр Сергеевич, он приложил большие усилия для наследования семейного художественного мира, иногда – при помощи А.Н. Воронихина. В некоторой степени первым и самостоятельным прототипом дома на Невском проспекте, с точки зрения содержимого здания, стало владение барона Александра Сергеевича на Дворцовой набережной.

---

³⁸ Пер. М. Талова – Азадовский М. «Из материалов «Строгоновской Академии». Неопубликованные произведения Ксавье де Местра и Зинаиды Волконской // Литературное наследство. 33–34. М., 1939. С. 195–215.

Глава 15

Столовая для строгоновской кулебяки

Интерьер Парадной столовой крайне важен для дома, поскольку подчас именно там происходят главные события. Выше говорилось, что первоначально роль Столовой в доме на Невском проспекте исполняла, вероятно, Зеркальная галерея, расположенная в северо-западном углу здания, противоположном тому месту, где тогда находилась кухня. Именно там, надо думать, граф Александр Строгонов встречал женевских гостей в 1768 году. Не исключено, что кушания проделывали слишком длинный путь к столу господ и их гостей. Возможно, это обстоятельство показалось неудобным, и в 1791 году А.Н. Воронихин устроил Столовую и Буфетную в конце восточного корпуса, в непосредственной близости от кухни.

Зал, располагаясь за зеркальной дверью Картинной галереи, являлся некоторое время заключительным аккордом «ритуала осмотра картин». Чтобы попасть в нее, гости графа должны были проделать большой путь от Парадной лестницы через весь Кабинет (музей), наслаждаясь зрелищем сокровищ владельца. Возможно, в тот период интерьер представлял собой своеобразный триклиний, где три ниши выше панелей украшались зеркалами. Стены были расписаны растительными орнаментами, вновь заставлявшими вспомнить Ч. Каме-рона, в частности, его Зеленую столовую для Екатерининского дворца в Царском Селе.

С 1796 года здесь прекратили устраивать пиры, так как появилась необходимость в создании комплекса Библиотеки – Физического кабинета в тайной части дома. Кроме того, вероятно, появились опасения по поводу сохранности многочисленных вещей, и гостей предпочли не допускать далеко от Парадной лестницы, новая версия которой появилась вскоре.

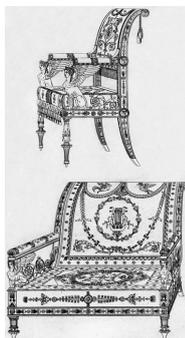
Еще в 1794 году А.Н. Воронихин отделал другой зал для обедов, причем вторая и большая по размеру Парадная столовая, или Угловой зал, заменивший Зеркальную галерею Растрелли, стал, благодаря огромным зеркалам, с одной стороны местом воспоминаний о балетной карьере владельца, а с другой служил местом для театральных постановок. Граф Александр Сергеевич, коллекционер и меценат, менее всего известен современным читателям как любитель лицедейства. По крайней мере, он не обладает славой графа Н.П. Шереметева, построившего дом в Останкино вокруг театра, или князей Юсуповых, еще одних страстных поклонников Мельпомены. Тем не менее сохранилось множество сведений о поездках графа «в маскарад», концертах и постановках в его доме, об участии в придворных балетах эпохи императрицы Елизаветы Петровны, наконец о его искусном подражании манерам и голосу императрицы Екатерины.

Сопроводив перспективный вид Парадной столовой (1794 г.) надписью «Сиятельнейшей госпоже», остроумный Воронихин сочинил визуальный образ обращения, поместив в центре акварели кавалера с почтением обращающегося к даме

Огромные зеркала, которые научились делать на Петербургской зеркальной фабрике, А.Н. Воронихин поместил на южной стене. Сам император Павел, как сообщает его биограф Август Коцебу, поместил одно такое же в своем Тронном зале. Кроме того, архитектор окружил зеркалами и двери, благодаря чему эффект растекающегося пространства еще больше усилился. В скором времени Столовая стала местом знаменитых воскресных обедов Строгонова, когда после утренней службы в Казанском соборе здесь собирались любители искусства и просто любители вкусно поесть, фальшиво или искренне предвкушая знакомство с картинами владельца. В период наполеоновских войн Столовая стала местом «патриотических демонстраций» владельца.

Слово «Отечество» часто употреблялось в начале XIX столетия. Строительство Казанского собора сопровождалось интересом ко всему национальному. Граф Александр Сергеевич вместе с племянником Григорием, который, как указывалось выше, избрал дипломатическую карьеру, и сыном Павлом при любом удобном случае единодушно демонстрировали свое недовольствие дружбой императора с Наполеоном. Об одном из таких эпизодов, ставших легендой из жизни столицы, рассказал Н.И. Греч: «В начале 1809 года, в пребывание в Петербурге прусского короля и королевы, все знатнейшие государственные и придворные особы давали великолепные балы в честь знаменитых гостей. <...> В числе первых лиц двора был граф Александр Сергеевич Строгонов <...> удалявшийся от всякого соприкосновения с Коленкуром (Луи, французским послом. – С.К.). На бале у Нарышкина (Л.А. – С.К.) Александр сказал старику: „Ты дашь бал и не будешь дурачиться. Понимаешь!“ Граф безмолвно поклонился, это значило: пригласить и Коленкура».

Проект двойного кресла, сочиненный Персье и Фонтеном для графа Строгонова

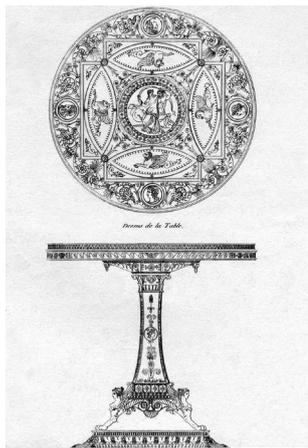
О таком удивительном факте неподчинения монарху поведал своим читателям Н.И. Греч, судя по его мемуарам, он был весьма осведомлен о внутренней жизни Строгоновского дома в начале XIX века. Следует сказать, что в 1804 году Коленкур участвовал в убийстве герцога Ангиенского, потомка дома Конде. Местр в своем письме кавалеру де Росси от 19 января 1809 году писал: «Тесно связан я <...> с наиглавнейшими противниками французской партии, часто бываю у графа Строгонова, и его невестки, у княгини Голицыной, у матери сей последней, у графа Григория Орлова (Владимировича (1777–1826), племянника екатерининского фаворита. – С.К.). Семейства сии окончательно сбросили маску и даже не принимают французского посла»³⁹. Как рассказывает Ф.Ф. Вигель, во время проезда Александра I и Фридриха-Вильгельма III по улицам российской столицы французский посол «пожал пле-

³⁹ Местр Ж. де. Петербургские письма. 1803–1817 / Сост., пер. и предисл. Д.В. Соловьева. СПб., 1995. С. 118.

чами и злобно улыбнулся. Это видел народ, и, если бы не был удерживаем страхом, закидал бы его грязью и камнями»⁴⁰.

Н.И. Греч продолжил свой рассказ о событиях 1809 года в Строгоновском доме сообщением о предосудительном поведении французского посла: «Бал закончился ужином. В одном конце залы накрыт был круглый стол на девять кувертов, по числу царственных особ, удостоивших бал своим посещением».

Этот стол представлял собой поистине грандиозное сооружение диаметром почти полтора метра, украшенное четырьмя гермами, помещенными в основание, изящными колонками, опирающимися на львов и вазой с кентавром. Столешницу исполнили из малахита.

Стол для Строгонова, спроектированный французскими законодателями архитектурной моды Персье и Фонтеном

Вернемся к тексту Греча: «От этого круглого стола тянулись два длинные стола для верноподданных и прочих. Перед самым окончанием танцев Коленкур вошел в столовую, увидел распоряжение, по которому он исключался из общества царских особ, и решился захватить свое место наглостью. Он стал у круглого стола и взялся за стул. Входят гости. Александр в первой паре вел королеву, взглянул, увидел Коленкура, догадался и сказал королеве: „Сегодня позвольте мне не садиться возле Вас. Уже и так мне нет покою от моей жены. Буду ходить вокруг стола и ухаживать за всеми“. Королева стала, смеючись, возражать. Императрица Елизавета Алексеевна, поняв мысль государя, начала играть роль ревнивой жены. Государь не сажился и был до крайности любезен со всеми, и особенно с Коленкуром, который согнал его с места и потом жестоко поплатился за свою наглость».

В заключение своего рассказа мемуарист не отказал себе в удовольствии сообщить читателям об унижении, которое Коленкур испытал в год вхождения русских войск во Францию. 19 марта 1814 года он безуспешно добивался приема и приезжал к воротам замка Бонди, где остановился российский император после взятия Парижа. Греч рассматривал это событие как расплату за былую надменность посланника⁴¹. В своем рассказе он ссылается на сведения Ф.И. Ласковского (1780? – после 1819) – выпускника Горного кадетского корпуса,

⁴⁰ Записки Филиппа Филипповича Вигеля. Книга III. С. 51, декабрь 1808. Автор пояснил свою мысль следующим образом: «Привыкнув видеть своего императора, окруженного толпою королей, им побежденных или им пожалованных, Коленкур находил, что другой, равный ему император, унижает свое достоинство, воздавая такую честь тому, которого мог он почитать едва ли не вассалом своим» (С. 48). Фридрих-Вильгельм III находился в столице России с 25 декабря 1808 года по 7 января 1809 года.

⁴¹ Греч Н.И. Записки о моей жизни / Под ред. и с комм. Иванова-Разумника и Д.М. Пинеса. М.-Л., МССМXXX [1930]. С. 272–273.

тот с 1797 года служил экзекутором и переводчиком в Берг-коллегии, с 1800 по 1803 год по рекомендации К. Леберехта преподавал минералогию и служил переводчиком в Академии художеств, а с 1803 года исполнял обязанности секретаря Александра Сергеевича.

В 1810 году, после смерти А.Ф. Бестужева, Ласковский назначается правителем канцелярии графа. В 1807–1811 годах одновременно являлся помощником хранителя в Депо манускриптов Императорской публичной библиотеки. Другие сотрудники библиотеки, в частности Н.И. Гнедич и И.А. Крылов, были постоянными посетителями дома на Невском. Последний из упомянутых являлся большим поклонником Столовой, создав в ней даже собственный культ.

Парадная столовая после реставрации 1995–2003 гг.

14 марта 1811 года, еще при жизни графа Александра Сергеевича, графиня С.В. Строгонова посетила первое публичное заседание «Беседы любителей русского слова» – литературного общества, душой которого был поклонник русской старины адмирал А.С. Шишков. Он выступил на том собрании с речью, немедленно превратившей графиню в его почитательницу. Доказательством тому ее послание: «Когда сначала увидела я лежащую перед вами тетрадь, которая показалась мне велика, то подумала, что вы чтением своим наскучите; но когда слушала его, то сожалела, что оно так коротко, и с радостью желала бы еще два часа слушать»⁴². С другой стороны, Шишков был сам заинтересован во влиятельных слушателях, и слушательницах также.

«Гвоздем программы» заседания стала басня «Огородник и философ», блестяще прочитанная И.А. Крыловым (1769–1844).

Иван Андреевич – сын капитана, в молодости служил мелким чиновником, испытывал нужду (некоторое время подобно Г.Р. Державину увлекался карточной игрой), но стремился участвовать в литературной жизни. Новый период наступил в 1805 году, когда, после знакомства с И.И. Дмитриевым, Иван Андреевич начал переводить басни. Как он позднее признавался Строгоновой, похвала в одном из журналов приохотила его к дальнейшему творчеству. В 1806 году Крылов напечатал сборник собственных сочинений и, благодаря высмеиванию галломании в своих комедиях, например в «Уроке дочкам» (1807 г.), вошел в кружок А.Н. Оленина. Алексей Николаевич устроил Крылова вначале на Монетный двор (1808–1810), на котором сам некогда служил, а затем, в 1812 году, в Публичную библиотеку, где Иван Андреевич стал сослужившем Гнедича. Сам Оленин в тот момент занимал пост директора, став преемником графа А.С. Строгонова. К тому времени сочинения Крылова вошли в моду, и он немедленно, как некогда Д.И. Фонвизин, стал приглашаться в аристократические дома для чтения своих произведений, которые были своеобразными манифестами русского языка. Посещал он и С.В. Строгонову.

О происходившем в Петербурге после памятного заседания 14 марта 1811 года рассказал и сам адмирал А.С. Шишков: «Многие присутствовавшие на ней госпожи почув-

⁴² Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина. Berlin, 1870. С. 116–117.

ствовали, что непохвально свой язык презирать и многих прекрасных на нем сочинений не читать и не знать. На другой день после одного из собраний беседы, приезжаю я к графине Строгоновой и в первый раз нахожу у ней Крылова, читающего басни свои посреди окружающих его слушателей и слушательниц»⁴³. Затем Шишков с удовольствием рассказал о барьере, возникшем между россиянами и иностранцами, жившими в городе: «...приезжает к ней (Софье Владимировне. – С.К.) сардинский посланник граф Местр. После короткого ему приветствия, чтение продолжается по-прежнему. Он помедлил несколько и, видя, что все слушают и никто им не занимается, обратился ко мне и сказал по-французски: „Я вижу нечто новое, никогда прежде не бывалое – читают по-русски, – язык, которого я не разумею и редко слышу, чтобы в знатных домах на нем говорили. Нечего мне делать здесь. Прощайте!“»⁴⁴

Возможно, еще до войны 1812 года, а особенно после нее, графиня Софья Владимировна вместо греческих вечеров, прославивших некогда дачу свекра, устраивала русские обеды, главным участником которых был Иван Андреевич, быстро превратившийся в невозмутимого простодушно-лукавого наблюдателя жизни, ленивца и обжору – «дедушку Крылова», героя многочисленных анекдотов. Один из них приводился Н.М. Колмаковым, он, будучи юристом по образованию и воспитателем детей по положению у Строгоновых, взял на себя обязанности летописца дома на Невском: «В тот день, когда он заявлял о своем приходе, весь обеденный стол заготовлялся в русском духе: щи, каша, пироги, кулебяка и все прочее, что Русью пахло. Притом все присутствующие должны были говорить по-русски, в противном случае назначалось взыскание»⁴⁵.

Способ подачи пищи был очень зависим от политических пристрастий хозяев дома. Статус дома на Невском в период наполеоновских войн кажется идеально подходящим для рождения загадочного бефстрогонов (тем не менее речь о блюде пойдет только во второй части книги). Во втором десятилетии XIX века после смерти графа Александра Сергеевича в 1811 году и графа Павла Александровича в 1817 году и установления нераздельного владения стала очевидна необходимость в новом Строгоновском доме, его действительно создадут в «настоящей России» на реке Тосна в усадьбе Марьино. Согласно указа императора Александра I от 11 августа 1817 года, владельцем майората Строгоновых, куда вошел и дом на Невском, назначалась графиня Софья Владимировна. Более подробно об этом будет рассказано в главах о Марьино, в этом месте отметим появление «охранной грамоты» Строгоновского дома.

---

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Очерки и воспоминания Н.М. Колмакова с 1816 г. // Русская старина. СПб., 1891. Т. 70. С. 667.

Глава 16

Романтическая смерть

Брак в аристократическом обществе – предмет тщательного обдумывания, ибо он помогает решить статусные и финансовые проблемы. Мы видели выше, как барон Сергей Григорьевич, умело женив сына Александра на графине А.М. Воронцовой и построив молодоженам подобающий дом, добился превращения своей ветви в графскую. Решив династические проблемы при помощи Натальи и Аглаиды, превратившихся в «машины по производству графов Строгоновых и князей Голицыных» (на двоих у них было 11 детей), графиня Софья Владимировна и стоявшая за ней мать – княгиня Наталья Петровна, должны были, кажется, ослабить внимание к судьбам младших дочерей – Елизаветы и Ольги. Однако этого не произошло, что привело к обратному результату – пятну на репутации безупречных аристократов при замужестве Ольги, которая в своем воображении превратила дедовскую эллинистическую дачу в средневековый замок. Прологом ее истории является «романтическая смерть» отца.

10 июня 1817 года граф Павел Александрович скончался на корабле близ Копенгагена. К северу от города на самом краю мыса, выступающего прямо в пролив Эресунн (Зунд), стоит огромный замок Кронборг, который прославился благодаря двум легендарным персонажам. Первый из них – Гамлет, принц датский, герой пьесы Вильяма Шекспира (1564–1616). Действие ее разворачивается именно в Кронборге, хотя автор именуется Эльсинор – так по-английски звучит название небольшого городка Хельсингёр, расположенного у стен замка. Второй легендарный герой – Хольгер Датчанин, один из 12 паладинов императора Карла Великого (742–814). Подобно английскому королю Артуру, Хольгер не умер, а, согласно преданию, спит, но восстанет в час самых трудных испытаний, чтобы защитить свою родину. И вот именно здесь скончался российский граф, который очень мало бывал дома в последние пятнадцать лет жизни, предпочитая дворцовой жизни бивуачный быт.

Следование корпоративным правилам поведения, стремление захватить лидерство в дворянской среде и широкие меценатские жесты потребовали от графа А.С. Строгонова таких расходов, которые не покрывались даже его исключительными доходами от соляного и металлургического дела. Расширить свой «бизнес», находясь в столице и не имея «кредита» при дворе, он не смог. В результате «неумеренного меценатства» Строгонов разорился, оставив после себя долг в 3 миллионов рублей. Этот представитель семьи, унаследовавший в 1756 году не менее 3 миллионов десятин земли и не менее 30 000 душ, пытался заниматься хозяйством только в юные годы. Рано или поздно это должно было сказаться. Обнаруженные документы позволяют утверждать, что финансовое положение графа, оказавшееся в плохом состоянии в 1770-е и 1780-е годы, стало угрожающим к 1790-м годам. 17 ноября 1794 года Строгонов был вынужден впервые заложить дом за 40 000 рублей некоему И.И. Отто. Прибегая затем с 1798 года к услугам Заемного банка и фонда Воспитательного дома, граф оказался должен им к 1809 году 1 163 922 рубля, за которые заложил 23 635 душ. Дальнейшие заимствования оказались невозможны без одобрения императора Александра I. К нему и обратился его прежний сотрудник по Негласному комитету граф П.А. Строгонов, прибывший 11 июня 1809 года на побывку с театра военных действий.

14 июля 1809 года Александр I подписал указ Государственному казначею Ф.А. Голубцову: «Снисходя на всеподданнейшее прошение и желая доставить им графам Строгоновым надежный способ к лучшему устройству имения и расплате с партикулярными долгами... перевести долг на Государственное Казначейство». В сентябре 1811 года старый граф скончался. В апреле 1812 года было узаконено то, что фактически произошло уже давно. Граф Павел Александрович передал жене доверенность платить за него в казенные места долги, а

равно получать следующие ему казенные суммы. Долг семьи на тот момент составлял 14 278 рублей золотом, 144 530 рублей серебром и 1 044 925 рублей ассигнациями, причем деньги выдавались под залог крестьян. Строгоновым дали рассрочку до 1825 года. Вскоре Павлу Александровичу пришлось прибегнуть к новому займу.

Наладить хозяйство было возможно только при постоянном внимании к делу. Строгонов прекрасно это осознавал, но продолжал откладывать деловые занятия, обратившись к ним лишь тогда, когда почти растратил жизненные силы. Сохранилась записка, содержащая мысли Строгонова по этому предмету. Граф считал продажу промыслов невыгодной и даже невозможной, поскольку правительственная инспекция займет много времени. С другой стороны, по его мнению, «имение, в промыслах состоящее, в обороте наличных денег преимуществует пред всяким другим, чему многие случаи служили доказательством... и чтоб не продавать сего имения немаловажным убеждением должно служить и то, что есть жалованные грамоты, изъясняющие заслуги предков наших и привилегии им дарованные. С потерей сего имения, в основание оным служившееся, исчезнут или, можно сказать, что трехсотлетнее достояние одним почерком пера обратиться в ничто». Сам граф, конечно, предполагал сделать некоторые шаги, хотя в наибольшей степени рассчитывал на своего управляющего.

Далее он в своей записке писал: «Показав, таким образом, ничтожность намерения о продаже промыслов соляных, должен показать о способах предлагаемых к устройству дел до интересу моего касающихся и по мнению моему следующие: по воследовании Высочайшей воли на показанное письмо занять в казне потребную на zapлату партикулярных долгов сумму; избавиться тем от несравненно отяготительных в сравнение с казенными процентов, а дабы доход со всего имения был достаточен к ежегодной zapлате следующих в казну сумм и содержанию дома по обоим половинам нужно умножить доходы без отягощения крестьян, от других угодий в обилии по тому именно имеющих чего и ожидать должно от дознанной опытности и усердия к нам главного над имением управителя. А в противном случае я должен буду оставить службу, и всем собою пожертвовать для жизни экономической, хотя сие к истинному моему прискорбию послужит, если бы сего избежать было невозможно». Такая жертва в намерения графа не входила. К тому же Павел Александрович в тот момент не мог даже написать письмо министру финансов. За него это сделал управляющий Сергей Игнатьев, который 16 апреля сообщал Д.А. Гурьеву, что граф «по причине слабости своей не может прочесть и пяти строк». Простудившись в шведскую войну 1809 года, граф Строгонов затем долго лечился. Взяв с собой единственного сына Александра на войну с Наполеоном, где тот погиб, он заработал чахотку, стубившую его за четыре года.

20 апреля 1817 года принимается положительное решение о займе. Два месяца спустя граф скончался.

Современник нарисовал нам эту сцену: «Как я предполагал и как предсказывали медики, он умер в море через два дня после оставления Копенгагена, где он расстался с графиней и князем Дмитрием Голицыным. Он потребовал, чтобы они вернулись в Россию для заботы о семьях, сказав, что чувствует себя все хуже и что их присутствие не может принести ему какой-либо пользы. Консилиум врачей в Копенгагене дал заключение, что он не сможет прожить более двух-трех дней. Графиня Строгонова, впрочем, должна была увидеть его еще раз в Эльсиноре на следующий день. Но, прибыв в назначенное место, она увидела, что фрегат прошел мимо, не остановившись. Таково было желание умирающего. На следующий день он скончался или, лучше сказать, угас, как пламя, от общего истощения сил, еще сохранявшихся в нем, ибо до последнего момента он говорил по-английски с врачом, по-французски с племянником бароном Строгоновым (Александром Григорьевичем. – С.К.) и по-русски со слугой»⁴⁶. Другие подробности можно узнать из моей книги «Не хуже Томона».

---

⁴⁶ М. Н. Логинов – гр. С.Р. Воронцову 7 июля 1817 г./ Пер. с франц. (Упомянется кн. Д.В. Голицын, брат Софьи.) // 99

Невозможно утверждать, что граф Павел Александрович написал сценарий своей смерти. Тем не менее это была красивая «романтическая смерть». Разумеется, не она, а прежняя «романтическая жизнь» Строгонова, никогда не желавшего обременять себя хозяйством, стала причиной семейных проблем и «банального брака» старшей дочери. В уважение заслуг Строгоновых, а также принимая во внимание поставку графами столь стратегического товара, которым являлась соль, Александр I издал упоминавшийся выше указ, в преамбуле его говорилось: «Уважая отличное усердие Графа Строгонова, особенную к Нам его преданность, ревность и услуги, оказанные им и предками его Российскому престолу, и, находя, что главное сие имение, производящее немаловажную выварку соли и обеспечивающее тем значительную часть народного продовольствия Империи Российской, долженствует для лучшего и удобнейшего управления и для принесения вящей общественной пользы сохраняться неприкосновенно и нераздельно во владении одного лица».

В документе, помимо пермской вотчины, упоминались как совокупно закрепленные за родом Строгоновых два каменных дома в Петербурге «с движимым имением» и на аналогичном основании мыза Мандурова, со строениями и землей, на Выборгской стороне. Остается неясным, какой городской дом был вторым. Так или иначе, хотя описи и не существует, актом 1817 года, весьма своеобразным, «романтическим», завещанием графа Павла Александровича государственный статус и «охранную грамоту» получило художественное наследие его отца графа Александра Сергеевича. Это было особенно важно для коллекций графа или Кабинета, как говорили в XVIII веке. В данном случае знаменитой коллекции, основой которой были картины и минералы, ничего не грозило, по крайней мере, так казалось в 1817 году.

Кроме того, указом решалась проблема наследства трех младших дочерей графини Софьи Владимировны – Аглаиды, Елизаветы и Ольги. Каждой из них доставалось, правда, не по три, а по два миллиона рублей, что также, впрочем, было весьма значительной суммой. Они должны были выплачиваться из доходов нераздельного имения, пожизненным распорядителем которого стала графиня Софья Владимировна. Наталья, ее старшая дочь, объявлялась наследницей. Поскольку ее муж получал титул графа Строгонова, его кандидатура была исключительно важна.

Находясь еще под впечатлением от смерти мужа, первым делом Софья тщательно обдумала брак Натальи – первый из четырех союзов, который ей предстояло «сочинить», причем сочинить немедленно, ибо в 1817 году девушке уже исполнился 21 год. Употребленное слово – «сочинить» – кажется странным в этом контексте, но все же я использую его для того, чтобы показать меру влияния графини на существо дела и подозрения об искусственном характере союза.

Уже в августе 1817 года все было решено. В самом начале 1818 года, вероятно, 6 февраля, Наталья стала супругой Сергея Григорьевича – третьего из пяти сыновей барона Григория Александровича, своего четырехюродного брата. Он родился 8 ноября 1794 года, будучи таким образом на полтора года старше Натальи. Скорее всего, брак между родственниками принципиально был задуман графом Павлом Александровичем, правда, он взял с собой в «роковое плавание» второго сына троюродного брата – барона Александра Григорьевича. Возрастная дистанция между братьями была незначительной – чуть больше года, но Александр, родившийся у Сергея, становился Александром Сергеевичем. Не в этом ли мистическом следовании магии имени истинная причина перемены, произведенной графиней Софьей Владимировной? Под «роковым плаванием» разумеется поход фрегата «Святой Патрик», на котором граф Павел Александрович отправился для поправки здоровья в

Португалию. Думается, что события нанесли душевную рану обоим братьям – один оказался незадачливым претендентом на титул, а другой вынужден был подчиниться необходимости.

Графини Ольге Строгоновой нравился граф П.К. Ферзен, большой любитель искусства, в частности поклонник творчества К.П. Брюллова. В 1825 году по заказу Ферзена живописец исполнил две «готические» картины «Пифферари перед образом Мадонны» и «Вечерня (Римская часовня)» в соответствующих «готических» рамах. Позже он подарил графине Софье Владимировне бронзовые ширмы с цветными стеклами, что можно расценивать как своего рода благодарность теще. Но ему отказала княгиня Наталья Петровна, не желавшая признавать своим родственником небогатого шведского дворянина.

И тогда крестник «романтического императора» Павла I и штаб-ротмистр Кавалергардского полка похитил свою возлюбленную. Небольшая «готическая пьеса» была разыграна на глазах удивленно-восхищенного Петербурга в 1829 году, затмив события Русско-турецкой войны. Следовало позабыть, хотя бы на время, об имидже клана Строгоновых-Голицыных как образца добродетели. Бессмертным происшествие стало благодаря «Метели» Пушкина, которому это произведение едва ли добавило поклонников среди обитателей Марьино, в частности, и в целом в аристократической среде, оказавшейся враждебной к нему в 1837 году.

Самоустранение от занятий хозяйством вместе с династическим кризисом привело Строгоновых к сложнейшей семейной ситуации, из которой невозможно было выйти без потерь. В 1817 году создается нераздельное имение, одновременно начались поиски его наследника и переживания по поводу супругов многочисленных дочерей Павла Александровича. Решив достаточно благополучно три задачи, графиня Софья Владимировна, вдова героя, споткнулась на последней, когда следовало выдать замуж Ольгу.

Глава 17

Дом, из которого следует бежать?

«Вчера было происшествие в строгоновской семье. Графиню Ольгу увезли ночи. Все спали; князя Василия (В.С. Голицын, муж гр. А.П. Строгоновой. – С.К.) разбудили, но что было делать, где искать? Он приехал ко мне очень рано советоваться, что делать. Делать нечего: надо простить, так и говорить перестанут. Догадывались, что увез ее кавалергардский граф Ферзен, и не ошиблись. Когда графиня Софья Владимировна встала и о сем узнала, несмотря на горе, удивление и скорбь свою, поступила как умная женщина и добрая мать. Написала к дочери: прощаю, благословляю и ожидаю. Тем дело и кончилось. Они уже были обвенчаны», – писал петербургский почт-директор К.Я. Булгаков брату в Москву, кратко излагая сюжет и приписывая себе лавры Соломона – мудреца, нашедшего выход из затруднительной ситуации.

Однако дело не кончилось, несмотря на существование и второго, на этот раз, увы, официального письма Строгоновой, направленного родственнику – командиру Кавалергардского полка С.Ф. Апраксину 3-му. Как уже говорилось, Екатерина, сестра Софьи, была женой С.С. Апраксина. Оно также содержало согласие на брак, но было датировано днем ранее похищения. Во-первых, впереди еще предстояло наказание императора, а тот пребывал на турецкой войне. Во-вторых, говорили много, причем говорить начали еще весной, поскольку, как это обычно бывает, похищение было тайным только для отдельных членов семьи Строгоновых-Голицыных, возможно, только для княгини Натальи Петровны (письмо А.Я. Булгакова брату от 13 декабря года допускает такую возможность). Большая часть светского Петербурга его ожидала, предвкушая пощечину тщеславным гордецам.

Отказ Ферзену сподвигнул эрудированную и экзальтированную Ольгу прибегнуть к иному, «романтическому», способу добиться желаемой цели. На несколько часов она представила дедовский дом на Черной речке средневековым замком, а своего возлюбленного сказочным рыцарем на белом коне, внезапно ворвавшимся в ее мир, чтобы увезти с собой. Практика похищения невест с последующей насильственной женитьбой до настоящего времени распространена в столь экзотических регионах, как Кавказ, Средняя Азия и Африка. Несомненная выгода похищения невесты для жениха заключается в том, что в этом случае ему не приходится платить родителям невесты выкуп.

Обычно влюбленный со своими друзьями или друзья жениха без него самого похищают невесту и привозят в дом жениха. Там родственники жениха стараются успокоить похищенную девушку и уговорить ее выйти замуж за своего похитителя. Однако иногда и на этих территориях похищение невесты происходит со всеобщего согласия как обряд, позволяющий обойти некоторые другие традиционные запреты. Например, если младшая сестра по традиции не может выйти замуж раньше, чем старшая, то родители не могут дать благословение на брак, и поэтому младшую сестру «похищают». Через некоторое время молодые приходят к отцу невесты просить прощения, но он их «проклинаяет» и «изгоняет», но с рождением первенца – «прощает».

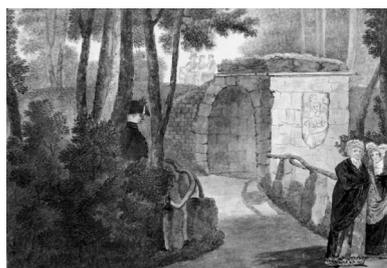
«Случай Ольги Строгоновой» находит аналог в разрешении подобной ситуации у татар. В старину девушки, желающие выйти замуж за любимого человека, а не за того, за кого желают ее выдать родители, сами договаривались с любимым человеком о похищении. Через несколько дней после похищения молодые шли к родителям невесты за родительским благословением. Родителям невесты приходилось признавать этот брак.

Не следует думать, что история Ольги Строгоновой необыкновенна для дворянства России. Всего за четыре года до этого происшествия обе столицы взбудоражил конфликт богатого и знатного флигель-адъютанта Владимира Дмитриевича Новосильцева (тщеслав-

ные родственники почитали «первой партией России») и «каких-то» Черновых. Предметом конфликта был союз Новосильцева с Екатериной Пахомовной Черновой, имевшей «низкое отчество», хотя отнюдь не крестьянки.

Все началось летом 1824 года с взаимной любви, помолвки, назначения дня венчания, где-то за пределами Петербурга, а затем и свадьбы в столице, но и с опасением предполагаемого мужа от реакции родственников, в частности – деда графа В.Г. Орлова (1743–1831), брата екатерининского фаворита. Считая, совершенно справедливо, но опережая время, что согласие родителей дело второстепенное, Новосильцев отложил его получение до последнего момента, но, к своему ужасу, неожиданной поддержки не получил. Затем он сам остыл, одумался и навсегда потерял благосклонность света, ведь все с большим вниманием следили за развитием матримониальной истории социального характера, которой никто не подразумевал. После отъезда в Москву под предлогом проведать больного отца, а на самом деле по вызову матери Екатерины Владимировны, урожденной Орловой, и после своего отказного письма к несостоявшейся невесте Новосильцев получил вызов от К.П. Чернова, старшего брата Екатерины, и угрозу последующих поединков, в случае неудачи, с другими братьями (их было пятеро).

История стала известна, разбиралась московским губернатором (князем Д.В. Голицыным, дядей Ольги Строгоновой), полицией и церковью. Казалось, выход был найден – уничтожение письма, женитьба и согласие родителей, – но он не удовлетворил общественность, та заметила искусственность примирения и устами А.Я. Булгакова вынесла свой вердикт: «Этот оборот никому не нравится и послужит многим дурным примером для народа. Союз, который должен решать вопрос о счастье нашей жизни, не устраивается с мечом в руке; надобно всеобщее согласие, благословление родителей»⁴⁷. Действительно, бескровного разрешения ситуации, кажется, уже не существовало: слишком много людей уже знало о вызове и устранить впечатление того, что Новосильцев женится под дулом пистолета, оказалось невозможно. Для сохранения лица он вытребовал отсрочку в шесть месяцев, но несостоявшиеся родственники уже поссорились ранее. Весьма справедливо, по моему мнению, подозревается, что особенно остро чувствовавший настроение современников и увлеченный политикой поэт К.Ф. Рылеев, двоюродный брат Черновых, оказался пружиной конфликта, который в марте 1825 года, казалось, вновь уладил князь Д.В. Голицын.

На этой и следующей картинке «готические развалины» Строгоновской дачи, пробудившие средневековые грезы графини Ольги. Акварель Е. Есакова

Наступило лето, но Е.В. Новосильцева, мать единственного сына в семье, продолжала роковую борьбу. Теперь она решила запугивать отца жениха, который, по словам А.Я. Булгакова, в Москве был «частный пристав» (впоследствии в годы Отечественной войны 1812 г. дослужился до звания генерал-майора). 10 сентября дуэль все же произошла, в

⁴⁷ Братья Булгаковы. Переписка. Том II. Письма 1821–1826 гг. М., 2010. С. 489.

парке Лесного института Санкт-Петербурга. В результате жестоких условий поединка она закончилась смертью обоих противников. Секундантом К.П. Чернова, офицера гвардейского Семеновского полка и члена Северного тайного общества, был К.Ф. Рылеев, собравший на поединок «группу поддержки» и вдохновивший кузена на следующие предсмертные строки: «Пусть паду я, но пусть падет и он, в пример жалким гордецам и чтобы золото и знатный род не насмеялись над невинностью и благородством души»⁴⁸.

Долгая и мучительная смерть окончательно превратила Константина в мученика, причем для нескольких поколений революционеров, а его похороны вылились в первую российскую общественную демонстрацию. Над могилой В. Кюхельбекер прочитал стихотворение-манифест мелкого и среднего дворянства «На смерть Чернова»: «Клянемся честью и Черновым / Вражда и брань временщикам, / Царя трепещущим рабам, / Тиранам, нас угнесть готовым!». Кроме слов ненависти и признания Константина образцом, поэт высказал, что будет в дальнейшем: «На наших дев, на наших жен / Дерзнешь ли вновь, любимец счастья, / Взор бросить, полный сладострастья, – / Падешь, перуном поражен». Через два с половиной месяца произошло выступление декабристов, а еще через двенадцать лет было написано стихотворение М.Ю. Лермонтова «На смерть поэта», оно справедливо сопоставляется исследователями с сочинением Кюхельбекера.

Руинный мост на Строгоновской даче. Акварель Е. Есакова

Известно, что в 1830 году А.С. Пушкин ездил к дальним родственникам В.Д. Новосильцева за подробностями дуэли и не исключено, что под впечатлением их рассказов сочинил строки о дуэли Онегина и Ленского.

Другое важное обстоятельство, которое следует здесь привести, – относящаяся к 1820 году история замужества графини Аглаиды Павловны Строгоновой, старшей сестры Ольги. Ее мужем стал Василий Сергеевич Голицын. Хотя он был и князь, с древней родословной, но все же не надеялся на счастье породниться с «большими боярами» вследствие своей бедности, а равно из-за обесценивания своего титула. Выражение «о больших боярах» принадлежит его родственнику К.Я. Булгакову, брат которого Александр при обсуждении события выразился еще более красочно «Голицыных столько на свете, что можно ими вымостить Невский проспект». Разрешение княгини Натальи Петровны было получено не вследствие «поведения» или «добрых правил» Василия – эти качества, конечно, интересовали графиню Софью Владимировну, чьи имущественные дела зять действительно вскоре поправил⁴⁹ – по моему мнению, «старуху Вольдемар» подкупила, прежде всего, его принадлежность к Голицыным, которых она сама, урожденная Чернышева, высоко ценила (об этом будет рассказано в главах о Марьино).

⁴⁸ Цит. по: *Лаврентьев Н.В.* «Клянемся честью и Черновым...» // История Петербурга. 2006. № 5, 6.

⁴⁹ Строгонова так желала этого союза, что заказала К.И. Росси апартаменты молодоженам в западном корпусе неевского дома, которые были готовы прежде помолвки.

В 1820 году 12-летняя Ольга должна была осознать роль бабушки в своей судьбе. После истории года, которая в известной степени затмила ужасы петербургского наводнения ноября 1824 года, она должна была сделать вывод о том, что только решительность (в данном случае венчание любой ценой) поможет взломать такую «крепость», как княгиня Наталья Петровна.

На акварели К. Брюллова О. Строгонова, едущая на ослике

Есть все основания полагать, что петербургский свет и, следовательно, графиня Софья Владимировна были осведомлены не только о романе Ольги Строгоновой и Павла Ферзена, но и способе его разрешения, по крайней мере, за целый месяц до развязки. В письме к мужу от 29 мая 1829 года графиня С.А. Бобринская писала: «Роман Ферзена идет большими шагами к похищению и кончится прощением родственников (les parents), а потом <... > „чистым листом“ для виновницы. Базиль предложил себя для этой экспедиции. Девушка сама этого пожелала. Она хочет быть похищенной; он не возражает, отъезд семьи в Калугу будет сигналом. Надеюсь, Господь мне простит, не говоря уже о Базиле, что наш дом предназначен для этого бурного (orageux) медового месяца»⁵⁰.

Базиль – Василий Алексеевич Бобринский, брат мужа Софьи Александровны, служил в том же лейб-гвардии Гусарском полку, что и ротмистр П.Д. Соломирский (1801–1861), который стал третьим соучастником самого скандального события петербургского светского сезона не только 1829 года, но и, вероятно, всей «романтической эпохи». В том же звании были и другие участники: А.П. Ланской (1800–1844), из Кавалергардского полка, и Александр Иванович Бреверн, из лейб-гвардии Конного полка.

Ланской и Соломирский были только свидетелями на венчании. Роль Бреверна – непосредственное участие в побеге – выясняется из дневника А.А. Олениной. 22 августа она записала: «Карьера Ольги Строгоновой кончена. Проявив всю возможную ветреность по отношению к графу Ферзену (худшему представителю этого типа), после тайной переписки и таких же встреч, она приняла решение и *заставила* (курсив мой. – С.К.) себя похитить 1-го числа июля месяца. Уже довольно давно решила она на этот беспримерный шаг. Каждый раз, катаясь верхом вместе с сестрами, она пускалась в быстрый галоп и бросала на землю записку, которую подбирал этот господин.

И вот отъезд в Городню решен. Она пишет ему записку, где говорится: „Женитьба или смерть“. Скоро все готово для отъезда в деревню. Вечером она притворяется, что у нее болит голова, выглядит нездоровой и взволнованной, просит разрешения удалиться, выхо-

⁵⁰ Цит. по.: А. Глассе. «Из чего сделалась „Метель“ Пушкина» // Новое Литературное обозрение. 1996. № 14.

дит в сад. Там ожидает её Бреверн, один из сообщников, сопровождает⁵¹ на Черную речку, и они садятся на паром. Выходя, поскольку они очень спешили, Бреверн бросает Ольгу прямо с борта в экипаж, где уже оказывается Ферзен. Они отбывают в Тайцы, там ожидают свидетели: Соломирский-старший и Ланской. Священник согласился венчать лишь с тем условием, что ему заплатят пять тысяч рублей и обеспечат тысячу в год. Обвенчали их только к 5 утра, после чего они отправились в Тайцы, где их ожидала модистка, чтобы прислуживать Ольге. В это время в доме Строгановых горничная, войдя в комнату Ольги и не найдя ее там, сообщила эту новость графине. Бедная мать! Так раскрылся побег. Мать её простила, но Ферзены вернулись только вечером. Ольга решила ехать с мужем на маневры. Ай да баба!..»⁵²

В российском обществе первых десятилетий XIX века безраздельно задавали тон такие особы, как княгиня Наталья Петровна Голицына, урожденная Чернышева и Екатерина Владимировна Новосильцева, урожденная Орлова, продолжали царить средневековые порядки, которые регламентировали браки и приветствовали дуэли как способы решения вопросов чести. Кроме того, следует обратить внимание на острые конфликты между высшей и остальной частью дворянства, возникавшие в моменты заключения неравных браков.

Хотя происхождение, к примеру, самих Орловых, потомков прощенного стрелца, и Строгановых, в недавнем прошлом солепромышленников, не являлось безупречным, их фамилии к 1820-м годам превратились в то, что можно определить как «аристократический бренд» – несмотря на сомнительность финансового положения, по крайней мере Строгановых, породниться с ними являлось честью. Как ни странно, особая «ценность» этого рода диктовалась учреждением в 1817 году нераздельного имения, которое не только гарантировало всем дочерям графа Павла Александровича большое приданое, но и подтверждало национальную значимость фамилии.

---

⁵¹ В источнике «везет», но более правильно «сопровождает», ибо по другим источникам очевидно, что Строгоновы жили в тот момент на своей даче, мызе Мандуровой. Черная речка проходила в непосредственной близости от обеих дач.

⁵² *Оленина А.А.* Дневник. Воспоминания / Под науч. ред. В.М. Файбисович. СПб., 1999. С. 130–131.

Глава 18

Влюбленный Владимир – Не Новосильцев и не Ферзен

Путь влюбленных к месту венчания был длинным. В то время как Строгоновская дача находится к северу от Петербурга, обряд и первые часы после замужества молодожены провели далеко за южной окраиной города, в бывших владениях А.Г. Демидова (1737–1803). Именно он построил и усадьбу Тайцы, давшую название близлежащему поселению в десяти километрах от Гатчины, и храм Св. Александра Невского в деревне Александровке, в котором прошло венчание. Будущие Ферзены отправились именно туда, для того чтобы на следующий день Павел успел на учения полка, проходившие, по традиции, в Красном Селе. Александровка находилась от него всего в семи верстах (14 км). Расстояние от Строгоновской дачи до Александровки было куда более значительным – примерно 35 километров.

От каменного храма в настоящее время остались лишь развалины, способные привлечь любителей истории. Возведен в 1790–1794 годах, в 1901–1906 годах перестроен, но в годы советской власти разрушен.

Именно сопротивление родственников, надеявшихся увезти Ольгу подальше от Петербурга в Калужскую губернию – в Городню, «только раздувало пожар ее страсти, толкая на безрассудный поступок». Свидетельством тому сообщение датского посланника графа Отто Бломе своему министру внутренних дел графу Шиммельману в письме от 26 июля 1829 г.: «Позволю себе, Граф, известить Вас о случившемся в обществе происшествии, которое произвело сенсацию, ибо касается высокопоставленных лиц. Бурная страсть [*une passion orageuse*], вспыхнувшая в сердце младшей дочери графини Строгоновой к молодому Ферзену, офицеру кавалергардов, и сопротивление, которое этот союз встретил со стороны родственников [*les parents*], заставило гр. Ольгу решиться на отчаянный шаг и дать себя увезти»⁵³.

Император Николай I, будто давая время «зрителям» насладиться пьесой, вернулся в столицу только 11 июля. Он прибыл с турецкой войны, начавшейся еще в 1828 году и до летней кампании 1829 года проходившей малоудачной для России. Затем Европа увидела успехи русского оружия, в частности 18 (30) июня русские войска овладели Силистрией – крепостью в Болгарии на правом берегу Дуная. Но даже это событие не смогло затмить происшествия, которое поистине стало всеобщим достоянием. Это подтверждается обеспокоенностью сестер Ольги.

⁵³ Гласе А. Указ. соч.

Княгиня А.П. Голицына, урожденная графиня Строгонова

Графиня О. П. Ферзен, урожденная графиня Строгонова

Аглаида писала Елизавете: «В городе ужасный скандал, так что взятие Силистрии не произвело почти никакого впечатления. Протасов говорил мне, что на днях встретил кн. Михаила Голицына, который сказал: „Слыхали главную новость?“ Протасов отвечал: „Да, взятие Силистрии“. На это князь Мишель сказал: „Силистрия-то, конечно, но есть новости поважнее – похищение графини Ольги“. Это ужасно, что должна переживать бедная матушка»⁵⁴. В обществе события воспринимались как наказание. Княгиня Е.Н. Любомирская писала брату, графу А.Н. Толстому: «Представь себе, что это произошло в семье Вольдемар, „кузины Господа Бога“, как ее именовал покойный Федор (кн. Ф.С. Голицын. – С.К.). Это было немыслимо, неслыханно, неожиданно, печально, ужасно. Многие говорят, что это пощечина, нанесенная этому семейству Провидением за тщеславие»⁵⁵.

Как и в 1825 году, скандал был раздут средствами литературы. В 1830 году Пушкин, знакомый судя по всему с П.К. Ферзеном, написал рассказ «Метель», включенный в состав повестей Белкина. Сюжет таков. Владимир Николаевич, бедный армейский прапорщик, уговорил свою возлюбленную Марию Гавриловну, воспитанную на французской литературе и склонной к «романическому воображению», убежать из дома и тайно обвенчаться с ней в церкви. Таким образом, герой решает преодолеть препятствие в виде родителей предмета своего обожания, которые, разумеется, не в восторге от выбора единственной дочери. Заключительным пунктом плана дерзкого офицера было после венчания броситься к ногам родителей в надежде на скорое прощение.

---

⁵⁴ Возможно, А.А. Протасов (1780–1833). Там же.

⁵⁵ Там же.

Х.К. Крюгер написал живописный портрет «Бурмина» – графа П. Ферзена

В назначенную ночь Мария, написав письмо подруге и родителям, отправляется, несмотря на сильный ветер и снегопад, в условленное место на присланной офицером тройке. Сам Владимир, подкупив священника соседней деревни и найдя свидетелей в лице отставного корнета, землемера и шестнадцатилетнего улана, поехал на венчание в маленьких санях. Метель сбила его с дороги и в результате он прибыл к дверям храма только на рассвете. Они оказались закрыты... Мария же благополучно вернулась домой. Хотя на следующий день она заболела и «две недели находилась у края гроба», никто не узнал о побеге. Нелепое обстоятельство расстроило свадьбу, хотя родители невесты, в отличие от неожиданно прозревшего Владимира, согласились на нее.

Как читатель узнает только в финале, венчание в «романтическую ночь» все же состоялось, но в качестве жениха на нем присутствовал другой офицер, который роковой метелью был загнан в неведомое место. Привлеченный красотой девушки, он решился на богохульную шутку и встал перед аналоем вместо Владимира. В темном храме он остался неузнанным вплоть до финального поцелуя, но сбежал сразу после него. Таким образом, разлучившись, в отличие от Ферзена, с невестой всего на несколько часов, пушкинский Владимир потерял ее навечно.

Дом Марии Пушкин называет замком, видимо, для полноты романтического ощущения. Подобные события не могут происходить в банальном доме. С другой стороны, не она ищет мезальянса, она на него соглашается. Замок – принадлежность человека высшего общества.

Марья Гавриловна – графиня Ольга Павловна Строгонова. Прасковья Петровна – графиня Софья Владимировна Строгонова. Прототип Владимира Николаевича Бурмина бедный и не достаточно знатный граф П.К. Ферзен. Фраза в «Метели» о том, что идея побега, «разумеется, пришла в голову молодому человеку, и весьма понравилась романическому воображению Марьи Гавриловны», ироническая инверсия, поскольку, как мы знаем, все было наоборот – Ольга придумала способ решения проблемы, который одобрил ее избранник. Фраза: «Марья Гавриловна долго колебалась; множество планов побега было отвергнуто» указывает на знакомство автора с контекстом. Ему было известно тщательное планирование Строгоновой.

Монарх «примерно наказал» виновников. Друзей Ферзена перевели из гвардии в армейские полки, а его – в Свеаборгский гарнизонный батальон. Ольга последовала за мужем. Вскоре всех наказанных возвратили в гвардию, в частности Павла – в Кирасирский полк. С июля 1831 года он вновь ротмистр Кавалергардского полка, в его рядах он участвовал в польском походе. За храбрость при штурме Варшавы награжден орденом Св. Владимира IV степени с бантом. В 1836 году уволен от службы по болезни в чине полковника. В ноябре

того же года был определен чиновником по особым поручениям при Министерстве императорского двора с причислением к Кабинету Его Императорского Величества. Гнев монарха, вероятно, скоро прошел, потому что тот сам обожал романтические поступки, и средневековое поведение Ферзена и его товарищей, возможно, не очень осуждал. У Ольги Павловны родились три ребенка: граф Павел Павлович (1830), графиня София Павловна (1832) и граф Мануил Павлович (1834). Она рано умерла – уже в 1837 году и, вероятно, многие в Петербурге восприняли ее кончину как божью кару.

Одной из главных свидетельниц событий была Д.Ф. Фикельмон, жена австрийского посла. Она приехала в Санкт-Петербург 30 июня 1829 года, буквально накануне, и поселилась недалеко от дачи Строгоновых на Черной речке, в доме С.С. Ланского как будто заняв место в зрительном зале, причем на лучшем месте. Двухэтажный дом в 11 окон по фасаду с выдающейся вперед полукруглой центральной частью в 5 окон находился на левой стороне Черной речки и граничил с дачей Миллера, которую в 1833 году нанял Пушкин. Другая, большая по занимаемой площади, усадьба Ланских находилась ближе к Выборгской дороге. Д.Ф. Фикельмон писала: «...в обществе немного покричали, но скоро об этом перестанут думать и увозить будут всех, кто захочет!»⁵⁶ Однако, надо думать, происшествие в доме Строгоновых все же представляло собой уникальное явление для аристократического круга. С одной стороны, оно случилось по причине особого характера Ольги, оказавшейся способной поднять бунт против матери. В этом, вероятно, сказалась особенность романтической эпохи, подвигавшей личность самостоятельно определять свою будущность. С другой стороны, Софья Владимировна, оказавшись в экстраординарной ситуации главы нераздельного имения, уже «привыкла» по-мужски решать судьбы дочерей. Она вмешалась в судьбу Ольги по инерции, хотя столь важного значения личность ее мужа для судеб строгоновского достояния не имела (в отличие от ситуации Натальи и в меньшей степени – Аглаиды).

Читала ли «Повести Белкина» графиня Софья Владимировна? Бесспорно, читала, как и другие пушкинские произведения. 5 марта 1835 года она написала дочери Елизавете: «...Я хочу тебе сказать два слова о моем чтении, не перечисляя всего, что я прочла, – это было бы длинно <...> Вышли прекрасные работы на русском языке; не говорю тебе о них; то, что я скажу, не представит никакого интереса для тебя: ведь ты их не знаешь. Могу еще добавить к этому, что Пушкин выпустил только что „Историю Пугачева“; по-моему, это плохо; написано с наивной простотой (*simplicité naïve*), безо всяких размышлений. Говорят, это модный род сочинений, и то, что мне кажется наивным, расценивается как превосходное (*sublime*). Вчера у меня обедали Крылов и Жуковский; первый, кажется, моего мнения, но, как писатель, он падает собрата; другой же откровенно восхищается этим простодушием»⁵⁷.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Строгонова С.В. Письмо Салтыковой Е. П. 5 марта 1835 г. Петербург // Пушкин. Лермонтов. Гоголь (Лит. наследство. Т. 58). М., 1952. С. 116–117.

В этом портрете графини Софьи Владимировны трудно узнать даму с гораздо более известного изображения Монье

Продиктованы ли эти слова обидой на «Метель» или книга действительно не понравилась графине? Очевидно, что конфликт Пушкина со Строгоновыми, который не может быть рассмотрен на этих страницах (о нем сказано в книге «Устройство вдовы»), сопоставим с оппозицией Рылеева к Новосильцевым-Орловым, и потому мы можем говорить об устойчивом явлении, которое изжило себя только к концу XIX века, когда князь С.А. Щербатов, родственник Строгоновых, женился на крестьянке. Образно говоря, это был конфликт обитателей chateau, понятие которого теперь приобрело ироничный характер, с жителями hotel, с одной стороны. С другой – без рассмотрения внутриклассового противоречия, можно говорить о желании представителей высшего общества обходиться без средневековых условностей. Тогда мы должны проложить путь от похищения Ольги к роману великой княгини Марии Николаевны и графа Г.А. Строгонова.

Глава 19

Замок Елизаветы

В конечном итоге Строгоновы умом, вкусом и средствами светлейшей княгини Елизаветы Павловны, урожденной графини Строгоновой, выстроили все же настоящий замок, который, наверное, был бы лучшей декорацией для похищения Ольги, чем эллинистическая вилла деда. Но в данном случае стиль дома, возведенного в 1837–1843 годах, был полностью определен историей жизни и любви Елизаветы, которая возвела монумент памяти мужа. Супругом третьей дочери Софьи в 1827 году стал светлейший князь Иван Дмитриевич Салтыков, штаб-ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка. Военная карьера была predetermined для внука фельдмаршала (светлейшего князя Николая Ивановича), хотя здоровьем Иван не отличался. Он был старшим сыном слепого от рождения Дмитрия Николаевича Салтыкова и рано умершей Анны Николаевны Леонтьевой. В том же лейб-гвардии Гусарском полку служили Петр и Владимир. Алексей, четвертый сын, был путешественником и художником. Талантом рисовальщика обладал и Иван. Следует добавить, что его родители принадлежали к числу меломанов.

Роман был скоротечным. Уже в 1829 году, спустя два года после венчания, после обнаружения «расстройства груди», Иван Дмитриевич вышел в отставку. Воспитатель младших братьев, на следующий год, после рождения сына, он написал любопытное завещание. Указав, что все наличные деньги в личном бюро есть общая собственность всех братьев Салтыковых, приказал часть суммы отдать своему служителю и другу А.Ф. Добролюбову. Ивану Дмитриевичу оставалось жить два года.

Сохранилось несколько предсвадебных писем 1827 года Ивана к «дорогой Elisabeth», как он называл свою возлюбленную, именуя самого себя «счастливым женихом» и постоянно делая реверансы в сторону Мaman и Grand Maman, под которыми он имел в виду соответственно графиню Софью Владимировну и княгиню Наталью Петровну. Сестры Елизаветы деятельно участвовали: Аглайда (Аделаида) служила «почтовым ящиком», Ольга, которой самой вскоре понадобилась защита, – заступалась. 20 июня Салтыков писал из села Капорского, близ Красного Села: «К счастью, я вернулся на свой пост, дорогая Elisabeth, так что никто не усомнился, где я был, и все сделали вид, что верят в мою болезнь. Мы каждый день заняты, и трудно получить увольнение в Петербург. Я нахожусь в деревне по соседству с Красным Селом, веду растительный образ жизни, как и раньше, но более скучный. Весь день с товарищами, не находя более в общении с ними того удовольствия, что было ранее. Я вновь стал скучен без Вас, моя печальная и очаровательная подруга, моя Elisabeth, без Вас, кто оживил мое существование, кто дал мне изведать счастье, на которое я никогда не надеялся. С чувством отвращения думаю о времени, когда я Вас не знал, мне кажется теперь, что невозможно было жить так, как я жил.

Когда я Вас снова увижу? Месяц – это очень долго. Я не смог получить о Вас никаких вестей, это естественно, но мучительно. На днях я увижу Вашу сестру Адель, которая мне расскажет, по крайней мере, о Вас.

Передайте, прошу Вас, мое глубокое и искреннее уважение а Мaman et а Grand Maman и Вашему дяде князю. Вскоре я смогу сам назвать их этими именами, и я действительно буду покорным сыном той, которая сочла меня трудиться вместе с ней для Вашего счастья. Мне буден очень приятно оправдать ее надежды. Поцелуйте Ольгу. Попросите ее от меня всегда

вступаться за меня перед Вами, как это она сделала, когда я у Вас был в первый раз»⁵⁸. Таким образом, Салтыков страдал в тех же местах, где через два года завершится драма Ферзена.

Дом Салтыковых на Строгоновской даче

Крыло замка Генриха VIII (Хэмптонкурта) послужило прототипом для П.С. Садовникова

В сентябре состоялась помолвка. 10 октября Иван Дмитриевич сообщал «... Я приехал в Петербург только вчера, т. к. было семейное собрание в Царском Селе: я, Владимир и Алексей. Сейчас я собираюсь быть в разъезде целый день и сделать так, чтобы ни в коем случае не стать причиной несчастной задержки, которая нам угрожает. Прощай, дорогой ангел, чувствуй себя хорошо и люби меня так же, как я тебя люблю. Я не желаю большего, т. к. я благоразумен и желаю лишь возможного». Возможно, последней фразой Салтыков своеобразным образом присягал на верность строгоновскому семейству, символом веры которого было наставление графа А.С. Строгонова сыну Павлу.

Самую важную часть из него, в частности, цитировал графу П.А. Строгонову его друг А. Чичерин: «Своим последним письмом вы доказали, что можно добиться всего, что хочешь (простое и прекрасное изречение вашего покойного деда). И поверьте мне: если вы скажете себе, что во что бы то ни стало хотите сделать что-то, и ваше желание будет достаточно сильно, – вы добьетесь успеха, несмотря на все препятствия»⁵⁹. Чичерин не совсем точно привел фрагмент послания графа Александра Сергеевича. Там есть такие строки: «Будь уверен, сын мой, что, когда желаешь только того, что достижимо, достигнешь всего, чего пожелаешь». То есть существовало важное дополнение: не просто желать, а желать того, что достижимо.

Иван Дмитриевич увлекался коллекционированием доспехов и оружия. 2 декабря 1832 года брат Петр писал ему в Москву: «Я сделал приобретение. Помнишь ли ты мое богатое

---

⁵⁸ Цит. по: Векслер А.В. Петербургские внуки «Пиковой дамы» // Невский архив, VIII. СПб., 2008.

⁵⁹ Дневник Александра Чичерина. 1812–1813 / Пер. с франц., подг. к печати С.Г. Энгель и М.И. Перпер. М., 1966.

турецкое седло с огромным черпаком, которое я давным-давно купил в Москве <...> и которое у меня всегда стояло в стеклянном шкапу? <...> Точно такое седло я недавно купил здесь, с той только разницею, что все серебро на нем белое вызолоченное, а чепрак и орчаг вместо малинового бархата покрыт розовым глазетом... Вместе еще достал я без седел два прибора с чепраками, также блестками вышитыми, но гораздо меньшего размера, один желтый тафтяной, а другой розовый... Еще я к тебе отправил две ноги и две перчатки рыцарские, которые ты, конечно, уже получил... Я выдумал для люстр и для стенных канделябров сделать хрустальные поддонники... из разноцветного стекла, зеленые и красные, граненые, которые весьма хорошо при свечках будут блестеть... Дорого стоят готические стекла... В горнице два окошка. В каждом два нижние стекла будут украшены кругом разноцветными простыми стеклами, посреди которых будут вставлено по одной только картинке готической, таким почти манером, как у тебя в кабинете; только у тебя рамка прозрачная, а у меня будут вставлены цветные стекла»⁶⁰. Готическими стеклами называли витражи, они были наиболее ценным атрибутом замков, возводимых в России 1820-1840-х годов.

Вскоре князь скончался. Он был похоронен на Лазаревском кладбище неподалеку от усыпальницы. Скромная плита окружена решеткой изящного готического рисунка с опущенными вниз факелами.

Елизавета собирала акварели – в полной мере изящное женское собирательство. На выставку частных собраний 1861 года, организованную ее племянником графом П.С. Строгоновым (о предприятии еще будет сказано), светлейшая княгиня отправила произведения сразу нескольких западных мастеров, в том числе С. Корроди. Одна из принадлежащих Салтыковой акварелей К.П. Брюллова связана с памятью о Пушкине.

25 января 1837 года художник А.Н. Мокрицкий, ученик Брюллова, записал следующий эпизод посещения мастерской Пушкиным и В.А. Жуковским: «Весело было смотреть, как они любовались и восхищались его дивными акварельными рисунками, но когда он показал им недавно оконченный рисунок „Съезд на бал к австрийскому посланнику в Смирне“, то восторг их выразился криком и смехом <...> Пушкин не мог расстаться с этим рисунком, хохотал до слез и просил Брюллова подарить ему это сокровище; но рисунок принадлежал уже княгине Салтыковой, и Карл Павлович, уверяя его, что не может отдать, обещал нарисовать ему другой...» Этого не произошло, потому что через четыре дня произошла самая знаменитая в российской истории дуэль.

К.П. Брюллов был также автором небольшого акварельного и большого парадного портрета Елизаветы, написанного маслом. На первом, исполненном «великим Карлом» в начале 1835 года, светлейшая княгиня представлена в черном, траурном платье на открытой террасе на фоне итальянских далей.

⁶⁰ Цит. по: *Файбисович В.М.* Галерея князя Петра Салтыкова // Мера. 4/95. СПб., 1996. С. 199–200.

Светлейшая княгиня Е.П. Салтыкова в трауре по мужу. Возможно, Италия – лучшее место для утешения

Итак, в 1837 году Петр Садовников, в отдаленной западной части дачи графини Строгоновой начал строительство «замка Салтыковой». Несмотря на инициированный его петергофским Коттеджем готический стиль, император Николай I не одобрял подобных фасадов в столице, запретив, в частности, Огюсту Монферрану избрать его для собственного дома на Мойке. По этой причине дом появился на Строгоновской даче. Зависимый от прототипа, он в то же время выдает архитектора, не сумевшего полностью освободиться от канонов классической архитектуры. Так, в отличие от императорского Коттеджа, где Адам Менелас спроектировал четыре равнозначных фасада, мы отчетливо видим главный фасад, ориентированный на ворота из пудожского камня, и дорогу, разделившую Строгоновский сад на две части. Ворота представляют две соединенные решеткой четырехугольные тюдоровские же башни с зубцами и четырьмя бойницами.

Главный восточный фасад, как и в Петергофе, имеет три части и абсолютно симметричен. Центр его подчеркнут открытым тамбуром с зубцами и тюдоровской аркой, выложенной из красного кирпича. Другие элементы также заимствованы из английской архитектуры времени Тюдоров, в частности дворца в Хэмптонкурте. Тамбур здания фланкируют две деревянные многоярусные «башни», начинающиеся на уровне второго этажа и чуть напоминающие входы в замки, но более похожие на каминные трубы. Оригинальность композиции Садовникова состоит в постановке башен на колонны, вытесанные из известняка. Башни глухие в нижней части, но два верхних яруса имеют стекла, которые первоначально, возможно, были цветные. Они завершаются крошечными куполами со шпилем. Основание оформлено щитами, мотив которых подхвачен межэтажным поясом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.